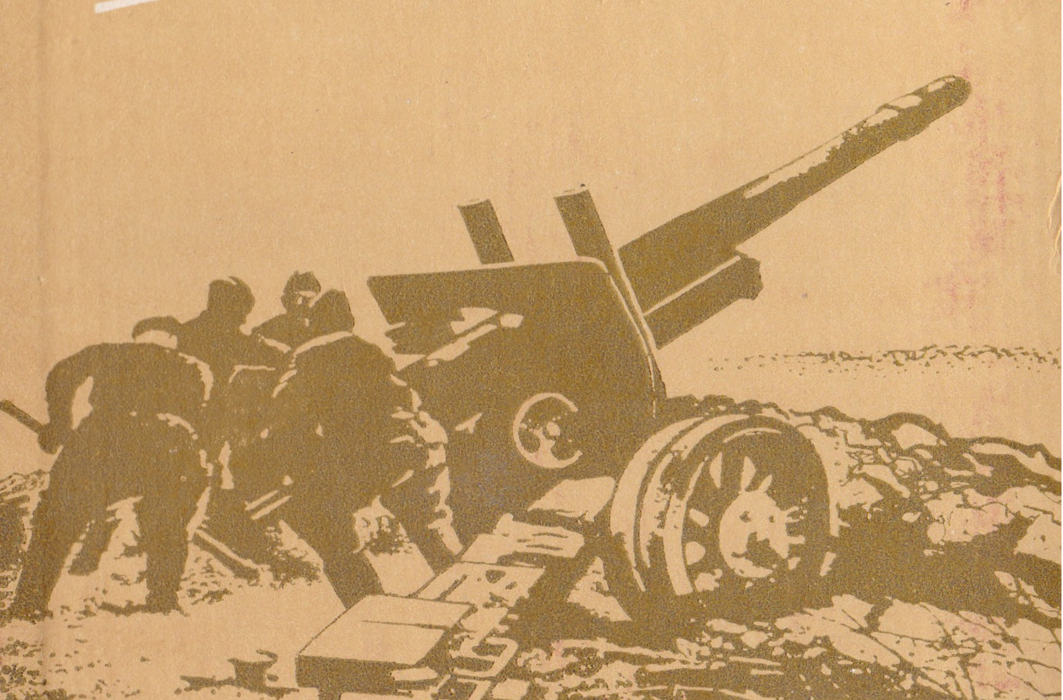
П. Н. Кудинов

ВЛАСТЕЛИНЫ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ОГНЯ

Целесообразно сделать корешок книги светлее. В зависимости от этого определить краску на корешке — сейчас текст там не читается. Слишком широк выход корешка на 1 и 4-ю сторонки, желательно обузить его.

[signature] 26.8.86 г.

[signature] 26.08.86

П. Н. Кудинов

ВЛАСТЕЛИНЫ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ОГНЯ

МОСКВА
ВОЕНИЗДАТ
1986

ББК 63.3(2)722.78
К88

Кудинов П. Н.

К88 Властелины артиллерийского огня. — М.: Воениздат, 1986. — 208 с.

В пер.: 55 к.

Генерал и рядовой, командир артиллерийского соединения и наводчик противотанкового орудия — вот персонажи этой книги. Все они — Герои Советского Союза. Об их подвигах в боях с ненавистным врагом в годы Великой Отечественной войны, несгибаемом мужестве и самоотверженной любви к Родине рассказывает автор — участник войны полковник в отставке П. Н. Кудинов.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

К $\frac{1304010000-095}{068(02)-86}$ КБ-7-3-1986 БЗВ№21—1985—№1

ББК 63.3(2)722.78

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уже более четырех десятилетий отделяют нас от Великой Отечественной войны, но в нашем народе еще хорошо помнят ту грозную пору, горечь неудач и радость замечательных побед над ненавистным врагом.

В Великой Отечественной войне советский народ под руководством Коммунистической партии одержал всемирно-историческую победу над фашистской Германией и ее союзниками, доказав, что в мире нет силы, которая могла бы одолеть наше государство и его армию. В ожесточенных битвах с врагом советские люди проявили исключительную стойкость, самоотверженность и массовый героизм, совершили подвиги, равных которым не знает история. Более 11 тысяч воинов были удостоены звания Героя Советского Союза, 104 человека награждены двумя медалями «Золотая Звезда», а Г. К. Жуков, А. И. Покрышкин и И. Н. Кожедуб — тремя.

В тесном взаимодействии с воинами других родов войск — пехотинцами и танкистами, летчиками и моряками — с честью выполняли свой воинский долг перед Родиной и советские артиллеристы. Они успешно громили врага и доказали, что артиллерия поистине была «богом войны». Будучи главной огневой силой Сухопутных войск и важным оперативным средством, артиллерия своим огнем останавливала бронированные полчища противника, уничтожала его пехоту и инженерные сооружения, создавала несокрушимый щит, о который разбивались вражеские атаки. В наступательных боях она взламывала оборону фашистских войск, расчищала путь нашей пехоте и танкам.

Родина высоко оценила подвиги артиллеристов. За героизм, доблесть и мужество, проявленные в боях, более 1800 воинов-артиллеристов были удостоены звания Героя Советского Союза, а двое из них — В. С. Петров и А. П. Шилин — получили это звание дважды. Герой Советского Союза А. В. Алешин за боевые подвиги был награжден также орденом Славы всех трех степеней.

...Бегут годы. Эстафета доблести и славы передается от поколения к поколению, озаряя немеркнущим светом путь в коммунистическое будущее, по которому уверенно идет советский народ. Вместе со всеми шагают к заветной цели и ветераны, отстоявшие в тяжелую годину свободу и независимость социалистической Родины. Их

ратный подвиг служит примером любви и верности Отчизне, зовет молодые поколения советских людей на новые свершения ради мира и счастья своего народа.

В этой книге рассказывается о боевых подвигах артиллеристов — Героев Советского Союза. Написана она на основе архивных документов и воспоминаний самих Героев и их боевых друзей.

Маршал артиллерии
Г. Е. ПЕРЕДЕЛЬСКИЙ

В ОГНЕ СРАЖЕНИЙ

Герой Советского Союза
генерал-полковник
П. С. СЕМЕНОВ

Спустя почти два десятка лет после Великой Отечественной войны генерал-полковник Петр Сергеевич Семенов прилетел в Калининград. Разрушений в городе было еще много, но центральные площади уже преобразились. Генерал увидел новые жилые дома, театры, спортивные сооружения. Напротив Королевского замка вышел из машины, подошел к мосту через реку Прегель. Отсюда были хорошо видны полуразрушенные стены замка — некогда красивого архитектурного сооружения. На стенах еще оставались выбоины — следы от снарядов, осколков и пуль. При штурме города по замку вели огонь артиллеристы 11-й гвардейской армии. По целям в других районах Кенигсберга, превращенного гитлеровцами в мощную крепость, стреляли артиллеристы соседних армий. Тысячи снарядов и бомб превратили многочисленные оборонительные сооружения противника в развалины.

Бывший командующий артиллерией 11-й армии генерал Семенов смотрел на город и думал о том, что упрямство фашистов, не пошедших сразу же на капитуляцию, привело к разрушению многих зданий этого огромного города. Теперь предстояло восстановить его.

На высокого красивого генерала с Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди обращали внимание проходящие мимо калининградцы, многочисленные туристы из различных городов страны. Им, естественно, хотелось узнать, почему он так долго и внимательно смотрит на полуразрушенный замок. Но никто из них не решался задать этот вопрос задумавшемуся генералу.

Это сделали пионеры. Они окружили Петра Сергеевича, и один из них, самый бойкий, обратился к нему:

— Может быть, вы воевали здесь, товарищ генерал? Мы на экскурсии. Были в бункере коменданта крепости

немецкого генерала О. Лаша, в замке. Расскажите нам, как воевали здесь...

Генерал-полковник улыбнулся.

— Да, — задумчиво произнес он. — Я воевал здесь. Страшные бои были тут... — Он минуту помолчал, разглядывая лица притихших ребят, потом продолжил: — Наши артиллеристы стреляли и по засевшим в замке гитлеровцам, и по штабу Лаша. Подавляли живую силу и огневые средства фашистов, чтобы пехоте нашей легче было наступать...

— А самого Лаша вы видели? — спросила белокурая девочка.

— Видел и даже присутствовал при его допросе. Фашистский генерал был ошеломлен нашей мощью, организованностью и героизмом советских солдат. Он сказал, что и предположить не мог, чтобы такая крепость, как Кенигсберг, пала так быстро. По его словам, советское командование хорошо разработало и прекрасно провело эту операцию. Между прочим, — заметил Семенов, — гитлеровцы потеряли в районе Кенигсберга стотридцатитысячную армию. Только в плен мы взяли здесь более 90 тысяч фашистов, захватили 3700 орудий и минометов, много танков, самолетов, другой боевой техники...

— А сколько же у наших пушек было? — поинтересовался мальчишка. — Если у гитлеровцев было около четырех тысяч, то у наших — больше?

— Молодец! Ты рассуждаешь верно.

— Мой папка командовал здесь орудием, — с гордостью произнес пионер.

— Только в нашей 11-й гвардейской армии, — продолжал генерал, — было около тысячи орудий и минометов. А всего по крепости вело огонь более пяти тысяч стволов. По замку, что перед нами, стреляли тяжелые орудия калибра 305 миллиметров... Артиллеристы, которыми командовал Герой Советского Союза гвардии капитан Ю. К. Субботин, хорошо помогали пехоте... Особенно ожесточенные бои шли в районе вокзала. Фашисты превратили его в сильный опорный пункт и оттуда вели огонь, преграждая путь нашей пехоте к реке. К мосту, где мы находимся, к Королевскому замку и блиндажу Лаша рвались советские воины, а гитлеровцы остановили их, прижали к земле. Тогда командир батареи старший лейтенант Петров взял разведчиков, связистов, топографов и решил ворваться в здание вокзала. К нему присоединился взвод пешей разведки стрелкового полка...

Петров зарекомендовал себя храбрым и умелым командиром, хорошо разбирающимся в сложной боевой обстановке. Как только сгустились сумерки, его группа приблизилась к вокзалу. По команде Петрова лейтенант Травин, старшина Кузнецов, артиллеристы и разведчики-пехотинцы бросили в окна здания гранаты и ворвались в него. Быстрота и внезапность помогли воинам без потерь захватить первый этаж. Петров сообщил об этом по радио своему командиру, а потом добавил:

— Из подвальных окон вокзала стреляют пулеметы. Их нужно обязательно уничтожить.

Захватив первый этаж, бойцы бросились на второй. А в это время наши орудия, выставленные для стрельбы прямой наводкой, открыли огонь по подвалу. Снаряды 122-миллиметровых гаубиц нанесли большой урон гитлеровцам.

После того как вокзал был взят, артиллеристы во главе со старшим лейтенантом Петровым двинулись дальше, выявляя огневые средства и живую силу противника. Они первыми вышли к реке вон в том месте, — генерал показал рукой на берег Прегели, — первыми форсировали ее и до конца боев в Кенигсберге наступали вместе с пехотой. За храбрость, проявленную в боях, за инициативу и находчивость Антон Васильевич Петров был удостоен звания Героя Советского Союза, а все члены его группы награждены орденами и медалями...

— Еще что-нибудь расскажите о тех боях, — попросили пионеры Петра Сергеевича.

— На участке нашей 11-й гвардейской армии у противника к началу боев имелись 23 артиллерийские батареи. После взятия Кенигсберга мы выяснили, что двадцать из них были уничтожены артиллерийским огнем. По вражеским дотам и казематам особенно метко стрелял мастер артогня капитан Осипчук. Его батарея 280-миллиметровых орудий сделала больше ста прямых попаданий только по форту № 4. Знаете, где он расположен?

— Да, — ответил старший из мальчиков. — Историю боев мы изучаем.

— Это хорошо, — похвалил его генерал. — Во внутренний двор форта попали 32 снаряда. Поэтому гарнизон мощного крепостного сооружения врага почти не оказал сопротивления нашим войскам. Вот что значит артиллерия, ребята.

— А за что вы получили звание Героя, товарищ генерал?

— Тоже за штурм Кенигсберга.

— Вот здорово! — вымолвил, глядя на генерала восхищенными глазами, веснушчатый паренек. — С Героем удалось встретиться. Расскажу сегодня папе. Рад будет. Он тоже за Кенигсберг дрался. Был тяжело ранен. Все-все мне о войне рассказывает.

— И правильно делает, — заметил Петр Сергеевич. — Вам надо знать о том, что несли нашему народу фашисты. Изучать историю войны, ребята, надо для того, чтобы любить свою Родину, быть достойными сыновьями советского народа, чтобы по-настоящему готовиться к защите Родины, когда подрастете. А своему отцу, — обратился он к веснушчатому мальчику, — передай привет и наилучшие пожелания от генерала Семенова...

Петр Сергеевич провел в Калининграде неделю, осматривая места былых сражений, вспоминая трудные дни штурма этой крупнейшей крепости. Пруссаки на протяжении веков укрепляли ее, готовя завоевательные походы против соседних стран. Они построили много железобетонных дотов, на фортах установили стальные колпаки. На подступах к городу были созданы различного рода инженерные сооружения и заграждения.

Весной 1945 года, задолго до начала штурма, командующий артиллерией 11-й гвардейской армии гвардии генерал-лейтенант П. С. Семенов побывал на многих наблюдательных пунктах батарей и дивизионов, изучая с них вражескую оборону. По данным разведки всех видов, на карту были нанесены три оборонительные позиции Кенигсбергского укрепленного района. На каждой из них были форты, траншеи полного профиля, рвы, наполненные водой, доты и дзоты, минные поля, несколько рядов проволочных заграждений...

— Как же мы прорвемся в это логово? — спросил генерала один из разведчиков. — Тут сталь и бетон. Каналы и мины. Проволока и доты. Напихали их фрицы видимо-невидимо. Аж страх берет, товарищ генерал.

— Страх? — Семенов внимательно посмотрел на солдата. — Страх — плохой помощник. У страха глаза велики. Его надо преодолеть. Тогда победишь ты, а не противник...

Петру Сергеевичу невольно вспомнился эпизод боев под Сухиничами летом 1943 года. На фланге армии появилась новая фашистская танковая дивизия, имевшая в своем составе более двух сотен машин. Они устремились в атаку на наш передний край. Но испугать нас было

непросто. Советские воины не растерялись. На помощь им были выдвинуты два истребительно-противотанковых артиллерийских полка. Сначала гитлеровцев встретил огонь нашей артиллерии с закрытых позиций. Снаряды падали так плотно, что несколько танков загорелось. Строй их нарушился. Но они не остановились. Тогда, подпустив их на дальность прямого выстрела, почти одновременно ответили сорок восемь наших противотанковых пушек. Сразу загорелось двадцать машин. Из-за них вышли новые. Они буквально засыпали снарядами позиции противотанкистов. Казалось, такого огня не выдержать, но количество уничтоженных вражеских машин на поле боя все увеличивалось.

О танковом ударе гитлеровцев было доложено командарму генералу Баграмяну Ивану Христофоровичу. «Сейчас помогу», — пообещал он. Действительно, минут через двадцать появились тридцатьчетверки, а затем и самолеты. И в то время, когда противотанкисты с трудом сдерживали прорвавшихся на наши огневые позиции «тигров», танкисты полковника Токарева ударили во фланг фашистам. Через полчаса с врагом было покончено. На поле боя невдалеке от села Дудинки осталось 142 подбитых и сгоревших фашистских танка... Вот результат преодоления страха.

Генерал посмотрел на солдата, ободряюще улыбнулся:

— О чем может идти речь, если у нас здесь огромная сила. Пусть ее фашисты боятся.

Гвардии генерал-лейтенант провел рекогносцировку и возвратился в штаб.

— Мы с начальником штаба, — сообщил он собравшимся офицерам, — тщательно подсчитали объем работы, которую нам предстоит проделать. Пришли к выводу, что в общей сложности на артподготовку — разведку и разрушение целей — необходимо четверо суток...

— Вы не оговорились, товарищ командующий? — с удивлением спросил один из присутствующих офицеров.

— Нет, не оговорился, — ответил Семенов. — Нам нужно надежно разрушить оборонительные сооружения крепости. Для этого потребуется одни сутки потратить на огневую разведку целей. Это нужно прибывшим частям, имеющим на вооружении системы большой и особой мощности. Ведь использовать их без разведки неразумно. Каждый снаряд у них на особом счету. Разведку проведет дивизионная артиллерия. Ей предстоит снять земляное и растительное покрытие фортов и дотов. Именно

так мы поступали при штурме линии Маннергейма в 1939—1940 гг. Последующие трое суток, — продолжал генерал, — мы будем разрушать оборонительные сооружения. Для этого предназначаются 330-й дивизион полковника Кручинина, 316-й майора Штефана, 328-й майора Катунина, 329-й подполковника Торпинского. Как видите, для выполнения задачи разрушения у нас есть необходимые средства. Каждое орудие будет вести огонь только по одной цели до полного ее уничтожения. По фортам предполагается израсходовать примерно по 300 снарядов. С подобной задачей мы встретились впервые. Поэтому могут быть вопросы, которые следует решить как можно быстрее. Прошу учесть, что 280- и 305-миллиметровые орудия ночью огонь вести не будут: их на это время подменят орудия меньших калибров...

К предстоящей операции артиллеристы армии готовились особенно тщательно. Штабы размещали боевые порядки, ставили задачи, разрабатывали таблицы огня. Разведчики, вычислители, связисты и огневики занимались своими делами: выискивали цели, определяли их координаты, прокладывали линии телефонной связи, готовили огневые позиции.

Наконец, по сигналу артиллерия открыла огонь, который продолжался с утра 2-го до утра 6 апреля.

Генерал Семенов, все время находясь на передовом командном пункте, наблюдал за работой артиллерии, изредка звонил подчиненным в дивизии, выслушивал их донесения. Первым доложил о разрушении форта № 8 командир дивизиона подполковник Торпинский:

— Первая батарея сделала 78 попаданий в форт № 8 «Кальген». Сквозных пробоин пять. Железобетонное сооружение выведено из строя.

Со временем на карте гвардии генерал-лейтенанта Семенова появлялось все больше перечеркнутых черным карандашом синих кружков, обозначавших вражеские форты. Это радовало командующего артиллерией. «Не зря проведена большая подготовительная работа», — думал он, слушая то глухие, то звонкие голоса батарей.

Перед штурмом артиллерия армии провела непосредственную трехчасовую артиллерийскую подготовку атаки пехоты и танков. Тысяча орудий и минометов размеренно била по фортам, дотам, дзотам, огневым позициям, наблюдательным пунктам противника на значительном участке Кенигсбергского укрепленного района.

За двойным огневым валом двинулись вперед пехо-

тинцы, саперы, огнеметчики. Их поддерживали танки и орудия сопровождения. Семенов видел сквозь дым яркие огнепуски, росчерки реактивных снарядов, вспышки разрывов и густые цепи пехоты, идущей на штурм крепости.

Вот первые пехотинцы вскочили в траншеи, блокировали форты... Враг яростно огрызается: загорелся наш танк, разбито орудие сопровождения... Но огневой вал ведет наступающих в глубь обороны противника. К исходу дня 11-я гвардейская армия прорвала первую позицию и промежуточный рубеж обороны гитлеровцев, завязала бои в южных пригородах.

Позвонил командарм:

— Поддержи пехоту при форсировании Прегеля!

— Почти вся дивизионная артиллерия, — ответил Семенов, — послана на прямую наводку, «катюши» начали обрабатывать берег.

— Хорошо! Действуй в таком темпе, — одобрил командующий армией.

В ночь на 8 апреля гвардейцы 11-й армии форсировали Прегель и соединились с 43-й армией, а к 19 часам части 1-й гвардейской мотострелковой дивизии штурмом овладели Королевским замком.

Генерала Семенова вызвал командующий фронтом. Он был лаконичен:

— У нас, Петр Сергеевич, находятся парламентеры противника. В штаб вражеского гарнизона направляем своих офицеров с предложением о немедленной капитуляции. Но ты будь готов открыть огонь всей артиллерией армии по району штаба Лаша в случае провокации!

— Есть! — ответил Семенов и поспешил к себе.

Вести огонь не пришлось. Комендант крепости генерал Лаш без колебаний принял ультиматум и сдался в плен вместе со своим штабом...

После ликвидации остатков пиллауской группировки на морской косе Фришес-Нерунг войска 11-й гвардейской армии получили новую задачу и начали подготовку к ее выполнению. Командарм Галицкий и член Военного совета Куликов написали представление на командующего артиллерией армии, в котором говорилось: «Высокоэффективные действия артиллерии армии при штурме города и крепости Кенигсберг сыграли решающую роль в успешном завершении операции. Генерал Семенов умело управлял артиллерией и непрерывно осуществлял артиллерийское обеспечение прорыва важного пояса кенигсбергских укреплений, расчищая путь пехоте и танкам.

При развитии боя в глубине Семенов непрерывно руководил огневой поддержкой стрелковых соединений, обеспечивал их успешное продвижение вперед...

Особенно высока заслуга генерала Семенова в обеспечении форсирования реки Прегель в черте Кенигсберга. Несмотря на сложные условия, ограниченное количество боеприпасов, товарищ Семенов сумел организовать надежное огневое подавление обороны противника на северном берегу реки и прикрыть переправу стрелковых частей.

В этих боях, находясь под непрерывным огнем, генерал Семенов проявил исключительное мужество и отвагу, добившись четкого выполнения поставленной перед ним задачи. В уличных боях в центральной части Кенигсберга артиллерия армии своим метким огнем обеспечила разгром окруженной группировки противника и вынудила его остатки к капитуляции.

За умелое руководство артиллерией и личное мужество, смелость и героизм, проявленные в боях при штурме Кенигсберга и форсировании реки Прегель, генерал Семенов представляется к присвоению звания Героя Советского Союза» [1].

Под Кенигсбергом 11-я гвардейская армия имела плотность артиллерии 195 стволов на километр фронта. А вот в Погорело-Городищенской операции в августе 1942 года 20-я армия, в которой воевал тогда Семенов, смогла сосредоточить лишь по сто с небольшим орудий на каждом из восьми километров участка прорыва.

Около трех лет разделяли эти операции — срок очень маленький. Но за это время неизмеримо возросла мощь советской артиллерии, повысилось боевое мастерство ее командиров и штабов, личного состава.

Если под Кенигсбергом генерал Семенов думал о том, как лучше использовать большое количество находящейся в его распоряжении артиллерии, то под Погорелым Городищем размышлял о том, как бы обмануть противника, ввести вражеское командование в заблуждение. Тогда от этого во многом зависел успех боя. В случае неудачи много людей погибли бы без пользы. Чтобы этого не случилось, генерал Семенов решил обозначить на второстепенном направлении усиленную артиллерийскую группу. С этой целью он выделил несколько орудий из армейской артиллерийской группы, вплоть до 203-милли-

---

[1] Архив МО, ф. 33, оп. 793756, д. 43, л. 75—76.

метровых гаубиц, которые в течение суток планомерно вели пристрелку с разных огневых позиций, создавая видимость крупного сосредоточения артиллерии. Ложную группировку прикрывали все средства противовоздушной обороны. Зенитные орудия и пулеметы вели интенсивный огонь по каждому самолету противника, появлявшемуся в этом районе.

В то же время на другом участке сосредоточивалась действительная группировка артиллерии, предназначенная для подготовки наступления. Здесь оборудовались огневые позиции, подвозились матчасть и боеприпасы. Специально выделенные для этой цели орудия различных калибров вели пристрелку целей. Результаты их стрельбы обобщались в штабах, поправки вносились в исходные данные для стрельбы по целям других орудий. Все эти мероприятия помогли обмануть гитлеровцев.

Утром 4 августа 1942 года в районе Погорелое Городище началась артиллерийская подготовка. Вначале в течение десяти минут снаряды и мины рвались в районах командных и наблюдательных пунктов, позиций артиллерии и минометов, первой полосы обороны противника. Затем наступил период подавления, который сменился сорокапятиминутным методическим огнем на разрушение. Потом были сделаны огневой налет по переднему краю и ложный перенос. Когда вражеская пехота заняла позиции для отражения атаки советских войск, на нее обрушился мощный огневой шквал, закончившийся залпом реактивной артиллерии.

К середине дня Погорелое Городище было освобождено...

Сменялись фронты, соединения и части. Росло воинское искусство генерала Семенова. Его решения, методы выполнения огневых задач становились все более продуманными, неожиданными для противника. Готовясь к новой операции, он думал о том, чтобы найти что-нибудь новое, оригинальное, до него никем не примененное. И эта новизна, постоянное творчество были одной из главных причин его успехов во время Великой Отечественной войны.

При подготовке наступления 11-й гвардейской армии на Витебск в июле 1944 года ей придали 21-ю и 15-ю артиллерийские дивизии прорыва, 8-ю пушечную артиллерийскую дивизию и почти полтора десятка артполков резерва Верховного Главнокомандования.

— На каждый километр участка прорыва мы имеем

около 180 орудий и минометов, — доложил генерал Семенов командарму.

— Что, Петр Сергеевич, предложите нового на этот раз? — поинтересовался командующий армией.

— Успешно применяется двойной огневой вал.

— А чем он отличается от одинарного?

— Тем, что создаются две артиллерийские группы. Одна из них, как обычно, откроет огонь. По мере продвижения пехоты она будет переносить огонь в глубь вражеской обороны стометровыми скачками. Второй группе предстоит поражение основных рубежей, но скачками по 300—400 метров.

— Но это чрезвычайно сложно, — заметил командарм. — Справятся ли со своими задачами ваш штаб и подчиненные части?

— Справятся, — уверенно ответил Семенов. — Хотя, действительно, с точки зрения исполнения двойной огневой вал весьма сложен. Но подобным образом мы надежнее расчистим путь пехоте.

Командарм согласно кивнул головой и посмотрел в глаза Семенову:

— Ваш бывший командующий, Иван Христофорович Баграмян, рассказывал о вас много хорошего. В частности, о боях под Орлом. Что вы там придумали?

— Ничего особенного, товарищ генерал.

— Ну, положим, за красивые глаза орденом Суворова не награждают...

— Что ж... Вы, конечно, знаете об артиллерийском контрударе, о массовом выводе орудий всех калибров на прямую наводку. Это было сделано в оборонительном сражении. А при подготовке к наступлению мне пришла мысль о том, что атаку пехоты лучше начинать не после артподготовки, а чуть раньше. Присутствовавший при докладе представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков поддержал эту мысль и приказал поднять пехоту в атаку перед концом артподготовки. Атака была успешной.

— Есть ли какие просьбы? — спросил командарм. — Говорите, а то в бою времени у нас будет в обрез.

— Командиры стрелковых дивизий, полков, батальонов, не говоря о ротных и взводных, не знают правил стрельбы и способов использования артиллерии. По этой причине они подчас ставят артиллеристам, скажу прямо, невыполнимые или, наоборот, очень легкие задачи. После

недавних боев наш штаб пришел к выводу, что приданная армии артиллерия, преимущественно большой мощности, перерасходовала запланированные на операцию боеприпасы. А дивизионная и полковая артиллерия, особенно 82-миллиметровые минометы, «сэкономила» их. Почему? Потому что командиры стрелковых подразделений просили командиров артиллерии большого калибра подавлять мелкие огневые точки, которые могли быть с большим успехом уничтожены батальонными или полковыми минометами. Кроме того, многие пехотные командиры не знают об изменениях, происшедших в тактике артиллерии, в технических характеристиках ее отдельных систем, не умеют вызвать неподвижный, сосредоточенный огонь и вообще давать командирам приданной и поддерживающей артиллерии целеуказания и другие распоряжения...

— Э, батенька, куда хватил! — засмеялся командарм. — Это нам академию нужно открывать. И начинать не с ротных и батальонных, а с меня. Ведь что греха таить, и я не готов управлять артиллерией в том объеме, какой сейчас требуется общевойсковому командиру.

— Академию, может быть, и не следует открывать, а дать необходимые знания об артиллерии максимальному числу общевойсковиков очень полезно.

— Тогда начинай с меня. Перекурим вот, чайку попьем — и за дело. У меня часа два-три найдется.

Два часа беседовали генералы. Семенов рассказал о возможностях батарей и дивизионов различных калибров, о весе снарядов, о скорострельности систем, о быстроте сосредоточения и рассредоточения огня.

— Ну спасибо, Петр Сергеевич, — пожимая руку Семенову, сказал Галицкий. — В моем кондуите, да и в голове, конечно, кое-что появилось новое, полезное и нужное. Я заставлю комдивов изучать артиллерию. А они, конечно, потребуют этого от командиров полков, батальонов, рот... Ваши подчиненные готовы к таким беседам? Учиться никогда не поздно, особенно если это необходимо.

Генерал Галицкий сдержал слово. Каждый день при встречах с подчиненными он задавал им вопросы по тактике и организации артиллерии, учил ставить задачи. Через некоторое время изучение артиллерийских «секретов» распространилось во всей армии.

...В декабре 1943 года артиллерия 11-й гвардейской армии, приданные соединения и части обрушили мощь

своего огня на всю глубину обороны противника. Началась Городокская операция. По особо прочным оборонительным сооружениям вели огонь прямой наводкой тяжелые орудия. Генерал Семенов приказал поставить на передний край даже несколько 203-миллиметровых систем. Сам он находился на передовом командном пункте невдалеке от Городка. 20 декабря ему доложили, что двадцать наших танков вышли в район огневых позиций 24-го гвардейского артиллерийского полка. Генерал посмотрел на карту. Никаких танков в этом районе не должно было быть. Даже заблудиться здесь они не могли. Генерал сделал вывод, что танки принадлежат противнику.

— Слетов! — связался он с командиром полка. — Что там у вас?

— Танки атаковали батареи первого дивизиона.

— Немедленно прикажите уничтожить их.

— А если наши?

— Не наши. Выполняйте приказ!

Через некоторое время Слетов доложил:

— Батареи гвардии старших лейтенантов Субботина и Пономарева уничтожили 12 машин.

— Ваши потери?

— Десять орудий.

Получалось, что враг чуть не перехитрил артиллеристов, использовав захваченные ранее наши танки. После операции генерал на примере полка Слетова показал, что похвалы заслуживают те командиры, которые выполняют боевые задачи с минимальными потерями. Генерал Семенов отметил командира 2-й батареи 824-го гаубичного артиллерийского полка гвардии старшего лейтенанта Конева. Эта батарея в короткий срок уничтожила более 13 целей, не потеряв ни одного человека.

...После овладения Кенигсбергом солдаты штаба артиллерии армии пригласили генерала Семенова на проводы гвардии сержанта Кузнецова — инженера-энергетика, увольнявшегося из армии как специалист, необходимый народному хозяйству. В конце встречи сержант попросил генерала поделиться воспоминаниями о своей жизни.

Петр Сергеевич не любил рассказывать о себе. Но сейчас решил уважить сержанта. Он поведал, что родился в семье питерского рабочего, рано познал тяжелую работу. В разгар первой мировой войны 13-летним мальчишкой начал бродяжничать в поисках куска хлеба. Смоленск, Витебск, Минск, Киев, Винница — таков далеко

не полный перечень городов, где побывал паренек. А вскоре царские жандармы поймали его и, несовершеннолетнего, но рослого, направили солдатом на фронт. В боях под Тернополем в составе 5-го Финляндского полка он был ранен. Выздоровел и попал в 3-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион.

После Февральской революции, будучи рядовым, Семенов возвращается в родные места, где его избирают председателем комитета бедноты. Потом он возвратился в армию и на протяжении двадцати восьми лет бессменно стоял на страже завоеваний Октября.

Великую Отечественную войну Петр Сергеевич встретил на западной границе. Стрелковая дивизия, артиллерией которой он командовал, отражала атаки фашистов на полях Белоруссии и Смоленщины.

С первых и до последних дней войны П. С. Семенов командовал артиллерией. В ходе сражения за Москву артиллеристы, которыми он командовал, наносили врагу тяжелые потери. За бои на подступах к столице П. С. Семенов был удостоен высшей награды — ордена Ленина. В дальнейшем, будучи командующим артиллерией ряда армий, генерал Семенов успешно руководил большими массами артиллерии, сыгравшими важную роль в разгроме врага.

За отличное артиллерийское обеспечение боевых действий и заслуги перед Родиной П. С. Семенову было присвоено высокое звание Героя Советского Союза, он был награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Красной Звезды и многими медалями, а также орденами зарубежных стран.

В послевоенное время генерал П. С. Семенов командовал артиллерией ряда военных округов, высшим военным училищем, был заместителем командующего Ракетными войсками и артиллерией Советской Армии.

Главным в своей деятельности П. С. Семенов всегда считал беззаветное служение делу Коммунистической партии, Родине, ее Вооруженным Силам.

В 1970 году генерал-полковник П. С. Семенов вышел в отставку.

ШТРИХИ ХАРАКТЕРА

Герой Советского Союза генерал-полковник Г. В. ПОЛУЭКТОВ

Чем больше узнавал я о генерал-полковнике Г. В. Полуэктове, тем сильнее хотелось написать о нем. С этой целью беседовал с ним, изучал документы. Оказалось, что мы с Георгием Васильевичем — однополчане. Он служил в 84-м артиллерийском полку с 1924 по 1927 год. Командовал в нем взводом и батареей, здесь вступил в ряды Коммунистической партии. Я же в 84-й артиллерийский полк попал в 1942 году и прослужил в нем до конца войны.

Слушал Георгия Васильевича во время встречи его с боевыми друзьями, задавал ему вопросы. Рассказ генерала записывал на магнитофон. Лента с записью впоследствии пригодилась мне.

— О самом памятном для меня однозначно сказать трудно, — говорил генерал. — Я лучше расскажу свою биографию, остановлюсь на отдельных боях и сражениях. А вы уж выбирайте, что интереснее. Прослужил я в Советской Армии сорок лет. На моих глазах она совершенствовалась и крепла. Рос и я как командир-артиллерист.

Вы, например, обрадовались, что мы — однополчане. Но вы начали служить в 84-м полку на 18 лет позже меня. Мне было намного тяжелее. Вы окончили среднюю школу, нормальное артиллерийское училище, успели немного повоевать и лишь потом попали в этот полк. А я в 1915 году окончил сельскую школу. В 1918 — вечерние общеобразовательные курсы. Один год проучился в заочном Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова. Еще год в 8-й Ленинградской и столько же в Московской пехотной школах на артиллерийском отделении. Лишь в 1924 году принял взвод в 84-м артиллерийском полку...

Детство у Георгия Васильевича было трудным. В семье — одиннадцать едоков. И на всех только полдесяти-

ны земли и одна корова. Чтобы дети не умерли от голода, отец работал извозчиком в Москве. Братья и сестры в десятилетнем возрасте уходили в город на заработки, начинали самостоятельную жизнь. В тринадцать лет стал работать и Георгий. Сначала в банях, а с 1921 года — писарем в Главном артиллерийском управлении. Отсюда Георгий Васильевич Полуэктов добровольно вступил в Красную Армию.

Жизнь его была не из легких. По служебной лестнице он продвигался медленно: взвод, батарея, дивизион, полк. И только спустя много лет стал начальником артиллерии дивизии, армии, командующим артиллерией и ракетными войсками округа, начальником Военной академии имени Ф. Э. Дзержинского, командующим зенитной артиллерией Войск ПВО. Во время учебы в академии увлекался велосипедным спортом, участвовал во Всесоюзном велопробеге. За сто двадцать дней команда велосипедистов прошла по дорогам страны более четырнадцати тысяч километров. Ехали порой при температуре плюс пятьдесят градусов, а иногда и при морозах. Испытывали характер. Это в дальнейшем помогало в работе. Станет трудно — вспоминаю пробег по безводной пустыне, через горы, по нехоженым тропам... Нарком обороны поздравил нас, наградил именными часами, а мне сказал:

— Теперь наводи порядок в части.

Я приступил к исполнению своих служебных обязанностей, кропотливо работал с людьми, готовил их к защите Родины. Но велосипед люблю до сих пор. Это хороший спутник в моих загородных путешествиях.

В начале сорок первого был назначен начальником артиллерии 156-й стрелковой дивизии. В этой должности меня и застала война. Дивизия находилась в Крыму. Пришлось перенести много испытаний, сражаясь против превосходящих сил 11-й армии гитлеровцев. Но оборона дивизии была хорошо организована. Неся большие потери, противник замедлял наступление, останавливался, чтобы пополнить войска.

Утром 24 сентября фашисты обрушили на позиции 156-й стрелковой дивизии сильный удар. Перед Перекопским валом, который мы занимали, появились 20 вражеских танков. На большой скорости они шли к нашим окопам. Противник надеялся танковым ударом протаранить советскую оборону и открыть путь своей пехоте. Одновременно в воздухе появилось около 30 вражеских бомбардировщиков. Но расчеты фашистов провалились.

Артиллерия дивизии открыла сильный ответный огонь. В первые же минуты боя загорелись четыре вражеских танка, остальные замедлили ход. Пехота залегла, а потом противник откатился на исходные позиции. Через некоторое время гитлеровцы повторили атаку, но и она оказалась безуспешной. Дивизия прочно удерживала свои позиции.

Боевые документы дополняют рассказ генерала. В его характеристике указывается: «В декабре 1941 года в должности начальника штаба артиллерии 51-й армии Полуэктов разработал и провел в жизнь план артиллерийского обеспечения морской десантной операции 51-й армии при высадке в Крым через Керченский пролив.

Под Сталинградом организовал нештатную минометную бригаду».

Действительно, во время Сталинградской битвы был такой случай. Стало известно, что гитлеровцы готовятся на одном из участков фронта к наступлению. Командарм предупредил Георгия Васильевича об этом. Но в тот момент снарядов у артиллеристов было мало, мин же хватало. Как быть? Полуэктов понимал, что без помощи артиллеристов пехота не устоит. И он приказал все минометные батареи передать в распоряжение штаба артиллерии армии. Затем объединил их в пять дивизионов, которые, в свою очередь, свел в бригаду, и поставил ее на позиции, откуда можно было сосредоточить огонь на угрожаемом направлении. На следующий день гитлеровцы предприняли атаку танками и пехотой. Наши минометчики поставили перед ними стену разрывов, и их атака сорвалась.

«В ноябре 1942 года, — говорится в том же документе, — Полуэктов в должности командующего артиллерией 66-й армии планировал и проводил в жизнь артиллерийское наступление при окружении сталинградской группировки немцев. В конце января 1943 года в той же должности разрабатывал и проводил в жизнь план артиллерийского наступления армии при уничтожении окруженной группировки немцев под Сталинградом».

За умелое руководство артиллерией в тех боях Полуэктов был награжден орденом Красного Знамени.

11 июля 1943 года разгорелось ожесточенное танковое сражение под Прохоровкой.

— Товарищ Полуэктов, — приказал командующий армией генерал Жадов. — Сосредоточьте перед Прохоровкой,

на пути противника, огонь корпусной и армейской артиллерии.

Генерал Полуэктов решил привлечь к выполнению поставленной задачи всю артиллерию, находившуюся на переднем крае, выдвинуть для ее усиления несколько артиллерийских полков из глубины обороны и поставить на прямую наводку всю полковую и дивизионную артиллерию первого эшелона.

Все это сыграло положительную роль в исходе сражения. Артиллеристы, сражавшиеся плечом к плечу с танкистами и самоходчиками, показывали чудеса храбрости.

Так, когда танковая дивизия противника «Мертвая голова» вклинилась между нашими 95-й и 52-й стрелковыми дивизиями и ее танки и мотоциклисты захватили хутора Веселый и Полежаев, генерал Полуэктов приказал командиру 233-го гвардейского артиллерийского полка подполковнику А. П. Ревину:

— Выдвиньте полк на прямую наводку и приостановите продвижение гитлеровцев!

Через тридцать минут орудия полка открыли огонь по прорвавшимся танкам. Бой принял ожесточенный характер. Артиллеристы стреляли по танкам, чередуя подкалиберные и бронебойные снаряды. По мотоциклистам они вели огонь осколочными.

У орудия, около которого находился командир полка, погиб последний боец. Подполковник Ревин зарядил пушку, навел ее на вражеский танк и подбил его. Последним снарядом Ревин поджег «пантеру». А фашисты наседали. Тогда офицер собрал всех уцелевших бойцов и организовал оборону у разбитых врагом орудий. В ход пошли бутылки с горючей смесью. 16 танков, десятки гитлеровцев уничтожили артиллеристы. Враг здесь не прошел. За умелые действия артиллерии при переходе войск Воронежского фронта в общее наступление генерал-майор Полуэктов был награжден вторым орденом Красного Знамени.

За артиллерийское обеспечение армии при форсировании реки Днепр Полуэктов был удостоен ордена Суворова II степени.

В августе 1944 года Полуэктов участвует в организации обороны 5-й гвардейской армии на Сандомирском плацдарме за рекой Висла и за это награждается орденом Кутузова I степени.

В декабре 1944 г.—январе 1945 г. планирует артиллерийское наступление 5-й гвардейской армии в Силезской операции 1-го Украинского фронта, за что награждается орденом Суворова I степени.

В ходе Сандомирско-Силезской наступательной операции войска армии окружили город Бриг. Это был один из вражеских форпостов на пути к Берлину, и фашисты обороняли его исключительно упорно. Нужны были немедленные и решительные действия, чтобы сломить сопротивление врага. Генерал Полуэктов приказал начальнику разведотдела штаба артиллерии армии гвардии подполковнику С. Е. Кузьмину выдвинуть к городу временно созданную артиллерийскую группу и массированным огнем уничтожить обнаруженные пулеметы, орудия, наблюдательные пункты противника. Кузьмин с честью выполнил приказ командующего артиллерией. Пехота и танки штурмом овладели городом.

Перед штурмом города-крепости Бреслау генерал Полуэктов приказал вывести на прямую наводку около 80 процентов дивизионной артиллерии, а также орудия крупных калибров — 100, 152 и 203 миллиметров. Каждая батарея, взвод, орудие получили конкретную задачу. График артиллерийского наступления включал и орудия, поставленные на прямую наводку. На период разрушения зданий, превращенных в огневые точки, подавление штабов, резервов, батарей отводилось 30 минут, а на огневой налет только 10. Во время атаки орудия прямой наводки должны были вести огонь по чердакам и окнам зданий, где укрывались наблюдатели, снайперы, пулеметчики противника.

Гвардии подполковник Кузьмин Сергей Евдокимович получил приказ организовать управление артиллерией на плацдарме. Положение там сложилось чрезвычайно трудное. Гитлеровцы бросили против наших войск сотни танков, в том числе «королевские тигры». Кузьмин сумел перебросить через реку три истребительно-противотанковые артиллерийские бригады. Они вступили в бой с наступающими танками врага. Кузьмин внимательно следил за действиями артиллерии. Все говорило о том, что если на поле боя появятся еще два-три десятка танков, то истребители не выдержат. Связался с Полуэктовым и доложил обстановку.

— Сейчас туда прибудут 155-я армейская пушечная бригада, 1073-й и 222-й истребительно-противотанковые полки, — ответил Полуэктов.

Массированные удары танков и пехоты противника в направлении Стопницы и Пацапуво натолкнулись на артиллерийский щит, вовремя выставленный командованием нашей артиллерии. За один день 15 августа 1944 года в районе Стопницы артиллеристы уничтожили 50 и захватили 20 исправных танков. Более двух тысяч трупов обнаружили артиллеристы в трехстах—четырехстах метрах от своих огневых позиций.

Гвардии подполковник Кузьмин, находясь на переднем крае, четко руководил действиями противотанкистов. Почти четыреста танков врага не смогли пробиться через боевые порядки наших войск.

Примененный способ использования артиллерии показал, что командующий артиллерией армии и его штаб умеют не только искусно планировать, но и проводить в жизнь артиллерийское наступление.

За артиллерийское обеспечение действий 5-й гвардейской армии при форсировании реки Одер и проявленный при этом героизм генерал-майору Полуэктову Г. В. присвоено звание Героя Советского Союза.

В период проведения Берлинской операции генерал Полуэктов создал в полках и дивизиях первого эшелона мощные артиллерийские группы. Кроме того, в резерве он имел 17 дивизионов. Особенностью форсирования реки Нейсе танками, пехотой и орудиями было то, что оно происходило во время артиллерийской подготовки.

Семь дней понадобилось советским воинам, чтобы с реки Нейсе выйти на Эльбу. Там произошла встреча с американцами. Здесь Г. В. Полуэктов получил звание генерал-лейтенанта...

5-й гвардейской армии в этот период пришлось сражаться со шпрембергской группировкой врага. Генерал армии А. С. Жадов рассказывал:

«В этот день к нам на КП армии прибыл командующий фронтом маршал И. С. Конев. С удовлетворением отметив общий успешный ход событий, он одновременно подчеркнул, что на флангах нашей ударной группировки слева на стыке со 2-й армией Войска Польского и справа в районе Котбуса, а также в районе Шпремберга складывается не вполне нормальное положение. Требовалось разгромить эти узлы сопротивления, ибо, опираясь на них, противник уже начинал проводить контрудары по нашим наступающим войскам. Маршал дал нам указания ...массированными ударами артиллерии и действиями стрелковых соединений при поддержке авиации в тече-

ние 20 апреля уничтожить сдерживавшую наше продвижение шпрембергскую группировку противника»[1].

В соответствии с этим указанием генерал Полуэктов создал сильную группировку артиллерии в составе четырех дивизий прорыва, а также частей армейской артиллерии. Более тысячи орудий и почти 150 установок гвардейских минометов в 11 часов 20 апреля открыли 30-минутный огонь по расположению противника.

Такого мощного огневого удара артиллерия армии еще никогда не наносила по войскам гитлеровцев. В течение суток был взят город Шпремберг, а группировка численностью до 5 тысяч человек вскоре была уничтожена в лесу западнее города.

После овладения Берлином 5-я гвардейская армия получила задачу наступать на северо-западную окраину столицы Чехословакии — Праги.

Громовые раскаты стрельбы сотен орудий и минометов, «катюш» возвестили о начале наступления. В течение получаса гаубицы, пушки, минометы разрушали передний край и ближайшую глубину вражеской обороны. Огневой смерч не затихал, а, наоборот, еще более усиливался, перемещался в глубину, разрушал и уничтожал все, что находилось в его зоне: траншеи и огневые точки, технику и живую силу. Перемещаясь вперед, огневой вал вел за собой пехоту и танки.

Полуэктов находился на передовом командном пункте, наблюдая в стереотрубу за действиями войск. Рядом стоял майор Горлинский Алексей Кириллович — начальник оперативного отделения штаба. Это был всесторонне подготовленный, энергичный, трудолюбивый, мужественный и знающий свое дело офицер. Поэтому неудивительно, что генерал Полуэктов часто брал его с собой, будучи уверен в способности Горлинского выполнить любой приказ или распоряжение.

— Разрешите съездить на передовые наблюдательные пункты? — попросил генерала Горлинский. — Может быть, пленные появятся. Надо допросить и уточнить группировку артиллерии.

— Съезди, да на рожон не лезь. Война, по сути дела, кончилась. А тебе, брат... — Генерал помолчал, как бы раздумывая о том, что ждет этого офицера, потом сказал: — А тебе суждено долгие послевоенные годы командовать артиллерией. Не забывай опыта войны.

---

[1] Военно-исторический журнал, 1967, № 10, с. 83.

Вскоре Горлинский возвратился и сообщил:

— Пленных много. В основном слушатели офицерской школы 4-й танковой армии, 269-й пехотной и моторизованной дивизии «Герман Геринг». Я одного привез с собой.

— Веди сюда!

С унтер-офицером Георгий Васильевич заговорил по-немецки. Он задал пленному много вопросов, но тот на все отвечал словами: «Германии — капут. Гитлер — капут...»

— Это ясно, — заметил генерал. — Но скажи мне, что думают ваши солдаты о войне?

— О, господин генерал! — воскликнул пленный. — Все говорят, что мы напрасно связались с Россией... Это было ошибкой. Русский народ очень воинственный.

— Э нет! — возразил Полуэктов. — Наш народ воинственный тогда, когда на нас нападают, а так он самый мирный народ. Возвращайся к своим, скажи им об этом.

— Вы отпускаете его? — удивился Горлинский.

— Зла нам он уже не причинит. Пусть расскажет, как с ним обошлись.

— Пленный говорит, что войска удирают к Дрездену? — поинтересовался Горлинский.

— Да, — ответил генерал.

Советское командование предложило гитлеровцам немедленную капитуляцию, но они ее отвергли. Узнав об этом, Полуэктов позвонил командиру дивизии прорыва генералу Санько и распорядился:

— Свяжитесь с Родимцевым и сосредоточьте массированный огонь по укреплениям противника.

— Моих средств, думаю, будет маловато, — ответил Санько. — Я сейчас сообщу об этом приказе Родимцеву. Вся артиллерия будет выдвинута на прямую наводку. А у вас попрошу огня с закрытых позиций.

Полуэктов тут же выехал в 32-й гвардейский стрелковый корпус, которым командовал генерал-лейтенант А. И. Родимцев. Его встретил прибывший туда генерал Санько. Вместе с ним Полуэктов наблюдал, как выезжали на открытые позиции артиллерийские батареи, дивизионы, полки 32-го гвардейского стрелкового корпуса. На глазах у противника они разворачивались, приводили системы к бою и тут же открывали огонь. К указанному времени все, кого это касалось, заняли огневые позиции и начали уничтожать живую силу и огневые точки противника прямой наводкой.

Полуэктов наблюдал за происходящим на поле боя и невольно вспоминал Сталинград. Там не было возможности, чтобы, как сейчас, сосредоточить на одном важном участке 200—300 орудий. Под Сталинградом артиллерии было намного меньше. И маневрировать ее огнем, не говоря уже о переброске частей с места на место, было затруднительно.

...И вот — Прага. Полуэктова встретил здесь командир 155-й армейской пушечной бригады С. Е. Кузьмин, который незадолго перед этим сменил полковника Тарасова, убывшего в тыл по ранению.

— Товарищ генерал, — улыбаясь, сообщил он. — Злата Прага свободна!

Полуэктов обнял вчерашнего работника своего штаба:

— Хорошо дралась ваша бригада, Кузьмин! Граждане Чехословакии не забудут ее подвига...

В благодарность за освобождение страны правительство Чехословакии наградило орденами многих офицеров и генералов. Среди них был и Г. В. Полуэктов, получивший орден «Белого льва» II степени.

В годы войны штаб командующего артиллерией и сам он проделали большой и трудный путь совершенствования управления огнем. Если в начальный период войны, да и под Сталинградом Георгий Васильевич Полуэктов переживал «детство» и «отрочество» в вопросах планирования и управления огнем, то ко времени Берлинской и Пражской операций он уже достиг «зрелости». Количественный и качественный рост, возросшие задачи артиллерии требовали от Полуэктова, собственно, как и от многих других генералов и офицеров, постоянного совершенствования личного мастерства.

В дни мира, как и в дни войны, Георгий Васильевич Полуэктов продолжал шлифовать черты своего характера, энергично работая на любом посту. Он, как и на войне, не боялся выдвигать на высокие должности молодых офицеров. Будучи начальником академии, рекомендовал подполковника Самусенко начальником кафедры. Как и Кузьмин и Горлинский, тот стал генерал-майором артиллерии, доктором технических наук.

Когда-то Кузьмин в разговоре с друзьями назвал Полуэктова творцом артиллерийского дела, а после войны Самусенко окрестил его «генералом от науки». И то, и другое — правда. В войну генерал Полуэктов не только воевал, но и творил. И это творчество стало его наследи-

ем, опытом, который изучается последующими поколениями артиллеристов.

Штрихи характера... У каждого человека есть что-то свое, отличное от других. Оно проявляется во всем. Но не всякий может постоянно оттачивать свое мастерство. Георгий Васильевич Полуэктов это делал.

ПОБЕДА ГЕОРГИЯ КОВТУНОВА

Герой Советского Союза
генерал-лейтенант
Г. Н. КОВТУНОВ

Шли тактические учения. Рядом с командиром мотострелковой дивизии стоял генерал Ковтунов Георгий Никитович — представитель центрального аппарата Министерства обороны СССР. Генерал интересовался действиями комдива, потому что сам рекомендовал его на эту должность. Анализируя команды и распоряжения полковника, он радовался, что не ошибся в нем. У полковника явно есть командирский талант, воля, требовательность, взыскательность и трудолюбие. Молодого комдива не пугали сложные вводные, необходимость быстрого принятия решений. Распоряжения его кратки и ясны. Кажется, не месяцы, а годы командует дивизией этот офицер. И ведет не учебный, а настоящий бой. Ковтунов то и дело посматривает на часы, хронометрируя действия полковника, зная, что в современном общевойсковом бою минуты и даже секунды будут влиять на ход и исход боя. Об этом он и завел разговор с комдивом в минуту «затишья».

— Каковы, по вашему мнению, главные факторы, характеризующие современный бой? — спросил он.

Подумав, полковник ответил:

— По-моему, суворовская наука побеждать еще не устарела. Она верна будет и в современной войне. Маневр, быстрота и натиск — вот три фактора, о которых я всегда помню. Но, безусловно, сейчас все намного сложнее.

— Пожалуй, вы правы. Ну а как на этом учении пользуетесь наукой великого полководца?

— Вчера в течение ночи мотострелковый полк совершил многокилометровый марш и с ходу начал форсировать водную преграду. А плацдарм захватила рота, высадившаяся с вертолетов. Вскоре полк форсировал реку и завязал бой за расширение плацдарма. Танки и орудия

переправились по дну реки. Мотострелки преодолели преграду на своих машинах, а артиллерийские расчеты — на плавающих бронетранспортерах.

Полковник рассказывал о действиях подчиненного ему полка, о маневре подразделениями, о применении той или иной техники, а генерал думал о людях и боевой технике времен Великой Отечественной войны. И радовался тому, что, хотя командуют подразделениями и частями люди, не видевшие войны, делают они это грамотно, по-современному.

Георгий Никитович Ковтунов поехал на переправу, чтобы посмотреть на мотострелков, танкистов и артиллеристов. Пока машина шла к реке, он вдруг живо вспомнил бой при форсировании Западной Двины и удержании плацдарма.

67-я гвардейская стрелковая дивизия и входивший в нее 138-й гвардейский Краснознаменный артиллерийский полк, которым командовал подполковник Ковтунов, успешно продвигались к Западной Двине, но наступление частей, действующих на витебском направлении, замедлилось. Командарм приказал 67-й дивизии усилить темп продвижения.

Подвижная группа дивизии в составе стрелкового и артиллерийского полков получила задачу совершить сорокакилометровый марш в ночных условиях, на рассвете 22 июня 1944 года выйти к реке и захватить понтонный мост противника невдалеке от деревни Уручье.

— Надо же, — промолвил, обращаясь к Ковтунову, гвардии подполковник Шляпин, командир 196-го стрелкового полка. — Ровно три года назад началась война. Трудновато нам тогда пришлось... А сейчас наступаем мы. Надо показать гитлеровцам, что мы научились воевать...

— Покажем, как взаимодействуют царица полей и бог войны, — улыбнулся Ковтунов.

Пехота на этот раз совершала марш на машинах. Вместе с артиллеристами по лесным дорогам она прибыла в назначенный район раньше противника, спешившего туда же. Марш прошел, как говорится, без происшествий. Однако часа в три ночи Ковтунов узнал, что следом за полком идут до десяти танков и штурмовых орудий противника. «Как быть? Уничтожить их? — задумался подполковник. — Но тогда может рухнуть замысел командования дивизии, исчезнет элемент внезапности. Ведь шум боя услышит противник, охраняющий понтонный мост».

Ковтунов догнал командира стрелкового полка и сообщил ему о вражеских танках.

— Держи их под наблюдением, — посоветовал Шляпин. — Захватим переправу — никуда не уйдут. Целенькими достанутся. А сами давай изменим маршрут.

— Я тоже так считаю, — согласился Ковтунов.

Полки пошли к мосту поймой реки, заросшей лесом. Ковтунов связался с командиром дивизии полковником Баксовым по радио и узнал, что в других местах некоторые части уже форсируют Западную Двину. Сообщил об этом Шляпину.

— Комдив теперь будет нажимать и на нас, — ответил тот. — «Равняйтесь на передовых» — его любимая формула.

— Что ж, это правильно, — промолвил Ковтунов. — Нам сейчас надо принять решение на бой. «Внезапность, быстрота, натиск!» — помнишь суворовское изречение? Его надо соблюсти.

— А я уже решил: головной батальон ударит по переправе, имея задачу перехватить ее, следующий минут через двадцать — тридцать начнет форсировать реку чуть севернее на подручных средствах, с тем чтобы нанести удар во фланг и тыл противнику.

— Второй дивизион Ивакина поддержит бой у моста, — сообщил свое решение артиллерист. — Дивизион Лебеденко перейдет на левый берег. Первый будет вести огонь с закрытых позиций.

Полки вышли к переправе в назначенное время. Как на ладони были видны автомашины противника, снующие по мосту. Разведчики сняли боевое охранение. Первый стрелковый батальон бросился к переправе, чтобы на плечах противника перебраться через реку. Но мост взлетел в воздух — гитлеровцы подорвали его, не посчитавшись с тем, что на восточном берегу осталось много их войск и боевой техники.

Ковтунов понял, что намеченный план действий надо корректировать. Он развернул все три дивизиона для стрельбы прямой наводкой. Полк открыл огонь по скоплению пехоты, артиллерии и танков противника.

Пока артиллеристы расстреливали гитлеровцев, скопившихся у взорванной переправы, пехотинцы Шляпина начали форсировать реку на подручных средствах. С ними в первом эшелоне пошли взводы управления дивизионов. А когда были построены плоты, на левый берег стали переправляться орудия третьего дивизиона, которым

командовал капитан Лебеденко. Вместе с дивизионом переправился на левый берег и Ковтунов. Близкий разрыв мины перевернул их плот, подполковник был ранен в плечо, но сумел выбраться на берег.

Лебеденко перевязал командиру рану и пошутил:

— Вы плыли, как Василий Иванович Чапаев...

— Но я, как видишь, уцелел.

На пятачке плацдарма шел бой. Он еще не разгорелся, и артиллеристы могли вырыть щели. Ковтунов и Лебеденко разошлись по батареям. Пока разведчики и связисты оборудовали наблюдательный пункт, устанавливали связь, командир полка осматривал захваченную местность и готовил подвижный заградительный огонь (ПЗО) перед подразделениями 196-го гвардейского стрелкового полка. Исходные данные для стрельбы первому и второму дивизионам он передал по телефону в штаб полка.

Между тем противник подтянул резервы и перешел в контратаку, чтобы сбросить в реку захватившие плацдарм советские подразделения. По гитлеровцам ударили дивизионы, находившиеся на правом берегу Западной Двины. Они вели огонь бризантными гранатами. Снаряды рвались низко над землей, поражая все живое острыми осколками. Огонь оказался столь эффективным, что пехота врага залегла и начала окапываться. Но танки продолжали идти вперед. Когда до них осталось меньше пятисот метров, ударили девять из двенадцати переброшенных на плацдарм орудий дивизиона. По одному в каждой батарее было приказано держать в резерве. Противник открыл ответный огонь по обнаружившим себя орудиям. Его танки шли на позиции дивизиона Лебеденко, надеясь, что советские артиллеристы не решатся стрелять по ним. Вот тут-то и пригодились резервные орудия. Их командирами были опытные воины: Герой Советского Союза старший сержант Тогузов К. Т., сержанты Луцевич А. Ф. и Игнатенко И. Е. Последний заменил тяжело раненного командира орудия, будучи командиром отделения разведки. Оба за этот бой получили высокое звание Героя Советского Союза.

К 16 часам стрелковый полк Шляпина расширил плацдарм до 800 метров в глубину. Первый батальон занял небольшой населенный пункт на высоте. Там пехотинцы захватили восемь исправных танков и шесть самоходок, принадлежавших унтер-офицерской школе гитлеровцев.

Дивизион Лебеденко тоже продвинулся вперед. Огне-

вики с помощью солдат-пехотинцев перекатили орудия на новые позиции, поднесли к ним снаряды, сделали окопы, щели для расчетов, погребки для боеприпасов.

— Теперь гитлеровцы не сбросят нас отсюда, Георгий, — уверенно сказал Шляпин. — Сейчас саперы восстановят понтонный мост, и ты переправляй сюда еще один дивизион. Так будет надежнее.

— Я уже отдал приказание...

Вечером на плацдарм приехали командующий армией генерал-лейтенант И. М. Чистяков и командир дивизии А. И. Баксов, которому только что присвоили звание генерал-майора. Командарм пожал руки Шляпину и Ковтунову и поблагодарил их от имени Военного совета армии за четкое выполнение боевой задачи. Потом в полушутливом тоне спросил у Шляпина:

— Когда бороду сбреете, герой?

— Сразу же после окончания войны.

— Ну так и быть. Но советую присмотреться к своему коллеге — Ковтунову. Бой только что окончен, а он уже побрит, подтянут.

— Это по молодости, товарищ командующий, — отшутился Шляпин.

— А сколько вам лет, товарищ Ковтунов?

— Двадцать шесть.

— Маловато, конечно. Командующим артиллерией дивизии вас наметили. Справитесь?

— Если доверите.

— Надо, подполковник! Ведь дело не в молодости, а в опыте, умении, трудолюбии. У вас это все есть. Командуйте артиллерией и помните мои слова: дело не в молодости. Не за годы вас представили к званию Героя, а за героизм. И не за молодость вас назначили на ответственную должность, а за то, что уверены в вас.

...Вспомнил эти слова генерал Ковтунов сейчас, спустя много лет, и утвердился в мысли, что правильно сделал, настояв на назначении полковника командиром дивизии.

После Великой Отечественной войны Георгий Никитович Ковтунов командовал зенитно-артиллерийским полком, был заместителем командующего, преподавал в Военной академии имени М. В. Фрунзе, работал в центральном аппарате Министерства обороны СССР. И где бы ни находился, всегда вспоминал опыт Великой Отечественной войны, на фронтовых примерах учил подчиненных.

Однажды Ковтунов проводил занятия со слушателями академии. Двум офицерам поставил различные задачи, хотя их части действовали рядом. Ввел слушателей в тактическую обстановку. Один полк вырвался далеко вперед, а второй остановился, встретив сильное сопротивление противника. Ковтунов ожидал, что командир вырвавшегося вперед полка развернется и ударит во фланг противнику, чтобы облегчить положение соседа. Но офицер не сделал этого, объяснив свое поведение тем, что он, дескать, выполнил свою задачу. Ковтунов расстроился:

— Действительно, вы вышли на указанный вам рубеж. Но подумайте, что произошло бы с полком, если бы «противник» вдруг ударил вам во фланг? Расправившись с соседом, он перенес бы усилия на вас. Во всяком бою, думая о выполнении своей задачи, посматривай на соседей, помогай им. В этом заключаются настоящая боевая дружба, взаимодействие, войсковая взаимовыручка.

Во время перерыва Ковтунов вернулся к этому разговору. Но сейчас он не ставил вопросов и не ждал ответов. Преподаватель рассказал о нескольких боях в первом году войны.

— Было это в сентябре 1941-го. В первом же бою погиб командир 3-й батареи старший лейтенант Свидовой. Вражеская артиллерия неистовствовала. Что делать? Я, будучи начальником разведки дивизиона и находясь на батарее, доложил командиру, что принял командование. Разведчики показали мне овраг, из которого гитлеровские минометчики вели огонь. Подготовил данные, сделал короткую пристрелку и подавил минометчиков. Затем перенес огонь на гаубичную батарею врага и ее подавил.

Вечером переместили огневую позицию батареи метров на триста вперед и в сторону, оборудовали орудийные окопы, сменили НП. Это было непросто сделать. Но утром все поняли, что труд их не пропал даром: фашисты обрушили огонь на прежнее расположение НП и огневой позиции. А с нового НП мы засекли вражескую батарею и произвели по ней сильный артналет. Она замолчала.

Наблюдая за полем боя, я увидел, что против соседа справа гитлеровцы начали контратаку. А поддерживала его лишь одна батарея. Помог товарищу. Хотя стрелять пришлось с большим смещением, почти под прямым углом, но удалось рассеять большую группу вражеских автоматчиков. Атака захлебнулась. Затем подожгли склад

боеприпасов на станции Водяная. Кажется, такого взрыва не слыхал за всю войну.

30 сентября противник предпринял наступление. Его танки и пехота окружили почти все огневые позиции нашего полка. Солдаты и офицеры взводов управления пробрались на батареи, заняли круговую оборону. Несколько часов длился бой. Мы подпускали гитлеровцев на сто пятьдесят — двести метров и расстреливали их картечью. Враг вынужден был отойти.

В боях под Искровкой Полтавской области, под Перекопом и Волчанском Харьковской области батарея всегда приходила на выручку пехоте, нанося урон захватчикам.

Ковтунов рассказал слушателям и о своем первом бое:

— Я посмотрел в стереотрубу и увидел несколько цепей автоматчиков, атакующих позиции стрелкового полка. Гитлеровцы шли во весь рост с засученными до локтей рукавами, в расстегнутых мундирах...

Из оцепенения меня вывел командир взвода управления лейтенант Шагалов.

— Надо открывать огонь, — сказал он.

Подготовил данные и подал команду. Пристрелочный снаряд разорвался с небольшим недолетом. Не стал вводить корректуру — она была ни к чему. Теперь, где бы ни разорвался следующий снаряд, он обязательно угодит по врагу. И я подал команду: «Четыре снаряда, беглым, огонь!» Все снаряды разорвались в гуще гитлеровцев.

Когда дым от разрывов рассеялся, увидел поредевшие цепи врага. Понял, какое мощное оружие находится в моих руках.

Несмотря на большие потери, фашисты продолжали идти, минуя еще дымящиеся воронки, стремясь выйти из зоны артобстрела. В стереотрубу было хорошо видно, как падали, поднимались и бежали вперед гитлеровцы, как по ним стреляли пулеметчики и автоматчики. Вражеские солдаты залегли, а потом отступили.

Меня вызвали к телефону.

— Молодец, артиллерист, — донесся в трубке голос командира стрелкового полка майора Дестичана. — Гитлеровцы пытались идти в психическую атаку без артподготовки. Не получилось. Сейчас пустят в ход все, что у них есть. Самое трудное — впереди.

Майор Дестичан угадал. Фашисты словно взбесились: они обрушили на головы наших пехотинцев и артилле-

ристов сотни снарядов и мин. Одна из них пробила крышу сарая, где размещался наблюдательный пункт, но не разорвалась. Ковтунов кубарем скатился вниз и перешел на запасной пункт, оборудованный в другом месте. Сюда не залетали ни снаряды, ни мины.

Ковтунов с детства мечтал стать военным. Около станции Чиили Ташкентской железной дороги, где жила семья Ковтуновых, стоял небольшой сарай. Георгий, или Горка, как звали мальчика в семье, соорудил здесь из толстой трубы пушку и пальнул, перепугав жителей поселка. За ним закрепилось прозвище «артиллерист». Оно ему нравилось. Подросток старался во всем быть похожим па артиллеристов, о которых не раз говорил учитель математики. Он знал: чтобы попасть в училище, нужно хорошо знать и математику, и физику, и химию. И Горка старался.

Отец, однако, сказал ему однажды:

— Этого мало. В училище нужны не только знания, но и сила, ловкость, находчивость. А ты? От горшка два вершка, хлипкий, худенький. В училище тебе трудно будет поступить...

У Горки оказался характер. Взяв за образец Суворова, он стал закаляться. Физзарядка, холодный душ, туристские походы, пробежки в любую погоду... Старался он выработать у себя волю и бесстрашие. Этому способствовал следующий случай. Однажды ребята невдалеке от поселка нашли заброшенный колодец. Им захотелось узнать, что там. Достали веревку и привязали самого легкого — Горку. Паренек спустился вниз, осмотрелся и увидел, что на самом дне кипят змеи. Крикнул, чтобы вытаскивали. Когда оказался в безопасности, не мог говорить — напугался. Ночью вскакивал с постели: снились кошмары. Понял, что надо быть смелым, уметь преодолевать страх.

Школу окончил успешно и сравнительно легко поступил в артиллерийский дивизион Ташкентского объединенного училища имени В. И. Ленина. Окончил его с отличием.

В начале сентября 1941 года был назначен командиром батареи и стал членом партии. В 1942 году под Сталинградом командовал дивизионом. В боях поддерживал стрелковый полк. Самым памятным для Ковтунова стало 19 ноября 1942 года. Никогда до этого дня дивизион не выпускал так много снарядов. За день боя было уничтожено шесть пулеметов, три дзота, четыре противотан-

ковых орудия, много пехоты противника. Тогда же Ковтунов был назначен начальником штаба 80-го артиллерийского полка. Командиром дивизиона назначили капитана Пипкина. Вскоре его тяжело ранило, а дивизион имел задачу поддержать батальон капитана Баланко, который готовился к форсированию Дона и освобождению казачьего хутора Вертячий. Ковтунов доложил командиру полка о своем решении до конца боя командовать дивизионом. Тот согласился.

Ковтунов с командиром 3-й гаубичной батареи старшим лейтенантом Муратовым и начальником разведки дивизиона старшим лейтенантом Запольским выбрал наблюдательный пункт на берегу реки и стал вести разведку противника. В это время появился капитан Баланко.

— Здоровеньки булы, боги войны! — загремел его бас. — Чи вы ховаетесь, чи ворога разглядуете?

— Сидайте, Григорий Иванович, — предложил Ковтунов тоже по-украински, опасаясь, как бы высокого командира батальона не заметили наблюдатели противника.

Баланко поздоровался с офицерами за руку и присел на край окопа.

— Уси стари знайоми, — улыбнулся он. — Ото гарно.

Офицеры развернули карты, и Баланко показал Ковтунову место форсирования. Сообща уточнили вопросы взаимодействия.

Они были давними знакомыми. Почти три месяца дивизион поддерживал батальон Баланко. А три месяца на войне — это много.

Комбат ушел к себе уверенный в том, что старые друзья не подведут и на этот раз.

От реки возвратились разведчики.

— Как лед? — спросил Ковтунов.

— Тонкий, товарищ капитан, — ответил сержант Троицкий. — Укреплять надо. Трещит под ногами. Мы, может быть, и переползем, если укрепить лозой, а пушки никак не перетащить. Паром нужен.

Ковтунов внимательно посмотрел на сержанта и сказал командиру второй батареи Васильеву:

— Ваша батарея переправляется на пароме. Готовность 5.00. А вы, Запольский, — обратился он к начальнику разведки, — со своими людьми нарубите лозы, чтобы ночью положить ее на лед.

Все ушли, а Ковтунов остался, чтобы получше изучить в стереотрубу противоположный берег. Там он видел

одиночные фигуры немецких солдат, редкие дымки на хуторе, думал о Троицком. За полгода войны тот стал зрелым разведчиком, смелым и инициативным. «С такими ребятами мы обязательно дойдем до Берлина, — подумал Ковтунов. — Никакие трудности нас не остановят...»

Утром началась артиллерийская подготовка. В густо-серой мгле осеннего утра заплясали огненные всполохи разрывов снарядов и мин. Шла обработка переднего края.

Ковтунов выбрался из окопа и побежал к реке вслед за взводом управления дивизиона. Лед под ногами прогибался, но держал. Капитан понимал, что опасную зону нужно проскочить возможно скорее. Противоположный берег молчал. «Что бы это значило? Врасплох застать гитлеровцев не могли. Отошли? Тоже маловероятно». Невозможность ответить на этот вопрос удручала капитана. Когда видишь противника, воевать легче. Если же он притаился и ждет, чтобы выпустить в упор автоматную или пулеметную очередь, дело хуже. Офицер оглянулся: к берегу подошла батарея Васильева. Она грузилась на паромы. «Пока темно — не заметят», — мелькнула успокоительная мысль. Впереди бежали Запольский, его разведчики. Следом, тарахтя раскручивающейся катушкой, прокладывали телефонную линию связисты.

В некоторых местах во льду были промоины, и Ковтунов набрал воды в сапоги, которая хлюпала, а полы шинели били по ногам, задерживая движение. Капитан бежал, глотая морозный воздух открытым ртом, поглядывая по сторонам: он не один — с ним подчиненные. Только с их помощью он сможет управлять подразделениями. Тем более сейчас, когда две батареи, штаб и взвод боевого питания остались на левом берегу, а первая батарея и все взводы управления вот-вот зацепятся за правый берег Дона и откроют огонь, помогая пехоте расширить плацдарм.

Упала на лед первая вражеская мина. Фонтан воды поднялся вверх, кто-то из бойцов вскрикнул. Сердце капитана защемило: это же его боец! Разорвалась вторая, третья мина. Капитан ускорил бег.

— Быстрее к берегу! — крикнул он.

Его хрипловатый голос смешался с новой серией разрывов, но бойцы и сами понимали, что надо выйти из обстреливаемой зоны... Наконец берег.

Ковтунов осмотрелся, подозвал Запольского, сказал ему:

— Вон там, на валу, оборудуйте пункт. Туда пусть тянут связь. Я пройду к Васильеву.

Первое орудие уже стояло на берегу.

— Ну как, ребята? — спросил у огневиков.

— Все в порядке, товарищ капитан. Куда дальше двигаться? — сержант вопросительно посмотрел на командира дивизиона.

— Поставьте его впереди вала, — распорядился Ковтунов. — И сейчас же окопайтесь. А где комбат?

— У четвертого орудия. Паром разбило у самого берега, пушку спасли.

— Действуйте, сержант, а я пойду к комбату.

— Товарищ капитан... — начал докладывать ему командир батареи.

— Вижу, что все идет хорошо, — прервал его Ковтунов. — Остальные орудия окапываются.

Он возвратился на пункт, когда работа там уже кипела. Запольский успел набросать схему ориентиров, обнаружить несколько целей, подготовить данные для стрельбы по ним второй и третьей батареями.

— Связь есть? — спросил Ковтунов.

— Есть! — ответил телефонист, довольный тем, что к приходу капитана он успел проверить линию.

Ковтунов взглянул в стереотрубу, увидел свою пехоту, накапливающуюся в балке. Настроение его поднялось. Теперь он может вести бой с противником имеющимся в его руках грозным оружием. Час назад, когда бежал по льду через Дон, его тревожило все: переправа людей и орудий, обстановка на правом берегу, где их ждал противник. Теперь все было в порядке. Огневая мощь двенадцати орудий находилась в его распоряжении, и он мог применить ее там, где нужно. Заметив, что гитлеровская пехота при поддержке танков перешла в контратаку, он открыл по ней огонь восемью орудиями второй и третьей батарей. Снаряды накрыли вражескую пехоту. Пытаясь уйти из-под огня, она ускорила движение к позициям нашей пехоты. «Началось!» — подумал Ковтунов, ощущая, как боевой азарт овладевает им. В такие моменты он становился собраннее и решительнее, в критические минуты боя принимал моментальные решения, направленные на изменение обстановки в пользу наших войск. Он шел даже на определенный риск, свойственный обычно волевым и инициативным командирам. Это его состояние каким-то образом передавалось всем

бойцам, сержантам и офицерам дивизиона, и они с особым подъемом выполняли свои обязанности.

— Васильев! — распорядился Ковтунов по телефону. — Подпускай их ближе и бей наверняка. Помни — назад пути нет.

Разведчики насчитали восемь танков: по два на орудие.

— Тогузов, Кравцов! По головному, бронебойными, огонь! — скомандовал командир батареи. По опыту прошлых боев он знал, что в первую очередь надо вывести из строя командирский танк противника. Тогда остальные потеряют уверенность, замешкаются и попадут под огонь всех орудий батареи. Так получилось и на этот раз. Два орудия одновременно выстрелили и подбили танк. Он остановился и задымил. Другие стали обходить его и подставили орудиям менее прочные борта. Артиллеристы подбили еще два танка.

Уцелевшие машины открыли огонь по орудиям. Был ранен наводчик орудия Тогузов. Сержант сам сел к панораме. Во втором расчете ранило командира и наводчика. Васильев подбежал к пушке.

— Не пройдете, сволочи! — нажимая на спусковой рычаг, крикнул он.

Четыре из восьми танков дымились на поле боя, остальные шли на батарею. Неизвестно, что произошло бы, но Ковтунов сосредоточил по ним огонь двух батарей, находившихся за Доном. Разрывы снарядов черными фонтанами земли поднялись около машин. Гитлеровцы остановились. В тот же момент орудия батареи Васильева ударили по ним. Вспыхнул еще один танк, а остальные задним ходом ушли с поля боя.

Пехота Баланко обошла хутор Вертячий, выбила из него гитлеровцев и пошла освобождать донскую землю.

К Ковтунову подошел заместитель по политической части капитан Михалев:

— Кто у нас сегодня отличился, командир?

— А все, Николай Иванович. Понимаешь, все. Одни больше, другие меньше, но трусов или паникеров не было. Это точно. Представим к награждению Васильева и Запольского из офицеров. Тогузова, Кравцова, Троицкого — из рядовых и сержантов. По поговори и с командирами батарей — им виднее...

Из-под Сталинграда часть, в которой служил Ковтунов, перебросили в Курскую область. Он получил звание майора и вскоре был назначен командиром полка.

Начал с того, что поручил штабу организовать ознакомление личного состава со стрельбой подкалиберными и кумулятивными снарядами по танкам. Люди убедились в силе этих новых пушечных и гаубичных боеприпасов, предназначенных специально для борьбы с тяжелыми танками врага.

Командир полка и начальник штаба от зари до поздней ночи находились в батареях, контролируя ход учебы. Ковтунов требовал подготовить, как минимум, по два наводчика на расчет, по два водителя на машину. Разведчики должны были уметь делать все, вплоть до подготовки данных для стрельбы.

— Может быть, дать отдохнуть людям, командир? — предложил Ковтунову Михалев, ставший заместителем командира полка по политической части. — Жалуются люди. Устали.

— Отдохнуть, говоришь? — улыбнулся Ковтунов. — Устали? Знаю об этом. Но помнишь: «Тяжело в учении — легко в бою». На эту тему надо срочно провести информацию, Николай Иванович. Отдыхать будем после войны.

До начала боев на Курской дуге расчеты соревновались в скорости и точности ведения огня прямой наводкой. Стреляли командиры взводов и батарей. Ковтунов провел несколько занятий с командирами дивизионов по вопросам управления огнем.

Много времени занимали инженерные работы. Три месяца артиллеристы оборудовали основные, запасные и ложные позиции. Все делалось добротно — с ходами сообщения, кое-где перекрытыми, с обязательной маскировкой. Ковтунов много работал сам и того же требовал от командного состава. Он понимал, что бои будут ожесточенные и выиграет их тот, кто лучше к ним подготовится, у кого окажутся крепче нервы, чьи солдаты будут лучше обучены.

Первый бой в новой должности Ковтунов отметил залпом полка. Все тридцать шесть наводчиков натянули шнуры, ожидая его команды. Он подал ее по телефону. Тридцать шесть пушек и гаубиц одновременно рявкнули, посылая снаряды в расположение врага. Полк участвовал в контрартподготовке. Два часа не смолкали орудия. И все время Ковтунов смотрел в предутреннюю мглу, пытаясь разглядеть, что творится на позициях противника. Потом открыла огонь фашистская артиллерия, в небе появились самолеты, двинулись танки. Враг все же начал наступление на Курской дуге.

Ковтунов, находясь на наблюдательном пункте, перекрытом несколькими накатами, внимательно наблюдал за полем боя, периодически подавая нужные команды. Заградительный огонь полка мешал вражеским танкам и пехоте. Несмотря на это, они сумели выдвинуться на нейтральную полосу.

«Тигры» подошли к батарее Васильева, находившейся на переднем крае. Завязалась дуэль. Обстановка накалялась стремительно. Гитлеровцы вводили в бой все новые силы.

Ковтунов вызвал к телефону командира первого дивизиона капитана Воробьева.

— Выйти на рубеж номер три! — приказал он.

Через полчаса его приказ был выполнен, и орудия дивизиона заняли заранее подготовленные позиции. К этому времени стало известно, что в боевые порядки дивизии ворвалось до двухсот танков противника.

Бой становился жесточайшим. В единоборстве с танками дивизион Воробьева нес потери. Командир полка решил немедленно выдвинуть на прямую наводку и второй дивизион. Наблюдая за событиями, развернувшимися на правом фланге, офицер не заметил, как двенадцать «тигров» прорвались к его наблюдательному пункту. «А ведь и раздавить могут», — подумал Ковтунов и вызвал к телефону командира третьего дивизиона Лебеденко.

— ПЗО «Слон»! — негромко сказал он ему.

Едва танки приблизились к рубежу подвижного заградительного огня, Ковтунов подал команду «Огонь!». Двенадцать орудий выпустили по участку, на который вышли танки, по десять снарядов. Артналет отсек пехоту от танков. Некоторые из них остановились с перебитыми гусеницами, но остальные продолжали движение. Вот уже двести метров отделяли их от НП. За танками шли бронетранспортеры, из которых высыпали пехотинцы. Они тут же устремились на высотку, где расположился Ковтунов.

— ПЗО «Лев», зарядить! — скомандовал майор.

— Лебеденко просит вас к телефону, — сообщил телефонист.

Ковтунов догадался, о чем хочет сказать Лебеденко. ПЗО «Лев» — это огонь по наблюдательному пункту. Последний шанс...

— Огонь! — жестко повторил Ковтунов, не глядя на телефониста,

И третий дивизион выполнил эту команду. Сто двадцать пушечных и гаубичных снарядов разорвались на высоте, куда вместе с пехотой вползали вражеские танки и где находился майор Ковтунов со взводом управления.

Разведчики слышали разрывы, но не боялись их. Дивизион стрелял осколочными гранатами, которые не могли причинить особого вреда ни Ковтунову, ни солдатам, сидевшим в глубоких перекрытых траншеях.

Гитлеровцы не выдержали, начали отходить. Первый и второй дивизионы, стоявшие на прямой наводке, провожали их подкалиберными кумулятивными снарядами.

Вызвав всех командиров к телефону, майор Ковтунов сказал:

— Дрались здорово. Первая контратака врага отбита. Перейдите на запасные позиции и смотрите в оба. Будет еще жарче.

Командир полка не ошибся. Через несколько часов гитлеровцы предприняли новую, еще более мощную атаку. Опять били вражеские орудия и минометы, бомбили самолеты, шли тяжелые танки. И на этот раз таранный удар противника пришелся по стрелковому полку, который поддерживала батарея Васильева.

— По головному, подкалиберным, прицел 12. Наводить под основание башни, огонь! — скомандовал командир батареи.

Все четыре орудия разом ударили по «тигру», и он остановился. Тонкая струйка сизоватого дыма потекла из башни. Бой разгорался. Фашистские танки обстреляли второе орудие. Его расчет вышел из строя. Из орудийного окопа поднималось облако дыма. Танки двинулись к орудию сержанта Тогузова. Номерные Прозоров, Гавриленко, Дудка, Хантадзе, Урсумбаев четко выполняли свои обязанности: один наводил орудие, другой заряжал, третий подносил снаряды... Два танка стали обходить орудие справа и слева. Сержант приказал стрелять по правому, который подставил борт. Подкалиберный снаряд прошил его. А другие машины уже приблизились к правофланговому орудию. Убит Прозоров. К панораме сел командир расчета, но не успел сделать и выстрела, как на огневой разорвались еще два снаряда. Погибли Гавриленко и Дудка. Наконец Тогузов сумел прицелиться. Снаряд попал в гусеницу. Еще одна машина врага остановилась. Упали Тогузов и Урсумбаев, ранен Хантадзе. А последний «тигр» заходит слева. По нему уже нельзя стрелять: казенник пушки уперся в станину. Надо бы

развернуть орудие, но как? Тогузов бросился к станинам и невероятным усилием развернул пушку. Два выстрела как бы слились вместе. Танк уничтожил орудие, а последний снаряд, выпущенный сержантом, поразил «тигра». Тогузов приподнял окровавленную голову и увидел, как из люка вылезает гитлеровский офицер. Сержант дотянулся до автомата, передернул затвор и, почти не целясь, выпустил длинную очередь...

Пятьдесят восемь танков подбили подчиненные Ковтунова в сражении па Курской дуге. Сотни трупов гитлеровцев насчитали артиллеристы перед своими позициями, но и сами понесли большие потери. Погибли капитан Васильев, лейтенант Сахно, почти все солдаты и сержанты героической батареи.

...Много лет минуло после Великой Отечественной войны. Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Ковтунова часто навещают фронтовики: генерал Воробьев, полковники Хомяков, Муратов, Иванов и Запольский, не забывает Георгия Никитовича и бывший замполит Николай Иванович Михалев, потерявший руку на Западной Двине.

Навсегда у Ковтунова сохранилось уважение к бывшему командиру дивизии генерал-полковнику в отставке Баксову Алексею Ивановичу. В нем Ковтунов по-прежнему видит своего командира, доброго, грамотного, справедливого. Видимо, не случайно они стали друзьями.

Георгий Никитович передает опыт офицерам, не видевшим войны. Принимает активное участие в воспитании юношей на славных боевых традициях нашей армии и флота.

В этом он видит смысл своей жизни.

КОМАНДИР АРТИЛЛЕРИЙСКОГО КОРПУСА ПРОРЫВА

Герой Советского Союза
генерал-лейтенант
Н. В. ИГНАТОВ

Стояла темная весенняя ночь 1945 года. Генерал-лейтенант Игнатов — командир 4-го артиллерийского корпуса прорыва — с группой офицеров штаба прибыл на командно-наблюдательный пункт. Отсюда он будет управлять огромной массой артиллерии. В составе корпуса 712 орудий и минометов, 864 пусковые установки реактивных снарядов М-31. В Берлинской наступательной операции корпус поддерживал действия войск 3-й ударной армии. Генерал Игнатов в данный момент возглавлял и армейскую артиллерийскую группу. В нее входила вся артиллерия, действовавшая с армией, — 136, 24, 200 и 16-я гаубичные бригады полковников Писарева, Гришина, Кузнецова, Вальченко, 22-я и 23-я бригады реактивной артиллерии полковников Еремеева и Осадчего, а также 86-я тяжелая гаубичная бригада полковника Сазонова.

Создание мощной армейской группы в этой операции диктовалось тем, что войскам армии предстояло прорвать сильную глубокоэшелонированную оборону противника на участке 6 километров.

— Кто находится на передовом наблюдательном пункте? — спросил Игнатов начальника разведывательного отдела корпуса подполковника Кривенкова.

— Майор Агафонов, капитаны Шихин и Сон.

— Соедините меня с ними. Как противник? — спросил генерал у Агафонова — помощника начальника оперативного отдела.

— Ведет редкий ружейно-пулеметный огонь. Почти всю ночь отдельные самолеты бомбят переправы на Одере.

— Держите меня в курсе событий. Докладывайте лично, — приказал генерал.

Положив трубку, он распорядился собрать всех офицеров с тем, чтобы еще раз проинформировать их о характере вражеской обороны.

Подполковник повесил на стену карту, не спеша заговорил:

— Командование противника создало оборону глубиной до ста километров, включая Берлинский укрепленный район. Перед нашим фронтом они сосредоточили 30 дивизий и сильную группировку артиллерии, плотность которой превышает 60 орудий и минометов на километр фронта. Берлин превращен в укрепленный район. Вокруг города возведено три оборонительных обвода: внешний — на удалении до 40 километров от центра, внутренний — по окраинам берлинских пригородов и городской — по линии окружной железной дороги. Территория города разбита на девять секторов обороны. Восемь по окружности и один в центре. В Берлине сооружено более 400 железобетонных оборонительных объектов. Некоторые из них многоэтажные, вместимостью до 1000 человек.

Кроме того, в Берлине сформировано около 200 батальонов фольксштурма.

— А какая плотность артиллерии у нас, товарищ Лебедев? — поинтересовался Игнатов у старшего помощника начальника оперативного отдела штаба.

— Имеющееся в армии количество орудий и минометов позволяет создать плотность на километр фронта около 240 единиц, то есть в четыре раза больше, чем у гитлеровцев. А наши соседи имеют плотность до 360 единиц.

— Как спланирована артиллерийская подготовка? — командир корпуса задал вопрос подполковнику Медведеву — начальнику оперативного отдела.

— Артиллерийская подготовка будет проводиться одновременно в масштабе фронта ночью, а поддержка атаки запланирована нарастающим огневым валом на глубину до 4-х километров при свете прожекторов. Тактическая внезапность будет достигнута короткой, но мощной 30-минутной артиллерийской подготовкой без периода разрушения. Задача разрушения решается в ходе артиллерийской подготовки массированным и сосредоточенным огнем по участкам, в которые сведены цели, подлежащие разрушению. Вместе с тем увеличивается глубина одновременного подавления обороны противника в период стрельбы артиллерии до 10—12 километров.

— А как спланировано сопровождение пехоты и танков?

— По заранее подготовленным участкам на глубину 8—10 километров. Борьбу с артиллерией противника будут вести армейская и корпусная группы, — доложил Медведев.

До начала наступления оставалось еще шесть часов. Игнатов понимал, что бой предстоит решительный, многодневный и надо бы отдохнуть. Но разве уснешь в такое время? Не спит он, командир корпуса, не спят офицеры штаба, не спят солдаты. Да и как можно уснуть? К этому наступлению люди шли почти четыре года. Генерал посмотрел на подчиненных. Он был уверен в том, что каждый из них, как и весь личный состав артиллерии, с честью выполнит поставленную задачу захвата Берлина.

В конце совещания генерал сказал ординарцу, чтобы тот принес чаю.

— Хорошо почаевничать перед боем, — улыбнулся он.

— У нас сейчас много орудий выведено на прямую наводку, — заметил подполковник Кривенков.

— Это хорошо, — одобрил генерал. — Мы, собственно, в каждом бою экспериментируем. Надо обобщить итоги пристрелки артиллерии, проведенной способом ПОР. На каждый калибр было выделено пристрелочное орудие, в тылу сделана пристрелка десятка систем. Поправки введены в исходные данные для стрельбы по всем запланированным для подавления и уничтожения целям. Конечно, окончательный результат всего этого мы увидим завтра.

— А из тяжелых гаубиц-пушек под Сталинградом вам пришлось стрелять прямой наводкой? — спросил подполковникВаренцев, начальник связи.

— Да, пришлось. До конца 1942 года я командовал полком резерва Главного Командования. Системы мощные, а тягачи — черепахи: пять километров в час. Под Харьковом полк поддерживал стрелковую дивизию генерала А. И. Родимцева. На границе Курской и Харьковской областей пехотинцы заняли оборону невдалеке от населенного пункта Троицкое. Перед первой траншеей протекала небольшая река. Гитлеровцы рвались к мосту, чтобы захватить его, но им это не удалось. Я приказал окопаться и приготовиться к бою. Ночь прошла в работе.

Утром, как и ожидали, два пехотных полка противника при поддержке 70 танков начали атаку. Гвардейцы и на этот раз удержали позиции. Гитлеровцы бросили против них большое количество авиации. Вслед за бомбовыми ударами пошли танки и мотопехота. Бой длился долго, был упорным и кровопролитным. Наша пехота дрогнула. Генерал Родимцев принял решение отвести части на новый оборонительный рубеж, а мне приказал прикрыть отход одной батареей. Я вызвал командира батареи старшего лейтенанта Алексея Кабанова и начальника разведки 2-го дивизиона старшего лейтенанта Ивана Шевченко, приказал им продержаться на занимаемом рубеже сутки и отойти по моей команде, оставил свою рацию и радиста, два ручных пулемета и три ящика «лимонок»...

Как только вражеская пехота пошла вперед, немедленно двинулись к мосту и танки с десантом. Но наши 152-миллиметровые гаубицы-пушки прямой наводкой ударили по головным машинам. Два танка и два бронетранспортера перевернулись. Это остудило гитлеровцев — на мост они не пошли, однако вплавь форсировали реку во многих местах и тут же устремились на высоту, где стояли орудия. По ним артиллеристы вели огонь из карабинов и автоматов. Вскоре гитлеровцы проникли в глубину нашей обороны и напали на батарею с тыла. Артиллеристы одновременно бросили в них десятка два гранат. Многие фашисты были сражены, остальные ушли.

К этому моменту дивизия заняла новый рубеж, и я распорядился вернуть батарею в полк.

Был и еще случай. Полк поддерживал одну из дивизий 22-й армии, командовал которой генерал В. Н. Гордов. Противник сумел прорваться через боевой порядок армии и устремился к переправам через Дон. Положение складывалось трудное. Чтобы помочь нашей пехоте переправиться через реку, надо было занять огневые позиции на противоположном берегу. Мы так и поступили. Выбрали огневые позиции, наблюдательные пункты, окопались и замаскировались. Все девять командиров батарей доложили о готовности к ведению огня.

Похоже, что фашистский самолет-разведчик обнаружил наши позиции и вызвал бомбардировщики. Началась бомбежка. Затем пошли танки и бронетранспортеры с пехотой. Батареи открыли огонь, били точно. Загорелось около двадцати танков и бронетранспортеров. Пе-

хота покинула бронетранспортеры и пошла в психическую атаку. Артиллеристов это не смутило. Их огонь был точным. Более полутора суток мы удерживали переправу через Дон, дав возможность войскам 22-й армии выскользнуть из клещей.

Генерал умолк и взглянул на часы. Потом опять заговорил:

— Через пятнадцать минут начнется последнее наступление, решающее. Это будет возмездие германскому фашизму, силам мировой реакции... Через несколько минут заговорят десятки тысяч орудий и минометов 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Тысячи самолетов сбросят на врага свой бомбовый груз. Потом двинутся вперед тысячи танков и сотни тысяч пехотинцев. Их удара не выдержит гитлеровская машина. Она вот-вот развалится. За дело, товарищи!

Пять часов 16 апреля 1945 года. Утреннюю тишину нарушил гром артиллерийской канонады. Небывалый шквал огня обрушился на вражескую оборону. На снарядах и минах написаны слова: «Смерть Гитлеру!», «За слезы и горе наших людей!», «По Берлину!», «По рейхстагу!», «По фашизму!».

Небо озарилось вспышками тысяч выстрелов. Огненные стрелы реактивных мин, описывая дуги, неслись на запад. В половине шестого в полосе наступления армии 20 зенитных прожекторов направили свои мощные лучи на вражескую оборону. Начался артиллерийский огневой вал, вслед за которым по освещенной прожекторами местности пошли танки и пехота. Огневой вал продвигался на запад, круша и уничтожая все на своем пути. Снаряды тяжелых орудий, поставленные на фугасное действие, разрушали долговременные сооружения, более легкие — сравнивали траншеи, засыпали в них гитлеровцев, поражали прислугу орудий и пулеметов, рвали проволоку, взрывали минные поля.

За лавиной огня и стали неудержимо двигались советские танки и пехота.

На левом фланге армии в районе города Лечин замедлилось наступление 12-го гвардейского стрелкового корпуса. Об этом узнал генерал Игнатов.

По радио и телефону в части и соединения артиллерии понеслись распоряжения об огневой поддержке действий корпуса. В течение десяти минут 300 орудий и минометов били по врагу в районе Лечина. В 13 часов он был взят.

В первый день наступления войска 3-й ударной армии добились значительного успеха. Они прорвали первую, основную полосу обороны противника, продвинулись вперед на 8—9 километров и подошли к промежуточному рубежу.

До самого Берлина пришлось буквально «прогрызать» оборону бешено сопротивляющегося противника. Поэтому каждый день наступления начинался с короткой, но мощной артиллерийской подготовки.

Генерал Игнатов и его штаб оперативно корректировали планы действий артиллерии с учетом изменения обстановки, маневрировали силами и средствами, траекториями и калибрами. Широко применялось дезориентирование противника. Частенько наиболее мощные оборонительные сооружения разрушались перед началом артиллерийской подготовки, а по ночам генерал Игнатов приказывал вести плановый беспокоящий огонь.

Армейская группа вела борьбу с артиллерией противника, подавляла и уничтожала его пункты управления и снабжения.

Наступило 20 апреля. В 11.30 первые снаряды артиллерии 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии и 1-го дивизиона 30-й гвардейской пушечной артиллерийской бригады 47-й армии начали рваться в Берлине. То и дело командиры бригад, отдельных полков с радостью информировали генерал-лейтенанта Игнатова о том, что и их снаряды рвутся на улицах фашистской берлоги. Радостное волнение охватило артиллеристов корпуса. Как же! Настал долгожданный день возмездия. Почти четыре года мечтали советские воины о том, чтобы рассчитаться сполна за муки своего народа, за смерть миллионов людей, слезы матерей, жен и детей.

— Мой наблюдательный пункт на окраине Берлина, — доложил полковник Писарев. — Бригада десятью залпами уничтожила большую группу вражеской пехоты.

— Завтра, — предупредил его Игнатов, — всем корпусом ударим по фашистской столице. Побереги снаряды.

— Боеприпасов достаточно. Тыл работает на славу.

Игнатов вызвал к себе начальника оперативного отдела и приказал распределить цели среди соединений и частей корпуса.

— Корпуса?! — с восхищением переспросил подполковник Медведев. — Это же здорово! Мы можем позво-

лить себе роскошь: ударить по врагу полуторатысячным залпом.

Командир корпуса посмотрел на него. Начальник оперативного отдела высказал и его мысль. Пришло, наконец, время полного превосходства над врагом. А когда-то было другое...

Николай Васильевич вспомнил первые дни Великой Отечественной войны. Полк, которым он командовал, дрался под Львовом, Тернополем, Черкассами, Полтавой, поддерживал наступление 87-й стрелковой (впоследствии 13-й гвардейской) дивизии у села Выползово Курской области в конце 1941-го. Народный комиссар обороны приказом от 24 января 1942 года переименовал полк в 5-й гвардейский Краснознаменный пушечный полк артиллерии резерва Главнокомандования. А командир полка Игнатов получил звание полковника и был награжден вторым орденом Красного Знамени, который, как и полученный за мужество на Карельском перешейке, вручал Михаил Иванович Калинин.

Потом — кровопролитные бои под Харьковом, на Дону, в Сталинграде. Игнатов до мельчайших подробностей помнит события тех дней, своих подчиненных.

Под Харьковом противник непрерывно обстреливал нашу пехоту из орудий и минометов. Их надо было подавить, но никто не знал их точного местонахождения. Что делать? Выручили разведчики из батареи старшего лейтенанта Аристархова. Они составили схему полей невидимости и определили участки местности у противника, которые не просматривались с основных наблюдательных пунктов. Разведчики сержанты Корьян и Разуваев вызвались просмотреть невидимые участки и постараться обнаружить там огневые средства фашистов.

Весь день 31 октября они ползали по переднему краю в поисках места, откуда можно было бы просматривать расположение противника. К исходу дня сержанты нашли нужную точку вблизи вражеского переднего края. Вернувшись на батарею, взяли необходимый шанцевый инструмент, приборы. Ночью вырыли ячейки, замаскировались. Вскоре в лощине обнаружили минометы, а невдалеке от них, на пригорке, корректировщиков. Увидели и трехорудийную 105-миллиметровую батарею. Когда стемнело, вернулись и доложили обо всем старшему лейтенанту Аристархову. Тот установил прямую связь с временным НП, подготовил данные и вместе с разведчиками ушел на передовой пункт. А утром 2 ноября огнем

батарей подавил фашистских минометчиков. Затем открыл огонь по пушечной батарее и подбил три орудия, взорвал погребок с боеприпасами. С наступлением сумерек Аристархов и разведчики вернулись в полк невредимыми. Все трое были награждены орденами.

7 ноября Аристархов поддерживал пехоту и попал в окружение. Он не растерялся, вызвал огонь на себя. Гитлеровцы были уничтожены. За этот подвиг старший лейтенант был удостоен ордена Красного Знамени.

Игнатов хорошо помнит день, когда принял 4-ю артиллерийскую дивизию РГК, состоявшую из восьми полков и отдельного разведывательного дивизиона. Узнав, что в числе их и 5-й гвардейский полк, обрадовался.

Дивизия получила новые артиллерийские системы. Но на переучивание личного состава времени не было — предстояло поддерживать наступление 24, 65 и 21-й армий Донского фронта, начавших бои по ликвидации окруженных под Сталинградом немецко-фашистских войск.

За Сталинградскую битву Игнатов получил звание генерал-майора артиллерии и орден Ленина. Король Великобритании Георг VI наградил его военным крестом «За боевые заслуги».

— Ну вот, товарищ Игнатов, — заметил командующий артиллерией Донского фронта Василий Иванович Казаков, — ваши заслуги отмечены и союзником.

— Лучше бы второй фронт поскорее открыли!

— Верно, — улыбнулся Казаков. — Они пока что предпочитают участвовать в войне орденами и похвалами в наш адрес. Но, когда увидят, что мы и сами справимся с гитлеровцами, откроют и второй фронт...

...В 10.00 21 апреля 1945 года 4-й артиллерийский корпус прорыва произвел одновременный удар по Берлину. Это было непостижимо величественным и грозным зрелищем для тех, кто почти полторы тысячи дней смотрел смерти в глаза, кто хоронил погибших друзей, оплакивал замученных родных, чьи глаза видели виселицы и пожары...

«В период подготовки к прорыву долговременной обороны немцев на западном берегу р. Одер в районе г. Кититц, — говорится в наградном листе Н. В. Игнатова, — штаб корпуса под руководством генерал-лейтенанта артиллерии Игнатова правильно создал группировку и произвел планирование огня артиллерии. 16.4.1945 г. корпус массированным артиллерийским огнем разрушил оборонительные сооружения немцев, подавил их огневую

систему, нарушил управление и обеспечил частям армии стремительное продвижение вперед.

В период преследования противника Игнатов умело организовал взаимодействие артиллерии с танками и пехотой, в результате чего 3-я ударная армия на пятые сутки наступления подошла к предместьям Берлина и 21.4.1945 г. корпус всем своим составом дал первый залп по рейхстагу. 22.4.1945 г. части армии прорвались в Берлин и завязали уличные бои» [1].

Массированный огонь нашей артиллерии по столице фашистского рейха продолжался весь день. Одно за другим прекращали работу предприятия города. Прекратилась подача газа и электричества, вышли из строя городской транспорт, водопровод и канализация. Известия об этом Игнатов получал из различных источников, в том числе от перебежчиков и пленных. Генерал понимал, что все эти беды коснулись в первую очередь трех миллионов берлинцев. Конечно, было жалко детей и женщин, ищущих спасение от советских снарядов, мин и бомб. Но как воин он радовался тому, что не враги разрушают его родной Ленинград, любимую Москву, а наши солдаты своим могучим мечом ставят победную точку войне против фашистской Германии...

Долгим и невероятно трудным был путь к этому эпилогу. Игнатов мог бы припомнить весну 1943 года, когда Государственный Комитет Обороны принял решение о формировании артиллерийских дивизий и корпусов прорыва. 4-й корпус был создан в апреле — мае 1943 года в составе трех дивизий. В каждую из них входило по 6 артиллерийских бригад. 5-я гвардейская дивизия реактивной артиллерии имела три бригады по 144 реактивных установки М-31 в каждой. Это была гигантская огневая сила...

Продолжительный телефонный звонок прервал размышления Игнатова. Говорил начальник штаба корпуса генерал Курбатов:

— Я со своими помощниками изучил ваши соображения об использовании артиллерии в Берлине.

— И каково ваше мнение?

— Согласны. Разрешите доложить вариант перераспределения артиллерии по группам.

— Приезжайте. Здесь и уточним все вопросы.

---

[1] Архив МО, ф. 33, оп. 793756, д. 19, л. 165.

Долго сидели над крупномасштабной картой Берлина два артиллерийских генерала, решая сложную задачу. Им нужно было найти такую форму управления, которая позволила бы рационально руководить артиллерией в ходе наступления и поддерживать постоянное взаимодействие с пехотой и танками при бое в городе.

Вот так же генерал Игнатов и его начальник штаба Зернов сидели в землянке в начале июня 1943 года. 4-й корпус был придан 13-й армии генерала Н. П. Пухова. Они подсчитывали, какую часть оборонительной полосы армии могут прикрыть своими средствами. Получалось, что корпус способен организовать заградительный огонь на 87 процентах армейской оборонительной полосы, создать подвижный заградительный огонь на большей части танкоопасного направления, а сосредоточенным огнем накрыть такую же площадь, как и все остальные армейские средства.

Командир корпуса доложил генералу Пухову о том, что плотность артиллерии армии с их приходом увеличилась на 22 орудия и миномета и на 14 реактивных установок на километр фронта. Игнатов порекомендовал тогда всю артиллерию усиления использовать централизованно. К этому выводу он и его штаб пришли после детального ознакомления со всей 32-километровой полосой обороны армии. Тогда же командарму стало известно о том, что корпус подготовился к артиллерийской контрподготовке по 196 целям. Эти расчеты были положены в основу планирования огня артиллерии. И когда на участке 13-й армии в 2.20 5 июля 1943 года заговорили одновременно более тысячи орудий, минометов, «катюш» и «андрюш», генерал Пухов понял, какую силу придали ему в помощь.

30 минут грохотала артиллерия. Внезапность, массирование, точность ее огня привели к тому, что только 8 из 130 разведанных батарей противника открыли ответный огонь.

В оборонительном сражении под Курском войска 13-й армии при поддержке 4-го артиллерийского корпуса прорыва уничтожили почти половину 9-й полевой армии Моделя. Враг был не только остановлен, но и разбит.

Корпус принимал участие в освобождении Белоруссии и Польши. Наиболее характерными там были поддержка пехоты при форсировании рек, маневр с бобруйского на ковельское направление комбинированным способом, выход на государственную границу.

При форсировании Западного Буга отличилась 152-мм гаубичная батарея капитана Куликова. Артиллеристы выкатили свои орудия на прямую наводку и подавили огневые точки и наблюдательные пункты гитлеровцев на противоположном берегу. Войска без потерь форсировали водную преграду.

Много героических подвигов совершили артиллеристы в ходе подготовки и проведения Белорусской операции. Вот один из них. Расчет сержанта Ванахуна вел огонь из миномета. Немцы окружили его и хотели захватить в плен. В донесении об этом эпизоде говорится: «Больше десятка фашистов бросились к окопу с целью захватить миномет, расчет и оружие. Видя неизбежность захвата миномета и пленения, Ванахун выждал момент, когда фашисты приблизятся к нему, взял мину, снял колпачок и ударил взрывателем о плиту, взорвав все находящееся в окопе и уничтожив взрывом миномет, боеприпасы, оружие и десять гитлеровцев»[1].

Указом Президиума Верховного Совета СССР Ванахун Минзус, дунган по национальности, был посмертно награжден орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Советского Союза.

За бои в Белоруссии Игнатов получил звание генерал-лейтенанта артиллерии, а на его груди засверкал орден Александра Невского. Этим орденом награждались командиры Красной Армии, проявившие в боях за Родину в Великой Отечественной войне командирский талант, личную отвагу, мужество и храбрость, умелым командованием обеспечившие успешные действия подчиненных частей.

...Да, все это в прошлом. Теперь предстояло организовать последний бой с врагом. Генерал Игнатов встал из-за стола, деловито заговорил:

— Вместо мощной армейской группировки с широким кругом задач целесообразно создать армейскую группу дальнего действия в составе трех бригад — двух пушечных и одной большой мощности. С этой целью ликвидируются корпусные группы. Их место займут группы разрушения, каждая в составе двух — пяти тяжело-гаубичных и большой мощности бригад. В стрелковых дивизиях первого эшелона организуются группы по 3—5 дивизионов в каждой.

— А полковые группы будут сформированы? — поинтересовался начальник штаба.

[1] Архив МО, ф. 33, оп. 793756, д. 8, л. 67.

— Нет! Командующий армией решил всю батальонную, полковую и даже дивизионную артиллерию включить в штурмовые отряды. Отряд — стрелковый батальон. С ним действуют до двадцати орудий. Объект атаки — одна улица или квартал. Начальник штаба приказал каждому штурмовому отряду придать одно-два 152—203-мм орудия. Следует раздать все орудия 100-й бригады...

23 апреля бой за Берлин продолжался.

24 апреля в районе станции Лансберг Аллес батальон 1212-го стрелкового полка встретил упорное сопротивление гитлеровцев, занимавших два многоэтажных здания. Пехота залегла. Огонь полковых и дивизионных орудий оказался малоэффективным. Игнатову позвонил командующий армией.

— Разберись, Николай Васильевич, и помоги.

Игнатов выехал на передний край. Сориентировался и приказал начальнику разведки 100-й гаубичной бригады большой мощности капитану Серову разрушить здания. Серов тут же выдвинул на позицию для стрельбы прямой наводкой 203-миллиметровую гаубицу. Орудие открыло огонь. Вместе с ним начали стрелять по окнам домов другие орудия, чтобы обезопасить расчет и тяжелую гаубицу от огня гитлеровцев. После нескольких десятков выстрелов гарнизон домов выбросил белый флаг.

Прибыв на командный пункт, Игнатов приказал вывести на прямую наводку реактивные установки.

— Мы пока не сражались в таком большом городе, — сказал начальнику штаба Игнатов. — Но уверен: стрельба реактивными минометами прямой наводкой будет очень эффективна. При минимальном расходе боеприпасов можно достичь многого.

Через несколько часов в оконных проемах или в проломах зданий напротив дома, намеченного для разрушения, устанавливались прямо в укупорке снаряды М-31. Затем производились пуски. 3—5 таких боеприпасов оказывалось достаточно для разрушения крупного сооружения. При уничтожении особо мощных узлов сопротивления огонь велся одновременно несколькими установками. Эффект превзошел все ожидания.

25 апреля 1945 года армия, которую поддерживал корпус Игнатова, соединилась с 4-й гвардейской танковой армией 1-го Украинского фронта в районе Потсдама. Берлин был окружен. Началось уничтожение гарнизона, не имевшего по количеству войск равных себе в про-

шлом. Артиллеристы корпуса проявляли разумную инициативу, смекалку при решении боевых задач. Только бригада полковника Сазонова за десять дней боев в Берлине уничтожила 22 батареи, 7 реактивных минометов, 33 орудия, разрушила многие крупные здания, превращенные фашистами в опорные пункты, подбила 29 танков. Тысячи гитлеровцев были уничтожены огнем бригады. За личную храбрость, инициативу и находчивость, успехи в борьбе с врагом полковник Сазонов Н. П. был удостоен звания Героя Советского Союза.

Помимо штатной артиллерии корпуса и орудий крупного калибра, предназначенных для стрельбы прямой наводкой, для последнего удара была привлечена и артиллерия большой мощности — 100-я бригада генерала В. А. Кузнецова и 124-я бригада полковника Г. Л. Гутина.

Битва за Берлин окончилась. В ночь на 9 мая 1945 года представители гитлеровского командования подписали акт о капитуляции. Наступил долгожданный мир. Огромный вклад в завоевание его сделали все воины корпуса (свыше 20 тысяч из них награждены орденами и медалями). Но особо отличились в боях с врагом воспитанники корпуса — Герои Советского Союза, погибшие смертью храбрых: командир миномета сержант Ванахун М., командиры батарей лейтенанты Губарь А. Г., Трифонов Ф. А., командиры орудий старшина Седов К. С., сержант Сапунов А. Д., командиры огневых взводов старшина Сидельников В. М., старший лейтенант Говоров Ф. И. Многих из них Игнатов хорошо знал, так как почти все они и до совершения последнего подвига были известны мужеством и доблестью. О них писали в газетах, их ставили в пример, их опыт распространяли в подразделениях и частях корпуса. Это были настоящие правофланговые корпуса, с которыми Николай Васильевич любил побеседовать запросто, за кружкой чая. У них он черпал житейскую мудрость, находил ответы на многие вопросы. Поэтому генерал Игнатов пользовался у подчиненных огромным уважением и любовью.

В достижение победы вложили мужество, доблесть и героизм, инициативу 46 Героев Советского Союза, в том числе генерал-лейтенант артиллерии Н. В. Игнатов, 20 полных кавалеров ордена Славы. Это была краса и гордость корпуса, его мощь и непобедимость. Имена этих людей навечно вошли в историю Великой Отечественной войны.

ВМЕСТЕ С ПЕХОТОЙ

Герой Советского Союза
старший лейтенант
В. А. СЕМЕНЧЕНКО

— А небо-то как вызвездило, ребята, — подняв голову, говорит красноармеец Василий Семенченко товарищам. — И у нас на Дону такое же небо, такие звезды...

— Перестань считать звезды, романтик! — слышится голос сержанта Сорокина. — Расчет, на колеса!

Замолчал Семенченко. Вместе со всеми он катит полковое орудие по глубокому снегу. Люди изредка останавливаются, не говоря ни слова, вытирают пот шапками-ушанками, любуются звездным небом, вдыхают аромат хвои, а затем наваливаются на колеса и щит. Двое тянут орудие лямками. До передовой три километра. А перекатить пушку вручную, да еще по бездорожью, глубокому снегу — дело очень нелегкое. Все трудятся в полную силу, понимая, что, чем скорее орудие займет позицию, тем лучше. В ином случае гитлеровцы на рассвете могут их обнаружить, и, что будет потом, артиллеристы хорошо понимают.

«Мама, мама! — вздыхает Семенченко. — Знала бы ты, где сейчас я и как мне нелегко. Но надо бить гитлеровцев... Вот уже полгода мы воюем на Северо-Западном фронте, таскаем орудие по бездорожью...»

— Ты что, спишь на ходу? — Командир толкает размечтавшегося бойца в бок. — Не распускай нюни, Василий! Ты ж донской казак.

— Да я ничего, креплюсь, — вполголоса отвечает Семенченко, налегая на левое колесо пушки.

И так почти до утра. Когда полковушку поставили на позицию, взялись за лопаты и начали долбить мерзлую землю.

В этот момент в небо взвилась красная ракета.

— Огонь! — скомандовал сержант.

Орудие выстрелило.

— Наводить выше! — крикнул Сорокин. Второй снаряд упал с перелетом.

— Целься в середину! — корректирует командир орудия. Симбилев плавно нажимает на спуск. Третий снаряд угодил в колпак, но не пробил его, а срикошетировал, оставляя за собой красноватую трассу.

«Ситуация, — подумал Семенченко. — Лобовую броню не пробьем».

— Товарищ сержант! — шепчет Сорокину. — Надо бы его сбоку.

— Верно мыслишь, казак. Возьми дымовую шашку, зажги. Под дымком мы пушку перекатим в другое место.

Василий чиркнул спичкой, и белый дым повалил клубами, закрывая орудие от взоров противника. Артиллеристы взялись за станины, впряглись в лямки и двинулись в сторону, а на то место, откуда они только что вели огонь, начали падать мины, разрывая землю, обрубая ветки сосен. Бешено заговорил пулемет, укрытый бронеколпаком.

— Чуть не задымился, — пожаловался сержанту Василий. — Одна мина невдалеке рванула. Еле ноги унес.

— Опять паникуешь, Семенченко, — ответил тот благодушно. — Война ведь. Еще не такое будет. Привыкай, казак.

— Так я ничего. Я просто рассказал.

К утру орудийный окоп, щели, ниша под снаряды были оборудованы и замаскированы.

— Всем спать! — скомандовал сержант. — Кроме Симбилева и Семенченко. Наводчику выверить панораму и с рассветом навести пушку в бронеколпак, который я показывал вчера. А ты, Василий, помогай и учись, как заменяющий.

Радостно и тревожно стало на душе Семенченко. Радостно потому, что его назначили помощником к Симбилеву, самому опытному наводчику г батарее, а тревожно оттого, что прибавилось ему забот.

— Посмотри на колпак, — отстраняясь от панорамы, советует наводчик Семенченко. — Цель маленькая, а мы должны ее уничтожить. Трудненько придется.

— М-да, — соглашается Василий, рассматривая в прибор огневую точку. — А ему-то из колпака сподручней бить по нас.

— Чудак ты. У нас-то пушка, а у немца — пулемет. Одолеем.

— И я так же думаю...

Симбилев разбудил сержанта. Тот поднял красноармейцев.

— Полчаса есть, ребята. Перекусим. Часок вздремнули. Воевать легче будет.

— Вздремнули, да не все, — шутит Симбилев.

— Вы, наводчики, не в счет. Следующей ночью выспитесь.

Перекусили свиной тушенкой, запили чаем из термоса, заняли свои места у орудия.

— Огонь! — опять командует сержант. На этот раз первый же снаряд пробил боковую стенку цели. Пулемет в бронеколпаке замолчал, но тут же по артиллеристам ударил другой, находившийся в дзоте, что стоял на изломе траншеи.

— По дзоту, фугасным... — командует Сорокин.

Наводчик не спеша подводит перекрестие под основание новой цели, а заряжающий досылает снаряд в казенник.

Дуэль длилась недолго. Пятый снаряд попал в амбразуру огневой точки, и оттуда донесся глухой звук разрыва. Серый дым потянулся из дзота. Но эта победа досталась дорогой ценой. Погибли Иргалев и Семин, а бой только разгорался. Рота медленно продвигалась вперед. Артиллерийская стрельба и разрывы снарядов слышались и на юге, и на севере. Советские пехотинцы подошли вплотную к позициям гитлеровцев.

На правом фланге застрочил вражеский пулемет.

— Вон как сечет пехоту, — сказал Семенченко, показывая на пулемет рукой.

— Симбилев! — откликнулся сержант. — Видишь цель?

— Нет!

— Семенченко, к панораме!

— Так я же, товарищ сержант...

— К панораме, говорю!

Василий занял место наводчика и стал работать механизмами наводки. Вскоре перекрестие панорамы оказалось на вражеском пулемете. Огненные нити тянулись от него к залегшей пехоте.

Василий медленно, будто опасаясь сбить наводку, нажал на спусковой рычаг.

— Молодец! — похвалил сержант. — Одного снаряда хватило.

Прибежал командир взвода младший лейтенант Сарычев. У второго орудия вышел из строя весь расчет.

— Кого дашь туда? — спросил сержанта.

— Пусть Симбилев с Ивановым идут. А мы останемся с Семенченко. На орудие по два номера.

Продолжали стрелять вдвоем. Теперь Семенченко действовал уверенней. Первая победа, первая похвала окрылили его.

Гитлеровцы обстреляли орудие из минометов. Надо бы переместить его на новое место, но двоим это было не под силу.

— Разрешите привести подмогу? — спросил Семенченко командира.

— К пехоте пойдешь?

— Да.

— Давай.

Командир стрелковой роты, не сказав ни слова, выделил четырех бойцов.

— Мы готовы вообще остаться с ними, — заявил один из них.

— Нельзя. Но помочь разрешаю в течение всего боя.

Захватив несколько вражеских блиндажей, стрелковое подразделение начало закрепляться. Артиллеристы сменили позицию, поужинали.

— Семенченко! — распорядился сержант. — Остаешься один. Мы пойдем за снарядами.

— Есть, остаться, — ответил Василий.

Когда сержант ушел, Василий присел на станину орудия и, посматривая в сторону противника, стал вспоминать события минувшего дня. Он был рад, что ему удалось уничтожить две цели. Но потеря нескольких боевых друзей удручала. Хорошие были ребята... Василий взглянул на небо. Белые снеговые облака почти закрыли его. Огненные светлячки пуль промелькнули невдалеке. В нескольких местах взлетели осветительные ракеты.

Вдруг послышался шорох. Семенченко схватил автомат и крикнул:

— Стой! Пароль?

— Курок.

— Курск. Кто такой? Что нужно? — спросил Семенченко.

— Связной командира роты. Вот записка. И личная просьба лейтенанта: смотрите в оба. Фашисты ночью могут попытаться отбить захваченные позиции.

— Постараемся, — деловито ответил Семенченко.

Часа через три возвратился командир орудия.

— Вот, Василий, принесли пять ящиков. Но пойдем еще — на день боя маловато. Есть что нового?

— Ротный записку прислал.

Сержант спустился в окоп, включил карманный фонарик и прочитал записку, которая заканчивалась словом «спасибо».

— Первая благодарность, ребята. причем от пехоты. Это понимать надо. Мы пошли, Василий.

Семенченко ничего не ответил. Опять стал вглядываться в ночную тьму. Затем взял снаряд, поставил взрыватель на осколочное действие, зарядил орудие. «Так будет спокойнее», — решил он. Еще пять снарядов приготовил для стрельбы по живой силе. И кстати. Гитлеровцы открыли артиллерийско-минометный огонь, а затем пошли в атаку. Когда взлетела осветительная ракета, Семенченко увидел врагов и тут же нажал на спуск. Зарядил второй снаряд и послал его туда же. Опять прибежал связной.

— Лейтенант просит огоньку вон туда, — он показал рукой направление.

— Сейчас, — Семенченко повернул орудийный ствол туда, куда показал пехотинец, и выпустил три снаряда.

Тишина наступила внезапно. На огневую позицию орудия пришел младший лейтенант Сарычев.

— Плохи наши дела, Семенченко, — с горечью в голосе сказал он. — Одной миной убиты твой командир и боец, что вместе с ним нес снаряды.

— Зарванов? — испуганно спросил боец. И, понурив голову, добавил: — Один день боя — и никого не стало.

— Как никого не стало? А вы?

— Я один.

— Но вы боец Красной Армии! Один выдержал ночной бой. Это же хорошо. Подброшу вам еще человек двух и воюйте. Теперь вы обстреляны. — Сарычев, подумав, закончил: — Отныне вы командир орудия.

— А кто наводчик?

— Вы же и наводчик. Война, Семенченко.

Командир взвода сообщил обстановку, рассказал о последних событиях на советско-германском фронте, на их Северо-Западном.

Утром пришли два бойца из пополнения. Один, Седов, совсем молоденький, другой — мужчина лет сорока, назвавший себя Ивановым. Выяснилось, что пушку они

еще вообще не видели, и Семенченко рассказал им, как надо заряжать ее, как снимать колпачок с взрывателя по команде «Осколочный!». Объяснил разницу между осколочно-фугасной гранатой, картечью и бронебойным снарядом.

— Так что, выходит, мы прямо на передовую попали? — спросил Иванов. — А я-то думал, младший лейтенант шутит.

— Нет, товарищи. Вы уже в бою. Ждем фашистов. Вчера мы отбили у них вот эти позиции, а они закрепились на островке посреди болота. Чтобы захватить его, у нас, выходит, силенок пока не хватает. Значит, надо готовиться к обороне.

Часа через два противник открыл огонь из всех видов оружия. Появились автоматчики.

— Ну вот и за работу, друзья, — спокойно сказал Семенченко, а затем крикнул: — Картечью, огонь!

Сам зарядил пушку, сказал:

— Вы, Иванов, будьте заряжающим по традиции. Вчерашний заряжающий, тоже Иванов, только Порфирий, погиб. Вы, Седов, — подносчик снарядов. Да не выглядывайте из-за щита. Как раз шальная может врезать.

Семенченко навел орудие. Подпустив врагов метров на двести, выстрелил. С десяток фашистов упали на землю.

— Заряжай!

Иванов неумело дослал снаряд в казенник.

Еще два выстрела сделал Семенченко, разметав первую цепь автоматчиков. Он понимал, что нужно срочно сменить огневую позицию, но втроем, да еще под пулеметным огнем, это сделать было невозможно.

— Начнут обстреливать, залезайте в щели, да не забудьте автоматы, — посоветовал Семенченко.

Через несколько минут опять начался обстрел. Мины ложились вокруг орудия. Семенченко сидел, плотно прижавшись к стенке щели. В промежутке между разрывами выглянул из окопа и увидел новую вражескую цепь.

— К орудию! — крикнул он, зарядил и выстрелил. А мины все рвались рядом с позицией. Семенченко продолжал стрелять. Вдруг рядом ахнуло так, что он упал на землю. Пришел в себя, посмотрел: немцы рядом. Бросил в них две «лимонки», зарядил орудие картечью.

— Ну, гады, подходите! — гневно крикнул он. Гитлеровцы поднялись и перебежками стали приближаться

к огнёвой позиции. Василий выпустил очередь почти в упор. Оставшиеся в живых уползли.

— Иванов, Седов, где вы? — позвал Семенченко товарищей. Ответа не было. Посмотрел в окоп, где находились они, и ахнул: окоп был засыпан землей. Василий не выдержал и заплакал. Подошедший младший лейтенант Сарычев спросил:

— Плачете? Ребят жаль?

— Убило их.

— Нас во взводе двое осталось. Будем драться. Война, брат. Крепись. Две пушки и снарядов на них по полсотни — сила. Так что заряжай орудие и не вешай носа...

Два дня гитлеровцы пытались вернуть утраченные позиции, но безуспешно: Сарычев и Семенченко всегда открывали огонь, как только те поднимались в атаку.

Кончился бой. Артиллеристов вызвали в штаб полка, поблагодарили за мужество и мастерство.

— Теперь вы — коммунисты, — сказал заместитель командира по политической части. — К своим заявлениям о приеме в партию вы сделали замечательное приложение — победный бой. Завтра получите партийные билеты...

Спустя сутки после того как Семенченко побывал в политотделе и получил партийный билет, его вызвал к себе командир батареи Сарычев.

— Завтра в тыл к противнику уходят общевойсковые разведчики, — сказал младший лейтенант. — Вместе с ними пойдете и вы. Ваши задачи: выявление целей и корректировка огня по ним.

— Так я же не умею этого, товарищ младший лейтенант.

— У вас в распоряжении целые сутки. Займемся учебой. Начнем с изучения рации... Потом я научу вас целеуказанию и ведению пристрелки...

До самого вечера Сарычев работал со сметливым Семенченко. А когда стало темнеть, предложил познакомиться с группой, уходящей в тыл, отдохнуть в их землянке и пойти на задание вместе с ними.

С вечера завьюжило. Именно такой погоды ожидали разведчики, надеясь на то, что их следы будут быстро занесены снегом.

В полночь командир группы старший лейтенант разбудил всех и сказал:

— Через тридцать минут выступаем.

К утру бойцы благополучно миновали передний край и вышли в район вражеских артиллерийских позиций. Семенченко нанес на карту две стопятимиллиметровые батареи, определил их координаты, посмотрел на часы. Было семь. Он закодировал сообщение и на очередном привале передал его в штаб полка. Вскоре дивизионная артиллерия открыла по этому району огонь.

Группа подошла к шоссе Старая Русса — Демянск и поблизости от деревни Василевщина остановилась. По дороге в обе стороны снешили отдельные автомашины, колонны. В деревне образовалось скопление противника.

— Корректируй относительно деревни, — услышал он в наушниках рации после доклада об увиденном.

После разрывов гаубичных снарядов докладывал:

— Перелет. Недолет. Вправо. Влево.

Командиры батарей вносили коррективы. Так важное шоссе было пристреляно. Семенченко приказали сообщить, если по дороге пойдет большая колонна.

Днем группа вела наблюдение за Василевщиной и шоссейной дорогой. Семенченко находился поодаль в глубокой воронке. В полдень он увидел, как со стороны Старой Руссы в Василевщину входила большая колонна автомашин с пехотой.

«Резерв перебрасывают», — догадался разведчик.

На окраине деревни машины остановились, пехота начала выгружаться.

Семенченко тут же сообщил об увиденном. Вскоре несколько батарей обрушили огонь на гитлеровцев.

Трое суток провели разведчики в тылу врага.

Встретив Семенченко, Сарычев сказал:

— Ты, Василий, храбрый казак, справился с заданием хорошо. Спасибо за службу.

1942-й и зиму 1943 года 55-я стрелковая дивизия дралась в междуречье Полы и Ловати. Воевал в составе ее и коммунист Василий Алексеевич Семенченко, получивший на Северо-Западном фронте первый боевой орден и звание сержанта. А Сарычев в феврале 1943 года стал старшим лейтенантом. Первым в дивизии он получил орден Красного Знамени.

В июле 1943 года дивизия вела бои у Понырей.

— Семенченко! — обратился к Василию командир взвода. — Надо уничтожить корректировщика на церкви в Карпуньевке. Оттуда просматриваются все дороги. Сможешь?

— Смогу, — уверенно ответил сержант.

Ночью Семенченко выполз в нейтральную зону, выбрал огневую позицию для орудия. Солдаты оборудовали ее, поднесли снаряды и лишь потом выкатили пушку.

— Стрелять буду под шумок, — доложил взводному Василий. — Пусть батальонные и полковые минометы ведут огонь, а мы в это время ударим по наблюдательному пункту. Задачу выполним.

— Хорошо. Я договорюсь с пехотой, — пообещал старший лейтенант.

С рассветом Семенченко навел перекрестие панорамы в окно церкви, орудие зарядили гранатой с осколочным взрывателем и стали ждать. Через некоторое время открыли огонь советские минометы. Гитлеровцы ответили. В этот момент и начала стрелять пушка Семенченко. Седьмой снаряд угодил в окно церкви.

— Если корректировщики были там, то теперь они мертвые, — заметил Семенченко.

Их полковушка умолкла: ведь она находилась поблизости от переднего края противника и в любую минуту могла быть уничтожена. Расчет весь день просидел в окопе.

— Будьте в засаде, — приказал старший лейтенант.— Когда нужна будет ваша работа — прикажу.

Через сутки Семенченко опять увидел в окне церкви людей. Доложил по команде и опять, как и в прошлый раз, под шум боя уничтожил новых корректировщиков. Когда советская пехота пошла в атаку на Карпуньевку, орудие Семенченко двигалось вперед вместе с ротой...

Самыми трудными для Семенченко оказались бои на Десне и Днепре, на его Правобережье.

18 сентября в бою у деревни Понорница Черниговской области, когда вражеская пехота, поддерживаемая штурмовыми орудиями, перешла в атаку, Семенченко вывел взвод на прямую наводку и подбил «фердинанд». Остальные машины противника отошли. Понорница была освобождена...

С ходу форсировать Днепр у Лоева дивизия не смогла. Ее передислоцировали вниз по реке к местечку Любич. Позиции заняли ночью, с утра повели разведку. Все понимали, что каждый день промедления с нашей стороны давал возможность противнику лучше укрепиться.

— Итак, — говорил солдатам Семенченко, — мы готовимся к форсированию, а немцы к срыву нашей переправы. Нам труднее, чем противнику, но мы на родной земле.

— Задачу выполним, товарищ лейтенант, — заверил его сержант Якимов.

— Я уверен в этом, — ответил Семенченко (перед Десной ему присвоили офицерское звание, назначили командиром огневого взвода).

— Ох, Днипро, Днипро, — вздохнул кто-то.—Над тобой скоро полетят журавли.

Во время боев за Днепр эту песню пели все. Пели на всевозможные мотивы и на многих национальных языках.

Рано утром 16 октября в небо взлетели сотни ракет, «катюша» открыла артиллерийскую подготовку. Гудело все: небо, земля, воздух. Били пушки и минометы всех калибров. Бомбардировщики сбрасывали бомбы на головы врага. Штурмовики и истребители обстреливали передний край вражеской обороны. А пехота сидела в окопах и ждала команды для начала форсирования.

Бомбардировщики шли в три яруса. Навстречу им летели гитлеровцы.

Бомбы, снаряды и мины тоннами обрушивались на расположение гитлеровских солдат, сидевших на высоком берегу реки. Рушились дзоты, умолкали от прямых попаданий огневые точки врага.

Еще не окончилась артиллерийская и авиационная подготовка, а взвод Семенченко, погрузившись на паром, начал переправляться через Днепр. Переправа прошла быстро и удачно. Вскоре полковые пушки открыли огонь по немецкой пехоте, которая вместе с шестью танками перешла в контратаку.

Артиллеристы подбили один танк, два других остановили Конев и Орешкин из батареи артиллерийского полка, переправившейся вслед за пехотой, а остальные отступили. Упорные бои шли весь день. Ночью бойцы отражали атаки немцев, в это время на плацдарм переправлялись новые силы, подвозились боеприпасы, продовольствие.

Наутро следующего дня вслед за пехотой противника из-за развалин Деражичей показались танки. Они быстро приближались. Лейтенант Семенченко встал к правофланговому орудию, у которого вышли из строя командир и наводчик. Оба орудия открыли огонь. Экипаж одного из танков, заметив советские пушки, решил обойти их с фланга.

— Новенький! — крикнул своим Семенченко. — Неученый. Проучим!

Воспользовавшись ошибкой вражеского танкиста, подставившего менее защищенный борт, лейтенант выпустил по нему бронебойный снаряд.

— Здорово, товарищ лейтенант! — воскликнул один из номеров расчета.

— После войны будем радоваться, — ответил офицер. — Заряжай!

Идущая следом машина врага попадает в панораму. Лейтенант кладет руку на спусковой рычаг, но не нажимает, ждет. Кажется, будто он не обращает внимания на свист пуль и разрывы мин. Вражеский снаряд разрывается поблизости. Опять Семенченко остается один. Он нажимает на спуск. Пушка выстрелила и окуталась пылью и дымом. Танк остановился с перебитой гусеницей, но тоже выстрелил, и Семенченко отбрасывает от пушки взрывной волной. Через несколько минут он приходит в себя, оглядывается и говорит, увидев орудие:

— Цела, голубушка. Послужи еще маленько.

Подошел старший сержант Дубодед, командир ранее разбитого орудия.

— Я жив, товарищ лейтенант. Не обращайте внимания на кровь. Отобьем атаку, перевяжемся.

— Заряжай, Дубодед!

Клацает со звоном затвор, гремит выстрел, но Дубодед не слышит. Он оглох. Старший сержант следит за губами лейтенанта, стараясь по их движениям определить смысл его команд.

Семенченко стреляет и тоже не слышит выстрелов. Перед самым стволом орудия замерла фашистская машина. Выскочили из нее танкисты, но Дубодед сразил их из автомата.

Рота, которую поддерживал взвод Семенченко, медленно приближалась к Деражичам. Лейтенант вызвал сигналом упряжку, вместе с Дубодедом они подцепили орудие и на галопе ворвались в Деражичи. А гитлеровцы еще не ушли оттуда.

Вдвоем отцепили и развернули пушку, открыли огонь по зенитке, стрелявшей по нашей пехоте, подавили два пулемета. Воспользовавшись огневой поддержкой, стрелковая рота ворвалась в населенный пункт.

На усиление дивизии пришли танки. Ночью саперы проделали для них проходы в минных полях. Утром танкисты пошли в бой. На броне двух машин ехали артиллеристы, а отремонтированные за ночь пушки-полковушки подпрыгивали на буксирах.

Когда с дальних бугров минометы противника открыли огонь, артиллеристы соскочили с танков, отцепили орудия и повели стрельбу. За наводчиков были Семенченко и Дубодед. Остальные номера расчетов, пришедшие из взвода химической защиты, учились артиллерийскому мастерству в бою.

23 октября 1943 года 55-я стрелковая дивизия заняла Деражичи, Тесны, Городок и ряд других населенных пунктов.

Давно уже дивизия перешагнула Днепр, а бои продолжаются. Четыре, а иногда и пять эшелонов советских самолетов идут один за другим на запад. Немецких тоже много.

— На земле бой, в воздухе вой, — каламбурит Семенченко.

...В иссеченном осколками леске в перерыв между боями собрались представители всех родов войск на встречу с теми, кто подбил танк или штурмовое орудие противника. Первым выступил красноармеец Хотин:

— Четыре танка шли на подразделение. Один из них двигался прямо на наше орудие. Когда он подошел на сто метров, я открыл огонь и уничтожил врага. Не будешь трусить — победишь. Ведь не я к нему лез, а он на меня.

— Да ты расскажи поподробнее об этом. А о том, что три машины ты подбил в одном бою, мы знаем.

— Целился, как учили. Что я еще могу сказать? По всем правилам, — взволнованно добавил наводчик и умолк. Потом спросил у солдата, сидевшего рядом: — А ты о чем думал, когда на тебя танк шел?

— Я? — удивился сосед. — Думал, что, если не попаду, промахнусь, танк раздавит и полковушку, и меня. А он, проклятый, все ближе и ближе, беспрерывно стреляет. Осталось между нами совсем мало. Я уже выстрелил несколько раз и одним снарядом разбил гусеницу. Танк остановился. Отсюда вывод: надо стоять до конца, насмерть стоять. Тогда, конечно, победишь врага...

Наступил момент, когда 55-я стрелковая дивизия вступила на территорию Белоруссии. Семенченко особенно запомнил бои за Мозырь. Его взвод под покровом ночи перекатил орудия по льду Припяти, вместе с пехотой ударил по гитлеровцам и обратил их в бегство. Утром, когда город был почти полностью очищен от гитлеровцев, Семенченко вышел на берег Припяти и увидел двух немцев с гранатами, подбиравшихся к орудию взвода. Офи-

цер выхватил пистолет и побежал за ними. Только один из них приготовился бросить гранату, как пистолетным выстрелом Семенченко сразил его. Второй бросился бежать.

— Хенде хох! — крикнул лейтенант. Гитлеровец остановился, поднял руки вверх.

— Так-то лучше, — отбирая у него автомат, сказал командир взвода.

Прибежали огневики.

— Что случилось, товарищ лейтенант? — спросил сержант.

— А то, что, не поспеши я сюда, вас бы уже не было в живых. Почему не выставили охрану?

— Так город уже наш.

— Вот-вот. Наш. Не ставь неприятеля овцою, ставь его волком...

55-я Мозырская стрелковая дивизия, форсировав Припять еще раз в районах Балажевичи и Петрикова, начала наступление в Полесье. Крупных укреплений у гитлеровцев здесь не было, но, стремясь задержать наступление наших войск, они минировали дороги, взрывали мосты. Поэтому темпы продвижения дивизии были невысокими. Стрелковые подразделения шли в основном не по дорогам, а по лесам, выходя во фланги и в тыл гитлеровским гарнизонам. Артиллерия, тылы не могли идти вслед за пехотой. Они двигались по дорогам, предварительно разминируя их...

Освободив Полесье, дивизия вступила на польскую территорию, но в районе Белостока ее вывели во второй эшелон.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 15 января 1944 года лейтенанту Семенченко Василию Алексеевичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

К осени 1944 года 55-я Краснознаменная Мозырская передислоцировалась в Прибалтику и начала бои за освобождение Латвии и города Риги.

От Алуксне до Риги — таков был путь дивизии. Расстояние здесь невелико, но пройти его оказалось делом нелегким. Пришлось артиллеристам Семенченко поработать как следует. Невдалеке от Цесиса гитлеровцы закрепились на высотах. Несколько раз пехота пыталась сбить их оттуда, но безуспешно. Фашисты выкатывали на высоту пушки, выводили танки и штурмовые орудия, от-

крывали губительный огонь. Командир стрелкового полка решил разместить орудия на чердаках сараев.

В течение ночи артиллеристы укрепили потолки сараев, чтобы во время стрельбы не проломить их, провели на НП командира батареи телефонную связь от каждого орудия.

С рассветом дивизионная артиллерия и полковые минометы ударили по вражеской обороне. Пехота пошла вперед. Гитлеровцы опять выкатили на прямую наводку орудия, в том числе две зенитки. Семенченко быстро распределил цели между расчетами. Выстрелы полковых орудий были меткими. Стрелки двинулись вперед и через час захватили укрепления врага.

За несколько месяцев до окончания войны 55-я стрелковая дивизия была переформирована и направлена на военно-морскую базу Порккалла-Удд. Вместе с полком прибыл туда и Герой Советского Союза Василий Семенченко. Свой богатый фронтовой опыт он щедро передавал новым поколениям артиллеристов.

ШАГ В БЕССМЕРТИЕ

Герой Советского Союза
рядовой И. М. ПОПОВ

Тридцатилетний артиллерист Иван Попов, ефрейтор, дежурил у орудия, зорко наблюдая за шоссейной дорогой, по которой должны были отходить немецкие танки. Перед расчетом стоит задача задержать фашистов до подхода главных сил дивизии. «Конечно, — думал Попов, — одного орудия для этого мало. Но подбить одну-две боевые машины, создать пробку на дороге оно может. Значит, задача реальная...»

Ефрейтор напрягает зрение, стараясь во тьме февральской ночи заметить, нет ли какого движения по шоссе. Ветер, начавшийся вечером, усилился к полуночи. Снежные тучи закрыли небо. Попов не видел, что делалось за снеговой завесой, ничего не слышал, кроме шороха ветвей да стука незакрытой ставни окна дома, рядом с которым стояла пушка.

Попов знал, что через час его сменит рядовой Яковлев и тогда ему, может быть, удастся соснуть на полу давно не топленной хаты. Пожалуй, желание выспаться было у него самым большим с тех пор, как он попал на войну. Иван мог неделю не есть, пять дней не брать в рот воды, но без сна не выдерживал и двух суток. После двух дней он мог уснуть где угодно...

Чтобы отогнать сон, Иван углубился в воспоминания. От границы отступал до Сталинграда. Несколько месяцев отбивался от врага на приволжской земле. Потом три месяца находился в госпитале после ранения. Легких боев для него не было. В Сталинграде погибли два расчета вместе с орудиями, а он уцелел. Впоследствии попал в 1-й Белорусский. Сейчас орудие, у которого он стоит, ближе всех других к Берлину.

Иван вспомнил мать, родную деревню Подюга, что приютилась в архангельских лесах, леспромхоз, в кото-

ром работал до войны. Час пролетел незаметно. На пост заступил Яковлев.

— В хате, как в погребе, — сказал он. — Я так и не отогрелся.

— Поглядывай внимательнее, — посоветовал Попов, — в любой момент могут появиться. Научили мы их воевать и ночью, теперь жди... А в сорок первом они по ночам спали...

Попов вошел в дом, устроился на месте Яковлева, но холод и храп спящих товарищей отгоняли сон. Он невольно опять думал о прошлом.

В расчет Попов пришел на должность заряжающего. Казалось, работа не трудная, но ему она показалась опасной. Боялся солдат, что клин затвора размозжит ему руку. Попов видел, как клин запирает канал ствола после вхождения снаряда в казенник. Поэтому осторожничал, не досылал снаряд как следует. Командир орудия сердился и показывал, как надо правильно заряжать орудие. У него снаряд входил в казенник со звоном, а клин мгновенно занимал свое место, плотно закрывая ствол. Вскоре, однако, Иван освоил свою специальность и даже овладел правилами наводки.

— Молодец, Попов! — похвалил его старший сержант Куделькин, командир орудия. — Пушка — коллективное оружие, и ты должен уметь в бою заменять любого из номеров. Понадобится — сядешь к панораме, но для этого надо учиться. Когда приводим пушку к бою, учись отстопоривать станины, снимать чехлы, укреплять сошники. Небольшая наука, но сразу не дается. Снаряды протирать от смазки, ствол пыжевать, колпачок со взрывателя снимать — на все это нужно умение, не говоря уже о наводке орудия при стрельбе с открытой и закрытой позиций... Всему надо учиться — тогда станешь настоящим артиллеристом...

Настоящую лекцию по артиллерийскому делу прочитал Попову Куделькин. И не напрасно: Попов оказался смышленым, терпеливым и настойчивым учеником. Недели через три он уже на равных с другими участвовал в первом настоящем бою.

Их орудие поддерживало подразделение старшего лейтенанта Ивахипова, захватившее плацдарм на берегу небольшой реки. Попов не помнит, какой именно. Много рек пришлось форсировать ему — больших и малых... Гитлеровцы окружили подразделение и атаковали его, стремясь уничтожить.

— Сними дульный тормоз, — сказал наводчику Стрельникову Попов. — Будем бить картечью, иначе погибнем.

— Так на это же минут пять уйдет. Немцы нас расколошматят.

— Я сделаю это быстрее, — пообещал Попов. — А вы возьмите личное оружие и отстреливайтесь.

Дульный тормоз не позволял стрелять картечью, а у расчета было десять снарядов. Попов спешил, понимая, что гитлеровцы вот-вот ворвутся в расположение батальона и тогда их пушка уже не сможет оказать какую-либо помощь своей пехоте. В тот момент, когда враги начали атаку, Попов снял надульник и зарядил орудие картечью.

— Жарь, Стрельников! — крикнул он. — Успели...

Наводчик навел перекрестие панорамы на большую группу фашистских солдат, устремившихся к орудию, и нажал спуск. Огневики не смотрели на результаты своей работы — не до этого было. Орудие развернули вправо, откуда бежали орущие автоматчики. Новый выстрел — и опять десятки врагов сметены губительной картечью.

Вражеская пулеметная очередь с фланга убила наводчика Стрельникова.

— Попов, к панораме! — скомандовал старший сержант Куделькин.

Иван кинулся к прицельному приспособлению, отнял от него еще не похолодевшие пальцы Стрельникова, бережно положил его тело на землю и торопливо стал наводить орудие.

— По пулемету, гранатой, взрыватель осколочный! — подал команду старший сержант. Попов слышал, как клацнул затвор орудия и на левом фланге прозвучала новая пулеметная очередь.

— Побыстрее, Ваня, — попросил Куделькин.

Попов поймал пулемет врага в перекрестие панорамы и выстрелил. Осколочно-фугасная граната разорвалась у самого пулемета.

— Молодец! — похвалил командир орудия. — Теперь пугни пехоту справа.

В тот раз Иван работал наводчиком орудия впервые. За умелые действия его наградили орденом Красной Звезды...

Попов вспомнил и бой за населенный пункт Каминион. Там их орудие уничтожило шесть автомашин противника. А в боях за город Кроне по его совету старший

сержант решил поставить орудие на прямую наводку, чтобы лучше вести огонь.

— Как же мы на виду у противника покатим пушку? — спросил Куделькин. — Он нас перебьет.

— А мы обхитрим его, — улыбнулся Попов. — Видите телеги? Разберем их, положим на оси бревна и с помощью веревок потащим к переднему краю. Фашисты подумают, что это орудия, и откроют по ним огонь. А в это время свое орудие мы накроем масксетью и покатим его около домов вперед. Потом поставим где-нибудь в сарае, оборудуем окоп и начнем работать...

— Сил у нас маловато, — заметил командир орудия.

— А вы старшему лейтенанту Новикову доложите. Он поможет людьми из других расчетов.

Часа через два артиллеристы покатили макеты орудий на передовую. Противник обнаружил их и открыл огонь.

Расчет Куделькина в это время закатил орудие в сарай и подготовился к стрельбе. Внезапный огонь пушки с близкого расстояния ошеломил гитлеровцев. Потеряв три легких и два тяжелых пулемета, одно орудие, противник оставил городок...

Незаметно Иван уснул. Разбудил его шум в избе: товарищи разбирали оружие и выбегали во двор. Выскочил на улицу и Попов. Светало. У дома и орудия за ночь намело большие сугробы. Снег толстым слоем покрывал ствол, щит, станины орудия.

— Скорее к панораме! — крикнул Попову Куделькин. — Фашисты жмут по шоссе, из штаба позвонили...

Попов подбежал к орудию, глянул на поле и зажмурился от сверкающего на солнце снега. Потом стряхнул шапкой снег с панорамы, открыл окошко на орудийном щите, притоптал снег и спросил:

— Где же фрицы? Я готов к утренней зарядке. Подавайте их, товарищ командир.

— Подожди чуток. Они вот-вот покажутся. Еще жарко будет.

— И хорошо, а то солнце светит, да не греет. Холодно, как у нас на Белом море...

Ефрейтор говорил, а сам наводил орудие на шоссейную дорогу, стрелой вонзившуюся в боевой порядок полка. Как человек, побывавший не в одной стычке, он понимал, что за этот рубеж придется здорово драться. Гитлеровцам шоссе нужно как воздух. По нему они попытаются выскользнуть из мешка.

Ждать пришлось недолго. На дороге показались вражеские мотоциклисты. Едва они поравнялись с ориентиром, дальность до которого была измерена, наводчик нажал на спуск. Грохнул выстрел. От разрыва снаряда мотоциклы перевернулись и загорелись.

— Ловко, Иван! — удовлетворенно заметил Куделькин. — Действуй так и впредь. Фашистов, видимо, будет много. А мы одни...

— Постараюсь, — ответил Попов.

Вскоре появилась колонна автомашин. Они шли на большой скорости. Похоже, что фашисты надеялись на слабость нашей обороны, а может быть, считали, что ее и вовсе нет. Приблизившись к дымящимся мотоциклам, колонна замедлила движение. Ехавшие в кузовах солдаты взяли автоматы наизготовку.

— Огонь! — скомандовал Куделькин и, когда Яковлев досылал патрон в казенник, добавил: — Не пропустим фашистов, ребята!

Орудие выстрелило. Огневики работали в снежных вихрях, поднятых выстрелом. Тут же над головами тонко запели вражеские пули, открыл стрельбу пулемет. Его пули выбивали искры из стального щита орудия.

— Огонь! Огонь! — командовал Куделькин, и наводчик снаряд за снарядом посылал во врага, уничтожая его автомашины и пехоту.

Гитлеровцы отошли.

— Сменить позицию! — приказал старший сержант. Навалившись на колеса и щит, артиллеристы покатили пушку. Они остановились метрах в ста от прежнего места. Едва наводчик взялся за панораму, как у щита орудия разорвался вражеский снаряд. Из-под шапки Попова показалась струйка крови. Некогда вытереть ее: он уже поймал в перекрестие панорамы вражеских автоматчиков и нажал спусковой рычаг. Группа гитлеровцев, зашедших во фланг орудию, уничтожена.

Целые сутки сражались с врагом артиллеристы. Ночью гитлеровцы не проявляли активности. Огневики возвратили пушку в старый окоп, замаскировали. На рассвете фашисты снова пошли по шоссе. Расчет открыл по ним огонь. Ответила зенитка. Были ранены командир, замковый, заряжающий, ездовой. У орудия остались втроем — Попов, Яковлев и Кузьменко.

— Будем биться до последнего, — спокойно сказал Попов, посылая в гитлеровцев очередной снаряд.

На шоссе показался танк. После короткой остановки

он направился к орудию. Наводчик увидел его, напрягся, стараясь поточнее прицелиться: от первого выстрела будет зависеть многое. Попов ждал, пока танк подойдет поближе.

— Яковлев, — шепнул товарищу Кузьменко. — Чего он ждет?

Двести, сто пятьдесят метров оставалось до танка. И выстрел прозвучал. Снаряд угодил в башню. Пройдя несколько метров, танк наехал на орудие и остановился. Артиллеристы успели отскочить в сторону.

Не ожидая, пока гитлеровцы покинут машину, Попов бросил в нее бутылку с горючей смесью. Желто-черное пламя вспыхнуло на броне. Экипаж танка пытался спастись через люк, но неудачно.

На пути врага, пытавшегося вырваться из окружения, стояли три советских воина. Черные от порохового дыма, раненые, в изорванных шинелях, они, казалось, были бессильны остановить или задержать его. Но артиллеристы не отступали.

— Будем держаться, — сказал Попов.

— Без пушки? — удивился Кузьменко. — Да нас без нее передушат, как цыплят.

— Лучше собери оружие и патроны убитых, — распорядился Попов. — А ты, Яковлев, возьми оставшиеся диски с патронами, обе «лимонки» и займи позицию у разрушенного сарая. Будешь обеспечивать нас с фланга. Понятно?

— Понятно, — солдат сложил диски в вещмешок и побежал на указанное ему место.

Попов видел гитлеровцев, готовившихся к атаке. Вот-вот они пойдут вперед. Встретить их теперь можно только огнем автоматов и гранатами. Как поведет себя Кузьменко? Наводчик посмотрел на него. В глазах ефрейтора светилась решимость. На него можно положиться.

Пока тянулась пауза, Ивану почему-то вспомнился выход с отцом в Белое море. Шли они тогда под небольшим парусом в лодке, заполненной рыбой, вместе с баркасами других рыбаков. До берега оставалось миль двадцать, как подул сильный встречный ветер. Сперва маленькие суденышки вроде ускорили ход, но через несколько минут на них стало срывать паруса. Рыбаки вступили в борьбу со стихией. На помощь надежды было мало.

— Не паникуй, Ваня, — сказал отец. — Море не любит трусов. В случае чего, хватайся за баркас. Надо про-

держаться подольше, может быть, придет спасение. Окоченеют руки — хватай борт зубами. Жизнь, сынок, один раз бывает у человека...

Крутые волны швыряли баркас, словно щепку. Но отец, работая веслом, старался поставить баркас навстречу волне. И ему это удавалось. Четырнадцатилетнему пареньку было страшно смотреть на кипящую бездну воды, слушать рев крепнущего ветра.

Как мог, он помогал отцу. Тот периодически говорил:

— Держись за баркас покрепче...

И пришло самое страшное: огромный ледяной вал перевернул баркас. То же самое случилось и с другими. Рыбаки крепко держались за канаты. Их швыряло с волны на волну, накрывало с головой водой. Но, вынырнув на поверхность, они продолжали бороться за свою жизнь. Рыбаки надеялись, что помощь придет. И действительно, к месту аварии рыбачьих баркасов пришел спасатель. Все остались живы. Только Иван схватил тогда воспаление легких и недели три провалялся в постели...

Возвратился Кузьменко. В руках у него были три автомата и семь дисков с патронами, шесть гранат.

— Что ж, — удовлетворенно сказал Попов. — Теперь, Гриша, иди в окопчик вон у тех кустов...

— Так он же снегом завален, — усомнился Кузьменко.

— Очисть. И жди. Когда фашисты попрут, я их встречу. Ты не выдавай себя. Подойдут ко мне поближе — бей. До последнего патрона. Понял меня, Гриша?

— Да, Ваня!

— Только не умирать! Драться до победы... — Он положил оружие на бруствер, разгреб снег, чтобы было удобнее стрелять. Короткая очередь положила двух гитлеровцев. Следующая — еще двух. Фашисты увидели его. Они устремились к нему. Иван встретил их длинной очередью. Диск кончился, но на перезаряжание автомата времени нет. Ефрейтор взял второй и опять начал чередовать короткие и длинные очереди. Он стрелял до тех пор, пока во всех автоматах не осталось ни одного патрона. В тот момент, когда он метнул во врагов все три лимонки, открыли огонь Кузьменко и Яковлев. Гитлеровцы растерялись на минуту. Но вот они опять бросились к умолкшему Попову. Яковлев и Кузьменко усилили огонь. А Иван, опасаясь того, что гитлеровцы вот-вот приблизятся к нему, распрямил усики предохраните-

ля противотанковой гранаты, взялся за его кольцо и стал ждать. Вместе с собой он убьет и нескольких врагов. Вокруг Попова всплескивались фонтанчики мерзлой земли и снега от пуль, но он словно забыл о возможной смерти.

И в этот момент на поле появились советские танки. Они ринулись на фашистов. За ними по снежному полю спешила наша пехота... Трое артиллеристов смотрели вслед танкам и пехоте и радовались тому, что выстояли в неравном противоборстве с врагом.

За мужество в этом бою Иван Михайлович Попов был удостоен звания Героя Советского Союза.

ИСТРЕБИТЕЛЬ ТАНКОВ

Герой Советского Союза
генерал-лейтенант
М. И. МАКАРЫЧЕВ

Генерал-лейтенант Дмитрий Николаевич Грозев, бывший начальник ракетных войск и артиллерии Краснознаменного Прибалтийского военного округа, уже давно дружил с генерал-лейтенантом Михаилом Ивановичем Макарычевым. Встречались они редко, но тему для разговора всегда находили и подолгу засиживались, вспоминая о боевом прошлом. Оно у них богатое.

Как-то Грозев попросил Макарычева:

— Иванович, расскажи, за какой подвиг получил звание Героя?

Тот помолчал, чуть прищурил глаза и с улыбкой заговорил:

— Было это, Митя, на Сиваш-море. Бились мы перед Турецким валом, стараясь прорваться в Крым. Долго у нас не получалось. Тогда я решил: надо две батареи перетащить через Сиваш да ударить по гитлеровцам с тыла. Может быть, и ворота в Крым откроются. Но как преодолеть Сиваш? Он, правда, в ту осень был мелким, однако вода холодной-прехолодной. Доложил свой план командиру дивизиона. Тот сообщил по инстанции. И разрешение на форсирование было получено. Собрал батарейцев, поставил задачу, и они на руках за одну ночь перекатили восемь пушек, перенесли по боевому комплекту боеприпасов. Мокрые, усталые, голодные, врубились саперными лопатами в крымскую землю, оборудовали огневые позиции и наблюдательные пункты, а как только спал туман — ударили по гитлеровцам с тылу. Какая у них паника была, ты представить не можешь! Короче, разбили замок, запирающий Крым, распахнули ворота.

— Извини, Дмитрий, ведь это я о тебе рассказываю, о твоих боевых делах. Не все стали героями, но славные дела были у многих. Всех даже не перечтешь... Мы впоследствии, например, форсировали Западную Двину, захватили плацдарм, удержали его, а потом пошли

дальше. В этом не только моя заслуга, но и многих других. Например, истребителей танков.

Михаил Иванович задумался, вспоминая далекие годы войны и людей, с кем пришлось бить врага. Потом заговорил:

— Когда к Западной Двине подошли части 67-й гвардейской стрелковой дивизии, наш 496-й Краснознаменный, ордена Красной Звезды истребительно-противотанковый полк, приданный этому соединению, находился в боевых порядках пехоты. Подполковник Иноземцев — командир 201-го гвардейского стрелкового полка — и я вышли на высокий берег реки в сумерках. На противоположной стороне беспечно бродили вражеские солдаты, передвигались автомобили и орудия.

— Не ждут нас, — говорю Иноземцеву.

— Вот и хорошо. Мы без приглашения пожалуем, — отвечает Иноземцев. — Разверни несколько батарей по берегу, а одну-две переправь вместе с пехотой. Форсирование начнем утром.

— Пехоте можно и вплавь и на лодках, — говорю,— а семидесятишестимиллиметровые пушки так запросто не переправишь... Западная Двина глубокая...

Вызвал к себе на НП командиров батарей. Двум из них, капитанам Дрембачу и Снеговскому, приказал готовить плоты, а остальным показал на местности, где ставить орудия, наметил основное направление стрельбы. И, как всегда, закипела работа. У одних в ход пошли топоры, пилы, молотки, у других — лопаты и кувалды. Все подразделения справились с поставленной задачей. Надо сказать, что наши люди уже были хорошо научены самостоятельно решать вопросы. Инициатива, дерзость, четкость, желание как можно больше уничтожить врагов, умение использовать вверенную технику и вооружение характеризовали не только командиров, но и бойцов.

Под аккомпанемент редкого ружейно-пулеметного огня противника мы подготовились к форсированию. Перед рассветом десятки лодок и плотов устремились на противоположный берег. Вместе с ними шли и наши плоты с орудиями. С командиром 1-й батареи Павлом Николаевичем Дрембачем переправился и я. Ни мы, ни пехота при форсировании потерь не понесли. Большую помощь оказали нам жители деревни Лабейки, вышедшие из лесов. Они помогали мастерить плоты, чинить лодки, указали самое удобное место для форсирования.

Подполковник Иноземцев оказался расторопным и

деятельным офицером. Как только первые его подразделения ступили на западный берег, он приказал следовать туда же двум батальонам и еще одной нашей батарее. Я вызвал четвертую, выделив ей четыре плота. Но уже наступило утро. Гитлеровцы заметили пехоту и открыли по ней огонь. Три наши батареи немедленно ответили. Завязалась перестрелка. Пехотинцы двинулись вперед и часа через три-четыре расширили плацдарм до километра в глубину и до двух по фронту.

Я внимательно осмотрел впередилежащую местность. Прямо перед нами виднелось поле, окаймленное лесом. Левее просматривалась деревня Дубище, около которой на небольшой высотке росли три дуба. Лучшего места для наблюдения не было. Приказал оборудовать НП метрах в двухстах впереди деревьев. Потом с командирами батарей выбрал огневые позиции с расчетом, чтобы пушки могли поддерживать огнем друг друга и вести стрельбу на вероятном танкоопасном направлении.

— Это вы в операции «Багратион» участвовали? — поинтересовался Грозев.

— Да, — ответил Макарычев. — Именно в ней.

— Наша дивизия тоже в Белоруссии воевала, — заметил Грозев. — Нелегко нам пришлось. У противника там были двадцать пять процентов войск, пятая часть артиллерии и половина авиации, находившихся на советско-германском фронте.

— Войска нашего 1-го Прибалтийского, — продолжал Макарычев, — располагались на стыке групп армий врага «Север» и «Центр», где оборонялись три корпуса... Часов в шесть я услышал гул моторов и понял, что это были танки, находившиеся в лесу. Когда они выползли на поле, я насчитал двадцать одну машину. Это были средние танки. В промежутках между ними и чуть позади двигалось около четырехсот автоматчиков. Признаюсь, в тот момент у меня не появилось ни капельки страха за исход боя.

— Это в сорок первом и сорок втором бывало, что танки вызывали страх, — заметил Грозев. — А битва под Москвой показала, что бояться их не надо. Все закономерно.

— Когда танки подошли почти вплотную к нашей пехоте, скомандовал: «Огонь!» Сверкнул выстрел орудия первой батареи — один из танков загорелся. «Работа расчета Ивана Наливайко», — догадался я. Сержант Наливайко и его наводчик рядовой Игорь Плясов были наи-

более опытными и бесстрашными бойцами. Не одну сотню километров прошагали они вместе с полком, подбили несколько танков.

Открыли огонь все орудия первой, а потом и второй батарей. Семь машин были подбиты. Осталось еще тринадцать.

Вдруг из одной уцелевшей машины повалил такой дым, что закрыло весь передний край. Понял, что это дымовая завеса. Под ее прикрытием танки ушли. Позвонил на четвертую, предупредил комбата капитана Тропа о том, что гитлеровцы могут попытаться двинуться от уреза воды в наш тыл...

Примерно через час фашистские танки ударили от деревни Дубище. Шли они перед высотой, на которой находился я. Соображаю, что, если поравняются с НП, четвертая не сможет вести огонь. Опять звоню комбатру-4, а в это время — батарейный залп. И сразу два факела. Развернулись первая и вторая батареи. Фашистские танки оказались между молотом и наковальней.

Гитлеровцы снова применили дымовую завесу и ушли восвояси, вытащив с поля боя лишь несколько подбитых машин. Перед нами — восемь сожженных танков и несколько десятков трупов вражеских солдат и офицеров.

Мы потерь не понесли. Разъяренные гитлеровцы пустили на огневые позиции наших батарей «юнкерсы». Зенитчиков на плацдарме не было. Фашистские пикировщики вывели из строя четыре пушки и около полутора десятка бойцов.

Перед заходом солнца опять прилетели пикирующие бомбардировщики. Долго бомбили плацдарм, обстреливали наши позиции. А потом началась новая сильная вражеская атака. Теперь тридцать танков и несколько сот солдат шли в атаку. Им во что бы то ни стало нужно было сбросить с плацдарма 201-й гвардейский стрелковый полк и, конечно, артиллеристов. Но не для того мы пришли на этот берег, чтобы оставлять его врагам. Командир дивизии вызвал «илы». Пятнадцать штурмовиков на бреющем полете пронеслись над моим пунктом и начали работу. Били по врагам из пушек, стреляли реактивными снарядами, пехоту поражали из пулеметов, бросали мелкие бомбы.

В момент работы штурмовиков вели огонь и наши орудия. Еще восемь танков осталось на плацдарме...

— А говоришь, что нет тут героического, — заметил Грозев. — Что ни человек, то герой. Кстати, Михаил Иванович, я решил сделать тебе подарок.

— Какой, интересно?

— Не удивляйся. Работал над архивными материалами и увидел наградной на тебя. Сделал выписку. Перепечатал. Решил вручить тебе — пусть дети узнают, за что ты удостоен звания Героя.

— Спасибо, Дмитрий Николаевич.

Перед тем как передать материал, Грозев прочитал его. В нем описывался бой на левом берегу Западной Двины, о котором только что рассказал сам Михаил Иванович Макарычев.

Звание Героя Советского Союза майору Макарычеву М. И. было присвоено Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 22 июля 1944 года.

Славных дел у Михаила Ивановича было много. Однажды, еще будучи командиром батареи, с телефонным аппаратом и катушкой кабеля он пробрался на нейтральную полосу, где стояла небольшая церквушка. Комбатр поднялся наверх. Отсюда противник был виден как на ладони. Около сада располагалась вражеская батарея, стрелявшая по нашей пехоте. Фашистские артиллеристы вели себя беспечно. Макарычев развернул карту и без труда определил местоположение батареи. Быстро подготовил данные и подал команду. Вскоре зашуршал первый гаубичный снаряд. Он разорвался с недолетом. Старший лейтенант внес поправку по дальности и направлению. После трех пристрелочных выстрелов перешел на поражение. Огонь был неожиданным и точным — почти все гитлеровцы были убиты. Трехорудийная батарея врага перестала существовать.

Был и еще случай. Макарычев и взвод управления батареи так увлеклись боем, что не заметили, как наша пехота отошла на новые позиции. В наступивших сумерках показались гитлеровцы. Их обнаружил разведчик Петр Иволгин. Макарычев выглянул из окопа и увидел, что они уже зашли с флангов.

— Подготовить гранаты, — скомандовал комбатр. Когда гитлеровцы приблизились на 25—30 метров, десять лимонок полетели в них. Понимая, что гитлеровцы попытаются захватить разведчиков в плен, Макарычев подготовил исходные данные для стрельбы по своему НП, передал их на огневые позиции и предупредил подчиненных:

— Как только подам команду «Огонь!», всем лечь на дно траншеи!

Гитлеровцы еще несколько раз подползали к наблюдательному пункту, но выстрелы из карабинов, автоматные очереди удерживали их на должном расстоянии. Ночью, однако, вести прицельный огонь из личного оружия стало трудно. Патронов оставалось мало. Пехота противника, поддерживаемая несколькими танками и штурмовыми орудиями, приблизилась к высоте. Разведчики и связисты заволновались — ведь их было лишь десять человек.

— Зарядить! — громко скомандовал Макарычев.

— Зарядить! — повторил телефонист.

Уже слышатся голоса врагов. Сердце учащенно бьется, но офицер, стиснув зубы, ждет.

— Товарищ комбатр! — Кто-то тронул его за руку.— Поздно будет.

Эти слова, в которых сквозили уважение и вера в своего командира, вывели его из оцепенения.

— Огонь! — резко скомандовал он.

Грохнул батарейный залп. А потом, как бы соревнуясь, забухали гаубицы, торопясь побыстрее выпустить по десять снарядов.

Беглый огонь продолжался минуты три. Макарычев и его товарищи все это время прижимались к стенкам траншеи, слышали разрывы снарядов, свист осколков, тревожный гул танковых моторов, крики вражеских солдат. Вдруг все стихло.

— «Ромашка», «Ромашка», «Ромашка»!.. — слышалось в наушниках.

Макарычев взял трубку и ответил:

— Мы живы! Зарядить!..

Но еще стрелять не пришлось. В тылу слышался шум многочисленных шагов.

— Стой! Кто идет?! — крикнул Макарычев.

— Свои, Макарычев. Не стреляйте. Матушка-пехота спешит на помощь, — ответили быстро и радостно.

От сердца отлегло: выдюжили! Вот что значит воля к победе, упорство и готовность биться до конца...

Гаубичной батареей Макарычев командовал недолго. Больше он любил истребительно-противотанковую артиллерию. Здесь острее решался вопрос: кто кого? Кто первым откроет огонь, стреляет точнее, у кого крепче нервы, острее глаз и тверже рука, тот и побеждает. Тут все ясно и четко.

Шли ожесточенные бои в Прибалтике. Гитлеровское

командование нанесло танковый удар под Биржаем на стыке двух наших армий. Резервным частям удалось остановить вражеский таран, но ненадолго. Колонны фашистских машин, по 40—50 в каждой, под покровом леса приближались к Биржаю. Танки спешили проскочить узкое дефиле между двумя озерами, с тем чтобы развернуться для широкого маневра. Нужно было упредить их. Эту задачу поручили 496-му истребительно-противотанковому полку подполковника Макарычева. Ему предстояло совершить 120-километровый марш от Паневежиса, где он только что вел бой, к Биржаю.

Пока Макарычев отдавал приказ на марш, выводил батареи на дорогу, к артиллеристам подъехали две цистерны с горючим, мощная радиостанция. Это прислал командарм. От быстроты передвижения истребителей зависела судьба армии. И Макарычев начал действовать. Он не боялся, что в пути могут отстать орудие или два. Главное, чтобы первые батареи вышли в назначенный район раньше гитлеровцев.

Через три часа истребители Макарычева были в назначенном месте. Времени на рекогносцировку уже не хватало, но командир полка еще в пути продумал, где на десятикилометровом дефиле расставить батареи. Он знал, что сюда спешат и другие части, но тот, кто первым появится здесь, должен был сразу взять ответственность за весь участок. Таков закон боя. Уже на марше командир полка поставил задачи батареям и своему заместителю по политической части подполковнику Мещерякову Михаилу Яковлевичу.

— По двум проселкам из леса выходят танки, — доложил сержант-разведчик командиру полка.

То нервное напряжение, которое ощущал Макарычев до этой минуты, почти мгновенно прошло. Он уверенно поднес к глазам бинокль, внимательно посмотрел на просеки, из которых появлялись танки. Их было мало. Макарычев доложил командующему артиллерией 6-й армии генерал-лейтенанту артиллерии Макарову Георгию Андрияновичу о занятии противотанкового рубежа и появлении вражеской разведки.

— Авиация сообщает, что главные силы в 20 километрах от вас, — сказал командующий. — Значит, время еще есть и полк сумеет приготовиться к бою.

Макарычев приказал командирам 4-й и 6-й батарей, стоявших в полутора километрах друг от друга, задействовать только по два орудия. И когда вражеская танко-

вая разведка приблизилась на дальность прямого выстрела, они открыли огонь. Три из шести машин были подбиты.

Через час появились еще пятнадцать танков. Они развернулись на опушке и, открыв огонь с дальнего расстояния, двинулись на большой скорости, надеясь запугать, захватить артиллеристов врасплох. Но они просчитались: все двадцать четыре орудия уже стояли на позициях, имея по полтора боекомплекта подкалиберных снарядов. Полк сейчас мог драться с десятками танков.

Потеряв четыре танка, фашисты отошли. Но главное было впереди.

Начальник штаба артиллерии армии полковник Парфенов Михаил Тимофеевич сообщил Макарычеву, что по танкам противника нанесет удар штурмовая авиация, а на помощь артиллеристам прибудет усиленный стрелковый батальон.

В полдень перешли в атаку 30 танков. Гитлеровцы знали, что их уже ждут, но другого выхода у них не было. И они устремились вперед. Завязался ожесточенный бой. Двадцать орудий били по танкам. В самый напряженный момент боя прилетели тридцать «илов». Они спустились до высоты ста метров и начали штурмовку. От реактивных и пушечных снарядов загорелось пять машин. Гитлеровцы замедлили движение, а затем стали пятиться к лесу. На поле боя осталось 22 подбитых танка. Их атака захлебнулась. Замысел вражеского командования провалился, а полк Макарычева потерял всего два орудия.

Командующий артиллерией фронта генерал-полковник Хлебников Николай Михайлович вызвал Макарычева к телефону и сказал:

— Я еще раз убедился, Михаил Иванович, что вы умеете выполнять приказы...

— Полк готов выполнить любую задачу, — ответил Макарычев.

Через много лет после войны Макарычев и Грозев ездили в Добеле и Шяуляй. Здесь Макарычев вспомнил о том, как полк вел неравный, но победный бой против шестидесяти вражеских танков.

— Как уже не раз, — рассказывал Макарычев, — самый опасный участок заняла первая батарея капитана Дрембача. Под вечер она вступила в бой. Три танка подбила, но и сама потеряла две пушки. Я пополнил ее орудиями, только что прибывшими из ремонта.

Ожидая нового боя, комбатр передвинул орудия вперед и вправо. Почти всю ночь артиллеристы оборудовали новую позицию.

Как и предполагал Дрембач, с рассветом фашистские пикирующие бомбардировщики обрушились на высоту, где вчера стояла батарея. А потом пошли танки. Четыре из них наши подожгли. Гитлеровцы свернули с шоссе и попытались проскользнуть левее, но там их встретили другие батареи. Атака была отбита. И опять 27 «юнкерсов» обрушили бомбы на то место, где еще несколько часов тому назад стояли артиллеристы. Потом вражеские танки снова устремились в атаку. И здесь произошел интересный эпизод.

В один из моментов положение стало таким трудным, что у меня даже появилась мысль: а выдержим ли? Уж очень напористо атаковали фашисты...

И тут позади нас послышался гул моторов. Я оглянулся: чуть правее полка стремительно занимали позиции батареи семидесятишестимиллиметровых дивизионных пушек ЗИС-3... Они сразу же открыли огонь и помогли нам переломить ход боя.

— Командиром того дивизиона, дорогой Михаил Иванович, — улыбаясь, заметил его спутник, — был капитан Грозев.

— Да что ты?! — восхитился Макарычев. — Надо же... Вон откуда, оказывается, пошли истоки нашей боевой дружбы... Ваш дивизион тогда уничтожил девять танков.

— А ваш полк — девятнадцать!

— Так это же полк!

И еще несколько раз гитлеровцы атаковали позиции наших истребителей танков, но успеха так и не добились. Потеряв несколько десятков машин, они были вынуждены отказаться от попытки задержать продвижение советских войск к Риге...

Идут годы. В рядах Советских Вооруженных Сил осталось очень мало участников Великой Отечественной войны, но подвиги их живут. Богатый опыт фронтовиков берут на вооружение молодые офицеры Советской Армии. Так же, как их отцы и деды, настойчиво учатся мастерски владеть ракетно-артиллерийской техникой. Они знают, что выиграть современный общевойсковой бой могут лишь высокоидейные, обученные, волевые люди.

ГЕРОЙ БОЕВ — ГЕРОЙ ТРУДА

Герой Советского Союза
капитан
П. А. СТРЕНАКОВ

В дверь кабинета постучали.

— Войдите, — отозвался Николай Павлий, секретарь парткома Ташкентского кабельного завода.

— Майор запаса коммунист Стренаков прибыл после увольнения из рядов Советской Армии. Хочу на ваш кабельный завод поступить на работу, — по-военному доложил вошедший.

Секретарь внимательно посмотрел на высокого, стройного человека в военной форме без погон, со Звездой Героя Советского Союза на груди, приветливо кивнул ему и попросил сесть.

— Милости просим, товарищ Стренаков, — с улыбкой произнес он. — Работы у нас много, выбирайте по душе: есть должность хозяйственника, бухгалтера, в отдел кадров можно направить...

Стренаков внимательно выслушал секретаря, а потом сказал:

— Извините, Николай Павлович. Вместо бухгалтеров вы скоро поставите счетные машины. Хозяйственной работы не знаю, да и не тянет к ней. Пошлите меня в строй. Я двадцать лет прослужил строевым офицером, прошел путь от солдата до майора. Хочу и здесь начать с рядового армии труда. Разрешите пойти рабочим в цех...

Долго беседовали Павлий и Стренаков. Затем секретарь парткома пригласил работника отдела кадров. Им хотелось найти офицеру запаса работу по душе. Остановились они на цехе кабельных барабанов. Но, когда вопрос был уже решен, Павлий вспомнил, что в этом цехе на всех агрегатах трудятся только женщины и девушки.

— Нет, Прокопий Аверьянович, — заявил он. — Только не туда.

— Почему?

— Вам придется учиться у девчат наших, неудобно как-то...

Стренаков улыбнулся:

— А что ж тут зазорного? Когда я командовал дивизионом, учил подчиненных, среди которых были и юнцы, и отцы, и даже девчата. А теперь сам поучусь. Так что не беспокойтесь. Авторитета моего это не подорвет.

— А есть ли необходимость, Прокопий Аверьянович, со Звездой Героя идти в цех простым рабочим? — спросил работник отдела кадров. — В армии вы командовали дивизионом, человек триста вели в бой. Так?

— Ну и что? От труда Звезда не померкнет, а женщины еще лучше начнут трудиться. Как-никак Героя будут учить.

На следующий день Стренаков пришел в цех пораньше. Ему хотелось посмотреть помещение, где придется работать, изделия, инструменты.

Стренаков осмотрел цех, кабельные барабаны, затем доску передовиков производства.

Но вот появились первые работницы. Стренаков внимательно приглядывался к ним. «Какая же возьмет надо мной шефство?» Женщины тоже смотрели на него. Из соседних цехов заглядывали мужчины в фуражках с разноцветными околышами.

«Нашего брата тут, похоже, немало», — подумал майор.

К нему подошел невысокий, приветливо улыбающийся человек.

— Я тоже только что из армии, — сказал он. — Подполковник запаса Искрин — редактор заводской газеты. А вот этот товарищ, — показал он на одного из приблизившихся к ним мужчин, — бывший командир дивизиона майор запаса Карнаухов. Сейчас мастер производства и секретарь партийной организации цеха, ударник коммунистического труда. С ним рядом — майор запаса Папасюк, рабочий, специалист высокого класса. А это ваш начальник цеха капитан запаса Хаустов, вот этот — старший бухгалтер лейтенант запаса Печерский. Ну а с Николаем Павловичем вы познакомились вчера, он тоже прошел армейскую школу.

— Я думаю, каждый настоящий мужчина — бывший воин, — улыбнулся Стренаков. — Поэтому на заводе, наверное, можно создать целый полк.

— Вы правы, — согласился редактор.

— Считайте, что вашего полку прибыло, — заметил Стренаков.

Перед началом смены в цеховом красном уголке собрались все работники цеха.

— Товарищи, — сказал начальник цеха. — Сегодня мы принимаем в свою семью нового рабочего — Героя Советского Союза майора запаса Стренакова Прокопия Аверьяновича. У него за плечами большой и трудный путь — путь воина, офицера и коммуниста. Товарищу Стренакову в отделе кадров предлагали многие должности, но он предпочел пойти к нам, в строй, как он выразился. Пожелаем же ему больших успехов на новом трудовом поприще.

Раздались аплодисменты. Молодая работница преподнесла новому члену коллектива три розы.

— Первая — от девчат, Прокопий Аверьянович, — промолвила она. — Дарим ее вам как фронтовику от всего сердца. Мы вам обязаны тем, что мы есть. Вы нас защитили... Вторая — от коммунистов цеха. Третья — от администрации и профсоюзной организации.

— Спасибо! — сказал взволнованный Стренаков. — Из армии провожали с музыкой и розами, и вы встречаете так же...

— Так заведено у нас, Прокопий Аверьянович. Наш рабочий коллектив с музыкой и цветами встречает всех новичков, — сказал секретарь партийного комитета завода.

— И вы здесь, Николай Павлович? — удивился Стренаков.

— А где же мне быть? Не так часто Героев принимаем в свою семью.

Стренакова обступили бывшие воины. Он пожал им руки и почувствовал, как волнение, охватившее его в первые минуты, прошло.

Прокопий Аверьянович познакомился с мастером, уже немолодым мужчиной, с улыбающимся бригадиром — лейтенантом запаса, с рабочими соседнего цеха Долиевым, Ходжаевым, Почитаевым, Кувиковым, Медведевым и другими. Перед началом работы начальник цеха подозвал одну из работниц:

— Лена, принимай ученика.

— Есть, принять Героя! — бойко ответила та и обратилась к майору: — Идемте, техника у нас не ахти какая сложная, но нужная.

Лена Япринцева старательно учила новичка работе с циркулярной пилой. Не все у него получалось на пер-

вых порах, но он был упорным учеником, и через неделю Лена подвела его к фуговочному станку, на котором работала другая женщина.

— Теперь учитесь у Татьяны Тихоновны, Прокопий Аверьянович, — улыбнулась она.

Татьяна Тихоновна Обманова уже немолодая. Наблюдая за тем, как еще неумело действует ее ученик, она почему-то стеснялась сказать ему, как надо делать правильно. Но когда Стренаков чуть не получил травму, она не выдержала и обратилась к начальнику цеха:

— Без рук может остаться мой ученик, — с горечью сказала она. — Поручите его другим...

— Это почему же?

— Не могу сказать ему ни слова. Он же герой войны, командир. А я кто?

— Сейчас, Татьяна Тихоновна, вы командир. Он ваш ученик, вы — учитель. Понятно?

— Ну ладно, попробую.

Стренаков прошел учебу и у Константина Буковомо. Тот научил его обращаться с ленточной пилой, у которой и проработал первый год майор запаса. Она понравилась Прокопию Аверьяновичу тем, что требует четкости, не любит плохого обращения.

Не раз говорил потом Стренаков спасибо своим учителям за науку. Теперь он работал рядом с ними как равноправный солдат труда, делил радости успехов, горечи неудач. Вскоре Стренаков начал выполнять план на сто двадцать, сто пятьдесят и даже на сто восемьдесят процентов.

«Герой труда», «Человек подвига», «Армейская хватка» — под такими названиями появлялись статьи о нем в многотиражке и цеховой стенной газете.

Коммунисты цеха увидели в Стренакове не только отличного производственника, но и чуткого, отзывчивого товарища. Они единогласно избрали его секретарем партийной организации.

— Вот видите, Прокопий Аверьянович, как у вас дела хорошо пошли, — сказал ему как-то секретарь парткома завода. — Коммунисты своим вожаком назвали.

— Знали, что новичок не откажется.

— Так бывает, конечно. Но вас избрали потому, что увидели партийного, хорошо работающего человека... — После некоторой паузы он добавил: — Партком рекомендует вас бригадиром комплексной бригады.

— А почему партком, а не директор, Николай Павлович? — удивился Стренаков.

— Партком подал идею о создании такой бригады. Потому мы и бригадира подбираем...

— Понятно. Но справлюсь ли я с бригадой вообще, с экспериментальной в частности.

— Партком в этом не сомневается.

Прокопий Аверьянович принял комплексную бригаду. Теперь и строгальщики, и пильщики, и болторезчики, и многие другие рабочие трудились под его началом. Вчерашний ученик превратился в бригадира и сам учил многих. Он мобилизовал людей на хорошую эффективную работу, повел борьбу с простоями, развернул в бригаде рационализаторское движение.

Вечерами, после работы, бригадир нередко беседовал с товарищами о том, как улучшить производственные показатели бригады, заботливо растил помощников себе — Сергея Митрофановича, Долиева, Ходжаева, Почитаева и других. Иногда они просили его:

— Расскажите о боях, Прокопий Аверьянович, о своем подвиге...

Стренаков с волнением вспоминал службу в армии, однополчан, бои, в которых ему довелось участвовать, подвиг, за который был награжден Золотой Звездой Героя.

Был он тогда начальником разведки 642-го ордена Ленина, Краснознаменного пушечного артиллерийского полка. Вместе со стрелковым батальоном 12 октября 1943 года переплывал Днепр. Ночь выдалась темная, дождливая. Дул сильный ветер, поднимавший на реке высокие волны. Фашисты заметили смельчаков лишь тогда, когда они высадились на берег и пошли в атаку. В ночной схватке батальон захватил плацдарм и закрепился на нем. Утром гитлеровцы попытались сбросить наши подразделения в Днепр. Завязался ожесточенный бой. Капитан Стренаков управлял огнем нескольких артиллерийских батарей — ведь одной пехоте не удержать было плацдарма. Целый день артиллерийские снаряды накрывали фашистов. Наши пехотинцы выдержали натиск десятков вражеских танков, отбили все фашистские атаки... Под вечер был ранен командир батальона. Стренаков принял на себя командование батальоном.

Упорно сражались советские воины, но их силы с каждой минутой боя таяли. К середине ночи фашисты оттеснили их почти к берегу. «Продержитесь до утра, — получил распоряжение по радио Стренаков. — Высылаем

помощь». «Но фашисты помешают высадке подкрепления!» — подумал он. Капитан собрал оставшихся бойцов, поставил им задачу. Молча, без единого выстрела, поползли воины к позициям гитлеровцев. Стренаков решил поднять панику в тылу противника, отвлечь его внимание от берега, где будет высаживаться наше подкрепление. Более километра ползли воины по мокрой, раскисшей от дождя земле. Но вот послышалась немецкая речь. Большая колонна вражеских солдат подтягивалась к фронту. Видимо, фашисты готовились ударить по защитникам плацдарма.

Когда гитлеровцы подошли поближе, группа Стренакова открыла по ним автоматный и пулеметный огонь. Противника охватила паника. Воспользовавшись ею, два батальона советской пехоты переправились на правый берег и пошли в атаку. К утру на расширенном плацдарме уже было много наших войск, готовых к дальнейшему наступлению.

13 октября батальон противника при поддержке артиллерии и танков перешел в районе Глушец в контратаку с целью сбросить советских воинов в Днепр. Стренаков подготовил данные для стрельбы по противнику и передал их в штаб дивизиона. Вскоре массированный огонь трех батарей обрушился на противника. Его контратака захлебнулась. 15 октября в бою за деревню Старая Лутава Стренаков заметил, что одна из стрелковых рот стала отходить с занимаемых позиций. Оказалось, что все офицеры роты погибли. Стренаков оставил за себя командира взвода управления, а сам пошел к пехотинцам, назначил командиров взводов из числа сержантов и поставил им задачу на наступление. Рота вернулась на свои позиции, а через некоторое время освободила и деревню Новая Лутава.

В представлении П. А. Стренакова к званию Героя говорится: «21.10.1943 года в боях за д. Новая Лутава, находясь вместе с пехотой, увидел, что тяжело ранен командир стрелковой роты. Тут же принял командование пехотой на себя и повел ее в атаку, продолжая управлять огнем своей батареи. Стрелковое подразделение захватило населенный пункт, уничтожив и пленив до взвода солдат. Тов. Стренаков в этом бою был ранен, но не ушел с поля боя до тех пор, пока пехота не закрепила захваченный рубеж»[1].

---

[1] Архив МО, ф. 33, оп. 793756, д. 46, л. 1, 2.

После боя приехали командир дивизии и командующий артиллерией.

— Вы, Стрепаков, воевали один в двух лицах, — сказал генерал, пожимая руку капитану.

— Не совсем так, — вмешался в разговор комарт дивизии. — Он выполнял одновременно обязанности и начальника разведки, и командира дивизиона, и командира стрелковой роты.

Стрепаков непонимающе посмотрел на полковника: что значат его слова?

— Вы назначаетесь командиром дивизиона, — пояснил командующий.

...Прокопий Аверьянович думает не только о работе, о бригаде, о коммунистах, которыми ему доверили руководить. Он частенько приглашает в цех школьников, в том числе и своих детей — Наташу, Евгения и Александра, и учит их пилить, строгать, работать на ленточной пиле, нарезать болты, сбивать из готовых конструкций деревянные барабаны.

— Вполне возможно, — говорит он, — что скоро все это будут делать машины. Но ребята должны получать производственную практику. И я уверен, что многие из них станут хорошими, настоящими рабочими, орденоносцами и героями труда...

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Герой Советского Союза
полковник
Д. Н. КРАТОВ

На квартире Героя Советского Союза Дмитрия Николаевича Кратова красные следопыты собираются частенько. Их интересует история 17-й гвардейской кавалерийской дивизии, документы и фотографии военных лет.

Беседа начинается с того, что Дмитрий Николаевич усаживает ребят за стол, угощает их чаем с конфетами, фруктами.

Слушая Героя, следопыты делают заметки в своих блокнотах. Потом они напишут о нем в школьном рукописном журнале.

Однажды в такой беседе довелось участвовать и мне. Дмитрий Николаевич рассказывал о боях под Москвой. Ребята внимательно слушали его.

— До войны я был строителем, — говорил он. — С ее началом меня призвали в армию и я стал артиллеристом, командиром взвода. Месяца через два, когда был ранен начальник штаба дивизиона, поставили на его место. Обстановка под Москвой в то время была исключительно сложной и часто менялась к худшему. Не успеешь отдать распоряжение, как его надо менять. А связь порой работала ненадежно, часто рвалась...

Однажды мы вывели обе пушечные батареи для стрельбы прямой наводкой. Решил проверить, как они подготовились к бою. Прихожу, а оба командира батареи выбыли из строя. Пришлось брать командование в свои руки. Едва доложил о случившемся командиру дивизиона, как немцы перешли в наступление. Сутки находился на переднем крае. Более сотни фашистов полегли тогда перед позициями батарей, было уничтожено несколько пулеметов и орудий.

Когда бой утих, назначил командиров батарей, взводов и вернулся в штаб. Капитан Зеленухин заметил, что мое дело — управлять боем, а не бегать по огневым пози-

циям. А ровно через неделю после этого разговора он приказал мне лично вывести все восемь пушек на передний край в район деревни Ордино.

— Ты уже обстрелян, младший лейтенант, — сказал он. — Тебе и карты в руки.

— А как же насчет того, чтобы не бегать? — спросил я не без иронии.

— Без батарей и людей штаб мертв. Понял?

У Ордино мы уничтожили три вражеские автомашины, несколько пулеметов.

— Подбери место для гаубичной батареи, — приказал командир дивизиона через некоторое время. — Она тоже прибудет на передний край.

Минут через тридцать четыре гаубицы батареи лейтенанта Малика ударили по головному танку фашистов. Решили это сделать для того, чтобы надежнее поразить командирскую машину врага, воздействовать на психику танкистов и дать возможность своим огневикам почувствовать мощь их орудий...

— Однажды, — продолжал свой рассказ Кратов. — Рядом с гаубицей сержанта Ершова разорвался вражеский снаряд. Осколок пробил щит, перерубил кронштейн панорамы.

— Что будем делать? — спросил у командира наводчик ефрейтор Абдрашитов.

— Открывай затвор, Салло. Наводи через ствол.

— Это ты молодец, Ершов-командир, — обрадовался наводчик. — Сразу сообразил, что надо делать.

Он навел орудие на вражеский танк и выстрелил...

Не считаясь с потерями, гитлеровцы рвались вперед.

— И чего они прутся, командир? — спрашивал Абдрашитов.

— За землей пришли, — отвечает сержант Ершов.

— А самолеты с сиренами, танки со свастикой, шинели змеиного цвета — это для чего?

— Для устрашения.

— Понятно. Все русских пугают, да?

— Когда-то русских, а сейчас советских. Ты же не русский — таджик.

— А все равно что русский. Душа у нас одна. Цель — одна, Родина — одна.

— Правильно.

Дмитрий Николаевич говорил, а я думал о том, что он сделал еще до войны, когда был архитектором. Он строил театр в Душанбе, публичную библиотеку, здание

совпартшколы, горком и горисполком, студенческие общежития медицинского и педагогического институтов. Таджикский драматический театр тоже строил Дмитрий Николаевич.

Кроме того, Кратов возводил Аги-Сайский комбинат в Казахстане, Консайский рудник, Ленинабадский шелковый комбинат и другие здания. С 1934 года Кратов объехал всю Среднюю Азию и Казахстан, работал начальником строительно-монтажного управления в Клину...

Между тем Дмитрий Николаевич вспомнил о комиссаре дивизиона Букрееве Василии Алексеевиче. Тот участвовал в сорокадвухдневном рейде по тылам врага в Подмосковье зимой 1942 года. Под деревней Батово он находился на наблюдательном пункте батареи, заменяя раненого командира. Целые сутки стреляли орудия по его командам. Спустя четыре дня Букреев опять управляет огнем батареи и уничтожает четыре вражеских миномета. В районе Алабушкино гаубичная батарея попала в окружение. Букреев организовал бой по прорыву кольца окружения.

Все эти факты говорят о том, что батальонный комиссар Букреев не только хорошо выполнял свои прямые обязанности, но и мог действовать на поле боя как командир.

В последние годы он жил в Москве.

...В апреле 1942 года дивизия, в которой служил Кратов, находилась на переформировании и занималась боевой подготовкой. Весна наступала. На буграх и полянах появились проталины, зажурчали ручьи, засинели подснежники.

Дмитрий Николаевич Кратов это время переживал, казалось, острее всех. Он видел, что вот-вот надо начинать весенне-посевную кампанию, а в деревне, где размещались артиллеристы, не было ни одного мужчины, ни единого трактора. На колхозную бригаду приходилось по одной — две пары лошадей. «Как же колхозники выйдут из положения? Как они будут жить?» — не раз думал офицер. Он пошел к председателю колхоза, уже немолодой женщине, и спросил:

— Сколько вам понадобится коней, Мария Васильевна?

— Сколько дадите, — ответила Савельева. — И за то скажу спасибо. В колхозе почти никого нет. Все на войне, а тут хоть сама в плуг впрягайся.

Женщина умолкла, вытерла набежавшую слезу, потом опять заговорила:

— Я знаю, товарищ Кратов, что вы не пахать, а в бой идти собираетесь. Сумеете — поможете, а на нет и суда нет...

Вместе с замполитом Кратов собрал бойцов и спросил, кто желает оказать помощь колхозу. Добровольцами оказался весь дивизион. Кратов вызвал из строя сержанта Голикова и приказал ему:

— Вы — агроном по профессии. Назначаю вас агрономом здешнего колхоза до убытия соединения на фронт. Мария Васильевна поставит конкретную задачу.

Савельева, Кратов, Голиков и еще несколько артиллеристов, руководивших до войны колхозами, составили план посевной кампании с таким расчетом, чтобы все работы выполнить возможно скорее. Никто не знал, когда дивизия пойдет в бой.

После первого рабочего дня Кратова навестил секретарь райкома партии.

— Как дела, Дмитрий Николаевич? Ты, говорят, не только метко стреляешь, а и в колхозных делах разбираешься?

— Может быть. Но дрожу, как осиновый лист. Нагрянет комдив...

— Ну и что?

— Всякое бывает. За самоуправство может шею намылить, а за инициативу поблагодарить, и в любом случае он будет прав.

— Не бойся, выручу.

— Я, конечно, и сам не из робкого десятка. Постараюсь доказать пользу нашей затеи. Мы ведь не за самогон трудимся!

— Вы комдиву обо всем подробно доложите, — посоветовал секретарь. — И чем скорее, тем лучше. А я сегодня же загляну к нему на огонек. Думаю, договоримся. Он у вас мужик добрый и понятливый.

После отъезда секретаря райкома Кратов вскочил на коня и поехал к новому комдиву полковнику Курсакову. Доложил ему об учебе, о делах в колхозе.

— Я уже знаю обо всем, Кратов. Спасибо от меня и от Советской власти за инициативу и добрую душу. Решение твое одобряю. Мало того, я уже приказал всем частям последовать вашему примеру. Мы должны беспокоиться не только о выигрыше боя, но и о том, чтобы засеять здешние поля. Думается, и после войны армия

будет помогать колхозникам, особенно в первые годы. Все сожжено, разрушено, выведено из строя... Да, чуть не забыл, — загадочно улыбнулся Курсаков. — Подойдите ко мне, младший лейтенант. — И прикрепил на его петлицы еще по два кубика. — Через лейтенанта шагнули, Кратов. Это хорошо...

Пожав руку старшему лейтенанту, комдив сказал:

— Отправляйтесь в дивизион. От меня передайте людям спасибо. Они и воевали хорошо, и трудятся как надо.

Кратов вернулся и тут же пошел к Савельевой. Пересмотрели график работ в сторону их ускорения. «Сверх плана» срубили десять домов.

После завершения посевных работ дивизия ушла на фронт.

...В послевоенные годы Д. Н. Кратов написал книгу «Славою богатая», в которой рассказал о фронтовых товарищах. Он активно участвует в военно-патриотической работе, нередко выступает перед учащимися. Однажды, например, позвонила ему учительница истории местной школы, попросила его провести урок мужества, посвященный годовщине разгрома немцев под Москвой.

В назначенный час Кратов пришел в военной форме с орденами и медалями, с Золотой Звездой Героя. Он рассказал ребятам о том, как сражались на подступах к Москве советские конники.

...Кавдивизия прорвалась в тыл к немцам и начала их громить. Гитлеровцы всполошились и с испугу донесли в Берлин, что «в их тыл русские бросили стотысячную армию казаков». Против них немецко-фашистское командование бросило большое количество пехоты, танков, артиллерии.

Дивизионная разведка донесла, что на одной из железнодорожных станций разгружаются эшелоны с живой силой и техникой противника.

Командир дивизии Курсаков приказал Кратову нанести артиллерийский удар по станции. Артиллерийские упряжки на рысях помчались в указанный район. Невдалеке от места разгрузки огневики привели орудия к бою. Гитлеровцы беспечно бродили по станции, тут же стояли танки и пушки.

Орудия сержантов Пименова и Максимова повели огонь по головной части эшелона, два других ударили по живой силе и технике. До цели было не больше километра. Огонь оказался столь эффективным, что все эшелоны загорелись.

Всего сорок пять минут потребовалось на выполнение приказа комдива. Подразделение, взяв орудия на передки, возвратилось в свое расположение. А вскоре батареи уже поддерживали полк майора Сайфутдинова.

Стоя в неглубоком окопе, майор видел гитлеровцев, лавиной приближающихся к траншеям полка под прикрытием огня танков. Он попросил Кратова отсечь пехоту от танков. Вскоре минометы и орудия открыли беглый огонь. Поле, по которому двигались фашистские машины и автоматчики, покрылось черными фонтанами разрывов, заглушивших рокот танковых двигателей.

Оставшись без пехоты, боевые машины врага приближались к траншеям. Кавалеристы их уже хорошо видели. Когда машины подошли к траншеям, несколько десятков орудий и противотанковых ружей ударили по ним. Вспыхнуло пять танков. Остальные попятились.

Вскоре разведчик-наблюдатель доложил о скоплении пехоты и танков невдалеке от опушки леса. Кратов посмотрел в стереотрубу туда, куда показал солдат, на планшете быстро определил величину доворотов для батарей от репера и передал нужные команды.

Хотя боеприпасов в полку оставалось и немного, но сто шестьдесят снарядов и мин обрушились на врага.

Готовясь к новому бою, Кратов приказал сменить огневые позиции и наблюдательные пункты. Конечно, это новые кубометры вырытой земли, перемещение линий связи, новые координаты элементов боевого порядка, данные для стрельбы... Но все понимали, что от этого во многом зависят исход завтрашнего боя, жизнь людей и сохранность техники. В результате, несмотря на смертельную усталость, люди копали землю, перекатывали орудия, переносили минометы, стереотрубы, радиостанции.

Едва взошло солнце, как в небе появились фашистские пикирующие бомбардировщики. Они коршунами устремились к земле. Разрывы бомб следовали один за другим. Гитлеровцы свирепствовали в районе вчерашних огневых позиций.

Рассказал Кратов и о боях на Припяти, и о том, что в момент затишья там дивизию посетили артисты из Таджикистана. Они дали концерт в штабе дивизии, в полках, а затем приехали к артиллеристам. В самом начале концерта Кратову сообщили, что гитлеровцы форсировали реку и захватили деревню Скрыгалово. Пришлось объявить тревогу и попросить артистов перенести концерт

на более позднее время. Часа через три артиллеристы вернулись и дослушали концерт. А через несколько месяцев во 2-й гвардейский кавалерийский корпус прибыла заслуженная артистка РСФСР Лидия Андреевна Русланова, купившая на свои сбережения батарею реактивных минометов, которую она подарила нам. Она пожелала присутствовать при первом залпе.

На наблюдательный пункт Кратова прибыли Русланова, генералы Крюков и Курсаков. По лестнице они поднялись на чердак двухэтажного дома, в стереотрубу по очереди осмотрели фольварк, где располагался штаб немецкого пехотного батальона.

— Командуйте, Лидия Андреевна, — сказал генерал Крюков. — Вы хозяйка.

— Я лучше спела бы песню для жителей польского поселка, — сказала Русланова. — Но что поделаешь! Огонь!

Громовой скрежет раздался справа позади НП. Через окно, выходящее во двор, Русланова увидела огненные кометы, поднявшиеся над лесом.

— Скорее сюда! — позвал ее Крюков. — Сейчас начнут молотить фрицев.

Девяносто шесть реактивных мин разорвались почти одновременно. Вздрогнула земля, над фольварком поднялись столбы огня и дыма.

— Спасибо, капитан, за хорошую стрельбу, — улыбнулась Кратову Русланова.

— Вам спасибо, Лидия Андреевна, за отличную батарею, — сказал гвардии капитан. — Артиллеристы перед вами в долгу не останутся. «Катюши» в надежных руках...

Дмитрий Николаевич Кратов был на войне до последнего дня. Пришлось ему идти и по дорогам Германии, ломая последние очаги сопротивления фашистов.

А вскоре после войны он возвратился к мирному созидательному труду, украшать жизнь советских людей новыми дворцами и архитектурными ансамблями.

СЧАСТЛИВЫЙ НОЯБРЬ

Герой Советского Союза
полковник
В. Н. ЕРЫШЕВ

Стоял октябрь. Подполковник Ерышев, офицер штаба округа, по лесной тропе шел в расположение ракетчиков. До начала контрольной проверки было часа два, и он шел медленно, наслаждаясь свежим осенним воздухом, любуясь ярко-желтой и красноватой листвой берез и кленов, гроздьями созревшей рябины. Невольно ему пришли на память родные места, сибирская тайга, где и сейчас еще жили его мать и отец.

Лет восьми он впервые самостоятельно пошел на охоту.

— Леса не бойся, зверя не трогай,—наставлял его отец. — Подстрели, если удастся, одного-двух глухарей и возвращайся домой.

Не торопясь шагал малолетний охотник по таежной тропе, внимательно прислушиваясь к звукам леса, вглядываясь в заросли густого орешника, в могучие кроны кедров и вечнозеленых сосен. На суку старой березы затаилась белка. Мальчишка пристально смотрит на нее, но она не двигается. Юный охотник свистнул, и зверек бросился по веткам вверх, потом перелетел на другое дерево и вскоре исчез.

А вот из густых зарослей тальника стремительно вылетели тетерева. Они вскоре исчезли в глубине леса.

Весь день бродил Вася по тайге, но глухаря так и не увидел. Он знал, что это птица хитрая, осторожная и редкая и найти ее непросто. Отец, видимо, на это и рассчитывал: пусть, мол, вырабатывает сын качества охотника — терпение, настойчивость, волю и выносливость.

Когда солнце скрылось за лесом, мальчик вышел на большую поляну и стал всматриваться в верхушки деревьев. По его расчету, там должны быть глухари. Любят они встречать и провожать солнышко на самом высоком дереве. Его предположение оправдалось. На одном из деревьев он заметил большую черную птицу. Осторож-

но ступая по земле, охотник двинулся к сосне. До глухаря оставалось не более двадцати метров. Зная, что стрелять по нему нужно только влет, Вася поднял ружье и свистнул. Птица слетела с дерева, сделала несколько взмахов крыльями — и тут же раздался выстрел. Глухарь упал.

Долго рассматривал свою добычу мальчик. Стало совсем темно. Наверное, придется остаться на ночь в лесу. Отец говорил: «Ночью разжигай на поляне костер и сиди до утра». Начал было собирать сушняк, но потом раздумал и пошел домой. Он уже хорошо ориентировался в лесу. Днем делал это по солнцу и покрытым с севера мхом деревьям, а ночью — по Полярной звезде. Он знал, что от места охоты деревня находится к югу. К утру Вася пришел домой. Отец похвалил его: «Если ты всегда будешь таким — служба в армии не покажется тебе тяжелой».

Вася запомнил эти слова — они оказались пророческими.

...Подполковник Ерышев прибыл к ракетчикам три дня назад, к началу контрольной проверки. За эти дни он убедился, что имеет дело со слаженным, хорошо подготовленным коллективом. По всем проверенным дисциплинам батарея получила только отличные оценки. Правда, главное было впереди. Пуск ракет, как и стрельба артиллеристов, — своеобразный праздник воинов, когда демонстрируется сработанность, четкость действий. К этому моменту личный состав готовится долго и целеустремленно, не жалея ни труда, ни времени.

«Где же они? — вглядывался в опушку леса подполковник. — Так замаскировались, что и не обнаружишь». На помощь ему пришел лейтенант. Он раздвинул кусты у дороги, приложил руку к козырьку фуражки и четко доложил о готовности батареи к пуску.

О лейтенанте Арапове Ерышев уже слышал. О нем было даже написано в газете. Но за долгие годы службы подполковник Ерышев выработал у себя привычку судить о человеке лишь по его практическим делам. Главное в службе военнослужащего — боевая работа. О качествах командира можно судить по обученности и исполнительности его подчиненных. Когда взвод, батарея, дивизион быстро и успешно решат боевую задачу — командир у них настоящий, оплошают они в самом важном деле — командир не на должном уровне...

В воздухе — красная ракета. Батарея тотчас приступила к занятию по специальной подготовке. Стоя с секундомером в руках, Ерышев видел, как трудятся воины. Их движения со стороны казались неторопливыми, словно замедленными. Но так лишь казалось. В действительности секундомер отмечал по каждой операции только отличное время. В спокойной, размеренной работе подполковник видел уверенность, точность движений солдатских рук. Они брались только за нужный рычаг или маховик, поднимали и вращали их на строго рассчитанную величину, перекрывая при этом нормативное время. Ерышев залюбовался действиями солдат и сержантов батареи. «Вот что значит высокая образованность людей, — думал он. — Для них нет трудностей непонимания техники... Они даже совершенствуют ее по мере сил в интересах ускорения выполнения работ».

В этом особенность и специфика сегодняшней армии. Многие солдаты и сержанты овладевают своими специальностями в два-три раза быстрее запланированного времени. Здесь помимо всего сказывается и то, что азы военной науки они получают в средней школе и до армии занимаются в кружках ДОСААФ.

Весь день батарея выполняла разные учебные задачи. И все это время секундомер в руках проверяющего фиксировал точное выполнение нормативов ракетчиками. То и дело Ерышев делал пометки в своем блокноте. На этот раз он отмечал не упущения и недостатки, а положительный опыт, который надо будет обобщить и распространить в других подразделениях округа.

Когда наступили сумерки, подполковник вызвал к себе лейтенанта Арапова и сказал:

— Занятия у вас прошли хорошо. Ракета накрыла цель. Люди подготовлены к бою. За отличную выучку личного состава объявляю вам благодарность.

— Служу Советскому Союзу! — четко ответил офицер.

Из своего опыта Ерышев знает, как важна подобная благодарность для молодого офицера. Поощрения командирам Василий Николаевич объявляет всегда в присутствии солдат и сержантов. Это также имеет большое воспитательное значение.

Во время ужина Ерышев разговаривал с сидящими рядом молодыми офицерами. Рассказывая о своей армейской жизни, Василий Николаевич думал о современных командирах: почти все они окончили высшие военные училища, начитанны, грамотны, эрудированны, знание

получили в мирное время. Ему же пришлось путь от рядового до лейтенанта пройти за шесть лет. По фронтовым дорогам от Сталинграда до Берлина прошагал он в звании рядового и сержанта. И только после войны, окончив Пензенское артиллерийско-техническое училище, стал офицером.

— Товарищ подполковник, — спросил Ерышева один из командиров взводов. — Я знаю, что вы Героем Советского Союза стали в ноябре 1943 года, а звание лейтенанта получили только в ноябре 1945 года...

— Верно. Действительно, получается, что ноябрь в моей жизни занимает особое место. В ноябре 1942 года начал бить немцев под Сталинградом. В ноябре 1943 года получил звание Героя Советского Союза. В ноябре 1945 года — звание лейтенанта, в ноябре же получил назначение на новую должность в Прибалтийском военном округе.

— Два года были Героем Советского Союза в звании сержанта?

— Да. Не хотелось уходить с фронта, расставаться с друзьями. В артиллерии офицерские звания присваивали только после курсов. Меня на них посылали, но я не пошел и окончил войну сержантом... Мы ведь не о смерти, а о жизни думали. Боялись оторваться от коллектива, от дружной фронтовой семьи. Героя присваивают за совершенный подвиг или подвиги. Звания же — за знания, за умение управлять подразделением.

— Но вы командовали не только расчетом, а и взводом и батареей, — заметил лейтенант Арапов.

— Было и это. Совсем неплохо, когда сержант может все. Ваши сержанты, например, могут заменить офицера?

— Как вам сказать? Нас-то учили четыре года, а их несколько месяцев...

— Тем не менее они должны научиться работать и за вас.

— А как вы на фронте?

— Приходилось изучать обязанности старших по должности офицеров. В результате все сержанты нашей батареи могли заменить офицеров во многих вопросах...

— Теперь время другое: техника сложная, труднее подготовить данные для стрельбы, вводить поправки...

— Согласен, что техника сейчас сложнее. Но и люди выросли. Мы в большинстве имели семь классов, а ваши подчиненные?

— Все со средним, двое с высшим...

После ужина подполковник встретился с ракетчиками.

— Может быть, не каждый из нас, фронтовиков, носил в вещмешке маршальские или генеральские погоны, но должность офицера или сержанта обязан был уметь выполнять, — начал Ерышев свое выступление. — И каждый из рядовых в любой момент готов был стать на место командира орудия или отделения, а сержант — заменить офицера. Почему так было? Да потому, что каждый воин на своем посту был мастером высшей квалификации. Без этого мы не победили бы. Боевой труд миллионов рядовых, сержантов и офицеров привел Советскую Армию к великой победе, к разгрому фашизма.

Ракетчики слушали рассказ офицера штаба с большим интересом. Перед ними раскрывалась трудная фронтовая жизнь Героя Советского Союза.

Боевое крещение рядовой Василий Ерышев получил 12 августа 1942 года. Расчет, в котором он служил, должен был переправить 76-миллиметровое полковое орудие, или полковушку, как называли его тогда, на правый берег Дона, занятый фашистами. Ни один из бойцов, да и командир расчета сержант Николай Полежаев еще не были в бою.

— Что будем делать, ребята? — попросту спросил у подчиненных командир орудия.

Все молчали. Только Ерышев, как в школе, поднял руку:

— Можно внести предложение?

— Слушаем, сибиряк, — согласился сержант.

— Вон там, у самой реки, стоит разрушенный сарайчик. Бревна сухие. А в батарее есть шесть пустых бочек из-под бензина, проволока.

— И что же? — поинтересовался командир.

— Сделаем плот. Пусть ребята разбирают сарай, тащат туда бочки и проволоку, а я возьму топор. В нашем распоряжении всего четыре часа.

— Хорошо, Ерышев, — одобрил план наводчика Полежаев. — Сейчас же принимайтесь за дело. А я получу боеприпасы, договорюсь о связи. Действительно, времени у нас в обрез.

Вскоре артиллеристы приступили к работе. Положили в лозняке на берегу в ряд четыре бревна, к ним прикрутили три поперечных. На них уложили бочки. Второй связкой бревен накрыли их, скрепили верхнюю и ниж-

нюю рамы, сделали настил и плот спустили на воду. Поставили на него орудие, укрепили.

— А что дальше? — спросил кто-то.

— Раздевайся. Будем толкать плот: течение небольшое.

— А может, трос перетянем, Ерышев? — спросил сержант.

— Длинная история. Да у нас и веревки нет. Ее потребуется метров четыреста. Выход один — толкать.

Наступили сумерки. Четверо огневиков вошли в воду, чтобы подталкивать плот с пушкой. Один остался на берегу для охраны имущества.

Полтора часа плыл плот с орудием по тихой донской воде. Бойцы вели себя так осторожно, что ни один из вражеских наблюдателей не заметил движения на воде.

Когда плот подошел к берегу, солдаты привязали его к кусту лозы, осторожно вышли из реки, положили на плот две широкие доски и по ним скатили на берег пушку. Продвинули ее чуть-чуть вперед, привели к бою.

— Теперь я один управлюсь, — сказал сержанту Ерышев. — А всем остальным надо срочно отправляться за боеприпасами, патронами и автоматами. Пяти снарядов, которые у нас имеются, очень мало.

Полежаев и трое солдат возвратились за оставшимся имуществом, а Ерышев решил посмотреть, что делается впереди, где находится противник. Стараясь не шуметь, он по-пластунски двинулся к видневшемуся во тьме гребню берега. Кроме ножа, никакого оружия у него не было.

Вскоре на небольшом холмике наводчик заметил окоп. Несколько минут Василий наблюдал за ним. Минут через десять из окопа вылез гитлеровец. Оглядевшись, он направился в сторону Ерышева. Потом спустился в другой окоп. Недолго думая, артиллерист прыгнул на него, свалил на землю, связал руки ремнем и засунул ему в рот пилотку. На холме, видимо, больше никого не было. Ерышев заставил гитлеровца встать и отвел его к орудию.

Когда плот с боеприпасами причалил к берегу и бойцы перенесли снаряды, Ерышев кивнул головой в сторону связанного «языка» и сказал сержанту Полежаеву:

— Пленного добыл. Не знаю, что и делать с ним.

— Молодец, Василий. Я немного знаю немецкий язык, — ответил сержант. — В школе учил и с разговорником не расстаюсь. Сейчас допрошу...

Наводчик вытащил кляп изо рта пленного.

— Готов, товарищ сержант, — доложил с улыбкой.

Гитлеровец охотно отвечал на вопросы. Минут через пять командир орудия подозвал Ерышева к себе и приказал:

— Осторожно проберись на их пункт и посмотри, что там. Солдат утверждает, что был один, но скоро туда придут офицер и два ефрейтора. Надо опередить их.

Пригибаясь к земле, Василий быстро добрался до холмика, осторожно заглянул в окоп. Там находилась стереотруба и беспрерывно зуммерил телефонный аппарат.

Наводчик вернулся и доложил сержанту об увиденном.

— Катите пушку следом за мной, а я с Куртом пойду к телефону, — распорядился Полежаев.

— Пленный говорит, что наши лодки с пехотой, что идут к берегу, уже замечены, — сказал вернувшийся сержант. — Об этом он узнал из слов командира батареи. Вражеские артиллеристы готовят по ним огонь. Следует предупредить наших.

— Поздно, командир, — вздохнул Ерышев. — Надо попытаться отвлечь внимание гитлеровцев от лодок.

— Как отвлечь?

— Пусть Курт скажет, где располагается их батарея. Откроем по ней стрельбу.

— А если нас атакует фашистская пехота?

— Картечью встретим. Что ж, будем сидеть сложа руки?

Сержант обратился к Курту — тот показал на карте место огневой позиции батареи. Командир орудия быстро подготовил данные для стрельбы. Наводчик навел пушку. Узнав у пленного звание командира их батареи, Полежаев вызвал того к телефону и сказал по-немецки:

— Господин капитан! Доложите командованию, что войска Красной Армии уже форсировали Дон во многих местах. Сдавайтесь в плен! В противном случае открываю огонь.

— Как вы смеете! — возмутился гитлеровец на другом конце провода.

— Огонь! — скомандовал сержант, положив трубку.

Полковушка выпустила несколько снарядов.

— Теперь держись, — сказал кто-то из артиллеристов. — Сейчас они попрут на нас.

— Пусть прут, — опять занимая место у панорамы, проговорил Ерышев. — Мы их встретим как следует.

Сержант обратился к пленному:

— Курт, доложи своим, что видишь русских, и попроси огня...

Пленный поднял трубку телефона и сообщил о приближении к нему до роты русских.

— Корректируй, — после некоторого раздумья приказал ему командир батареи.

Первый и последующие немецкие снаряды легли сравнительно недалеко от полкового орудия.

Через некоторое время артиллеристы увидели шедших к ним до роты фашистов. Когда те достигли пристрелянного рубежа, сержант подал знак Курту.

— Три снаряда, беглый, огонь! — скомандовал тот по телефону. Около двух десятков снарядов обрушилось на головы вражеских пехотинцев. Они залегли. Батарея прекратила огонь. Гитлеровцы поднялись с земли и продолжили путь к высоте, около которой находились наши артиллеристы.

— Картечью, огонь!—скомандовал Полежаев. Ерышев выстрелил пять раз, гитлеровцы отошли на исходную позицию.

— Ловко вы придумали, товарищ сержант, — восхищенно произнес Ерышев.

— И ты ценного «языка» добыл, — ответил командир орудия. — Клад! Видишь, как улыбается. Понимает, что для него война окончена.

Когда над Доном блеснули первые лучи солнца, подразделения 96-й стрелковой дивизии уже прочно занимали участок правого берега реки. Было это 12 августа 1942 года.

Около десяти дней стоял над Доном орудийный гром. Тучи пыли и дыма закрывали маленький плацдарм, на котором отчаянно сражались с врагом советские воины. Но под натиском превосходящих сил противника им пришлось отступить. Теперь начались бои в междуречье Волги и Дона.

Три месяца расчет Полежаева не выходил из боя. Много перекопали земли, выпустили по врагу снарядов артиллеристы. Теперь они стали закаленными, умудренными боевым опытом воинами.

Находясь в обороне, артиллеристы готовились к наступлению. Они добротно оборудовали орудийную площадку у разрушенного сарая в нейтральной зоне, принесли туда пятьдесят ящиков снарядов, проложили к командиру

батареи линию связи, а затем выкатили на позицию орудие.

Молча сидели огневики в щелях, не курили. Ничто не должно было выдать их присутствия под боком у противника. До фашистских окопов было метров сто пятьдесят. Полежаев и Ерышев до утра вели наблюдение. Ствол их орудия был направлен в сторону гитлеровцев. Бойцы знали, что в случае наступления именно здесь пехотинцы пойдут в атаку, строча из автоматов, и их придется поддерживать огнем и колесами.

Через нейтральную зону изредка пролетали снаряды и рои трассирующих пуль. Кое-где в черное небо поднимались осветительные ракеты. Артиллеристы так замаскировались, что не боялись быть обнаруженными.

Сигнал об открытии огня, как всегда, поступил неожиданно. Расчет выскочил из ровика.

— Огонь! — скомандовал сержант Полежаев.

Вместе с тысячами товарищей по оружию расчет сержанта Полежаева участвовал в артиллерийской подготовке под Сталинградом 19 ноября 1942 года.

Пушки, гаубицы, минометы, знаменитые «катюши» буквально перепахивали вражескую оборону, уничтожая живую силу и технику врага. Орудие, наводчиком которого был Ерышев, двигалось вместе с пехотой, останавливалось, чтобы сделать несколько выстрелов, и опять шло вперед. Его катили по снежному полю, обливаясь потом, стараясь не отстать от пехоты, до тех пор, пока не была окружена 330-тысячная группировка врага в Сталинграде.

Пожалуй, самое тяжелое испытание расчету пришлось выдержать при отражении танков Манштейна. Кромешным адом называли солдаты эти бои. Днем и ночью авиация, артиллерия и танки гитлеровцев наносили удары по советской обороне. Главную роль при этом играли танки. Их фашистское командование не жалело...

Снаряды полковой пушки не пробивали лобовую броню вражеских танков и штурмовых орудий. Ерышев наловчился с первого снаряда перебивать их гусеницы — подпускал машины врага на дальность прямого выстрела и стрелял.

Осенью 1943 года дивизия с боями пришла к Днепру. И опять расчету Полежаева приказали переправиться с орудием на противоположный берег.

— А на чем? — спросил сержант у командира взвода.

— На Дону вы такого вопроса не задавали, — ответил тот. — Проявите смекалку и здесь.

Орудие через Днепр тоже переправили на плоту. На правом берегу реки выбрали позицию, отрыли окоп, вкатили в него пушку. Ерышев занялся выверкой прицельных приспособлений. В это время гитлеровцы начали минометный обстрел. Мины падали так близко от орудия, что расчет вынужден был укрыться в ровике. Обстрел длился минут двадцать, затем все стихло. Сержант Полежаев выскочил из ровика и тут же упал. Шальной осколок ударил ему в живот.

— Принимай расчет, Вася, — сказал сержант. — Я надолго вышел из строя...

Гитлеровцы опять перешли в контратаку, стремясь сбросить советских бойцов в реку. Приближаются к орудию. Сноп картечи скашивает целую цепь. По орудию начали стрелять вражеские гаубицы. Расчет тут же сменил позицию и сделал несколько выстрелов по противнику. Затем еще раз перешел на новое место.

— Сколько мы будем катать эту игрушку? — спросил рядовой Бунин. — Все силы вымотала.

— Пока не окончится война, — спокойно ответил Ерышев. — Тебе жить надоело? Не видишь, что после двух-трех выстрелов нас засекают?

— Вижу.

— Тогда действуй!

В ходе боев в Заднепровье рядовому Ерышеву было присвоено звание сержанта. Командир взвода поздравил его с новым званием и сказал:

— Вы командуете первым орудием. Значит, отныне являетесь моим заместителем.

— Слушаюсь, товарищ лейтенант.

— Подготовьте несколько запасных позиций. Сейчас затишье. Но, как говорят, после тишины может быть буря.

Через день лейтенанта ранило. Ерышев принял взвод. Теперь заботы прибавилось. Вместо одной пушки — три. И это не все. Позвонил командир батареи:

— С сегодняшнего дня вы являетесь старшим на огневой позиции.

— Справлюсь ли, товарищ комбатр?

— Обязан справиться. Все офицеры вышли из строя.

Сержант побывал на огневых позициях всех орудий, проверил, как они оборудованы, замаскированы, изучил карточки противотанкового огня, узнал, где находятся за-

пасные позиции, сколько у кого и каких боеприпасов. Тут же дал необходимые распоряжения. Затем составил схему огня батареи, договорился с пехотой о взаимодействии.

Несколько дней прошло с тех пор, как сержант Ерышев стал исполнять три должности. Гитлеровцы активных действий не вели, по три-четыре раза в течение суток кричали в рупор:

— Готовьте рушники — купать вас будем!

Артиллеристы молчали. Иногда Ерышев приказывал одному из самых басовитых солдат:

— Пугни-ка их по-русски. Скажи: пусть роют себе могилы — похоронами заниматься нам будет некогда.

Солдат выполнял приказ, добавляя кое-что и от себя. Фашисты открывали огонь — наши отвечали. И начиналось...

В течение двух недель советские воины удерживали маленький пятачок земли поблизости от города Переяслав-Хмельницкий. Гитлеровцы не раз пытались сбросить советских воинов в реку, но тщетно. На плацдарм прибывали новые подразделения и части. Рядом с полковой батареей на переднем крае расположился истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион. Ерышев договорился с его командиром о том, что при появлении вражеских танков истребители будут бить по бронецелям, а полковая батарея — по пехоте.

Однажды противник перешел в атаку. Развернулся ожесточенный бой — загорелся один, второй, третий танк... На несколько минут броневая лавина приостановилась. Но пехота, поливая советские траншеи автоматным огнем, продолжала двигаться вперед.

— Зарядить картечью! — скомандовал Ерышев, занимая место у панорамы первого орудия. Когда все орудия были готовы к бою, крикнул:

— Огонь!

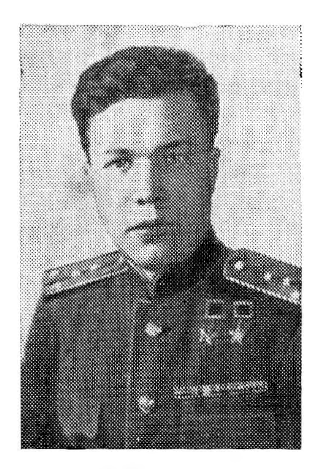
Батарея открыла беглый огонь по фашистской пехоте, нанося ей большой урон. Гитлеровцы вначале остановились и залегли, а потом поспешно отступили.

Затишье длилось около суток. За это время батарея опять сменила позицию. Это оказалось очень кстати. На следующее утро над расположением советских войск появились десятки вражеских пикировщиков. Некоторые из них бомбили вчерашнюю позицию артиллеристов, но там уже никого не было.

После бомбежки и мощного артналета гитлеровцы перешли в атаку. И вновь на их пути встали бесстрашные артиллеристы полковой батареи, в которой служил сержант Василий Ерышев. Впоследствии в представлении Ерышева к званию Героя Советского Союза было написано: «За время удержания плацдарма орудие уничтожило 2 пушки, 3 миномета, 4 пулемета, 5 дзотов, 2 автомашины, 2 бронетранспортера, до 60 солдат...»

13 ноября 1943 года за мужество, храбрость, артиллерийское мастерство сержанту Ерышеву Василию Николаевичу Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено это высокое звание.

МЕТЕОР

Герой Советского Союза
капитан
А. П. ШИЛИН

Шесть молодых лейтенантов сидели рядком на лавке в деревенской хате. А за столом напротив них, положив крупные руки на стол, — полковник Лангер, командир 132-го артиллерийского полка. Он смотрел на лейтенантов — ему надо было распределить их на должности.

— Дивизия сейчас на переформировании,—заговорил полковник.—Мы только что выдержали удар фашистов на Курской дуге, разгромили их, но и сами понесли потери...

Он рассказал о задачах полка, его боевом пути, о людях. Затем приступил к назначению на должности.

— Начнем с вас, — Лангер посмотрел на одного из офицеров.

— Лейтенант Григорий Плотников, — четко доложил тот.

— Вы пойдете командиром взвода управления.

Поднялся второй:

— Лейтенант Юрий Шубин.

Командир полка определил на должность Шубина, Петра Щербакова, Алексея Ластовку, Абрама Льва и, наконец, наступила очередь последнего:

— Лейтенант Афанасий Шилин.

— Расскажите о себе, — сказал командир.

— Родился в 1924 году. Школу окончил в городе Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. После десятилетки в армию не взяли по возрасту. Пошел десятником на лесной склад. Оттуда попал в Томское артиллерийское.

— Назначаетесь старшим на батарею.

— А нельзя ли командиром взвода управления?

— Можно, но не сейчас, а когда освободится место.

И вот Афанасий Шилин в батарее. Доложил о прибытии комбатру лейтенанту Станюхе, командиру дивизиона капитану Коровину, познакомился с командиром ог-

певого взвода младшим лейтенантом Федоровым. Он, оказывается, инженер по специальности, уже воевал и был опытнее и старше Шилина. Афанасий, недолго думая, обратился к комбатру:

— Не хочу быть старшим.

— Почему?

— Пусть эту должность исполняет Федоров — опытный, грамотный, воевавший. И людей и дело знает лучше меня... — развел руками Шилин.

— Вы старше в звании, будете и старшим на батарее. Не имеете опыта? Учитесь. У того же Федорова, старшины, сержантов, солдат. Сейчас они все опытнее вас, и ничего удивительного в этом нет. В общем, Шилин, я не люблю дважды повторять одно и то же. Готовьте людей к боям!

Легко сказать — готовьте! А если тебе неполных девятнадцать и никакого опыта? И всего шесть месяцев учебы по специальности?

Шилин пришел к орудиям. Они стояли в хорошо оборудованных окопах. «Молодцы, — подумал о бойцах и командирах лейтенант. — Хотя и в тылу, а к бою готовы. Это настоящие фронтовики».

Лейтенант осмотрел «пушки-старушки», как он выразился потом, окопы, ровики, погребки и нашел все в наилучшем виде. «А сумею ли я поддерживать такой же порядок?» — задал себе вопрос. И тут же ответил: «Сумею!» С этой мыслью начал работу, понимая, что прежде всего нужно самому научиться быстро строить фронт батареи, параллельный веер, вводить необходимые корректуры каждому орудию, отмечаться по точке наводки... Следовало посмотреть боеприпасы, радиостанции. А главное — поскорее сойтись с людьми. Шилин понимал, что он самый старший среди командиров огневых взводов, но младший по возрасту и самый неопытный в артиллерийском мастерстве.

Через несколько дней личный состав дивизии был выстроен на большой поляне. Командующий армией генерал-лейтенант Берзарин Н. Э. вручил соединению гвардейское Знамя.

— Вы уже воевали по законам гвардии, — сказал командарм. — Теперь деритесь, как настоящие гвардейцы — по праву, по совести, по чести. Все вы получите сегодня знак «Гвардия». Есть среди вас и не нюхавшие пороха. Докажите своими делами, что вы тоже гвардейцы.

Первое отличие Шилина — знак «Гвардия». Он засиял на его гимнастерке. Лейтенант нет-нет да и поглядывал на знак, а сам думал над словами генерала о том, что этот знак еще нужно заслужить.

Вскоре гвардейцы получили боевую задачу. Батарея лейтенанта Станюха заняла огневую позицию невдалеке от Донца. Вырыли окопы для орудий, ровики, погребки под снаряды. Это было нелегко: песок осыпался.

Шилин взял из каждого расчета по одному человеку с топорами и пилами и отправился в ближайший лесок.

— Сейчас, товарищи, мы сделаем санитарную чистку, — сказал он солдатам. — Пилить каждое десятое дерево, которому солнышка не досталось. Валите и тащите на огневую, укрепляйте стенки окопов и ровиков, а на перекрытия распилите поваленные деревья...

Солдаты принялись за работу, а Шилин вернулся на огневую, построил параллельный веер, выбрал для всех орудий единую точку наводки, приказал рассортировать боеприпасы. Когда эта работа была выполнена, огневики принесли жерди. Шилин тоже взялся за работу. Глядя на него, молодого, коренастого лейтенанта, бойцы и командиры энергично включились в работу. Часа через два-три все было оборудовано, даже щели перекрыты двумя накатами...

Начались горячие бои. Орудия столько стреляли, что на их стволах обгорала краска. Шилин до хрипоты кричал, передавая команды от телефониста командирам орудий. Вначале он бегал от пушки к пушке, проверяя правильность выполнения команд, потом, убедившись, что наводчики опытные люди, больше находился у телефона. Куда ложились снаряды, Шилин не видел и не испытывал радости от того, что батарея выпустила в первый день более двухсот снарядов.

Дивизию перебросили в район Святогорского монастыря, где был захвачен небольшой плацдарм. Огневые позиции для орудий оборудовали с трудом: грунт оказался очень твердым. Щели накрыли двумя рядами бревен.

А вскоре Шилина перевели на НП. Произошло это потому, что убили его товарища по училищу лейтенанта Плотникова. Тот пошел по ходу сообщения в роту, и здесь его подстерег вражеский снайпер.

— А что ж вы ход сообщения не отрыли во весь рост? — спросил Шилин у сопровождавшего его сержанта на месте гибели Плотникова.

— Грунт тяжкий, — ответил тот. — Да комвзвода и не требовал рыть глубже.

— Но вы-то, вы? Он мальчишка был, неопытный, необстрелянный. А вы фронтовик. Как же вы допустили?

— Виноват, оплошал.

— Где шанцевый инструмент?

— На НП.

— Всем свободным от дежурства взять лопаты!

К утру глубокий ход сообщения, перекрытый двумя рядами бревен, замаскированный еловыми ветвями, был готов. Углубили разведчики и наблюдательный пункт. Стал строже режим для разведчиков и связистов.

Вечером открыло огонь гитлеровское орудие, поставленное на прямую наводку. Шилин подготовил данные, по всем правилам произвел пристрелку и перешел на поражение. Один из снарядов вывел из строя расчет и само орудие.

— Молодец, Афанасий! — позвонил командир батареи. — Я наблюдал стрельбу. Нужно сокращать пристрелку. Глаз набивай — снарядов у нас не часто бывает густо.

Прибежал солдат-пехотинец.

— Кто из вас только что стрелял? — спросил он.

— Я, а что? — ответил Шилин.

— Вам письмо.

Развернул бумажку. Там, оказывается, благодарность от командира роты.

— Вы слышите, друзья?! — крикнул офицер. —Благодарность от пехоты. Это здорово!

На НП было интереснее, чем на огневых позициях. Отсюда были видны действия пехоты, результаты огня батареи, противник. И здесь Шилин требовал от подчиненных работы и работы...

26 октября 1943 года лейтенант Шилин вместе со взводом управления форсировал рукав Днепра и высадился на острове Хортица. Выбрал и оборудовал наблюдательный пункт, подготовил исходные данные по нескольким целям на переднем крае противника. И тут гитлеровцы пошли в атаку. Батарея открыла огонь, но осколком вражеского снаряда разбило радиостанцию. «Как быть? — думал Шилин. — Послать на тот берег за рацией солдата нельзя: нет ни одной лодки». Лейтенант разделся, оставил обмундирование на пункте.

— Ждите! — крикнул бойцам. — Я сейчас.

Словно это было летом и перед ним несла свои воды

не широкая и могучая река, а маленькая речушка, которую за пару минут можно перемахнуть туда и обратно.

Шилин достиг восточного берега, вылез из воды да так в кальсонах и появился у орудий.

— Что случилось, товарищ лейтенант? — спросили бойцы. Афанасий объяснил, взял с собой рацию и двух телефонистов, кабель и аппарат, на лодке переправился через реку и прибыл на свой НП.

— Живем, друзья! — крикнул управленцам. — Теперь пусть фрицы идут. Встретим огоньком...

Несколько дней офицер управлял своим подразделением, командовал батареей и даже дивизионом. Но вот налетела вражеская авиация. Пикировщики перепахали бомбами передний край. Досталось и артиллеристам. Вышла из строя и новая рация; где-то на дне реки разорвался телефонный кабель.

Оставив за себя командира отделения разведки, лейтенант пошел к командиру стрелкового батальона и по его рации стал корректировать огонь. Фашистам очень хотелось сбросить с острова горстку наших. Они лезли со всех сторон. Защитников плацдарма оставалось все меньше. На левом фланге противник приблизился к траншеям. Наша пехота пошла в контратаку. Завязалась рукопашная.

— За мной! — крикнул Шилин своим подчиненным и первым с автоматом в руках бросился на помощь пехоте. Рукопашная длилась минут пятнадцать. Гитлеровцы отошли.

Шилин вернул взвод на наблюдательный пункт, а сам направился к командиру батальона. По его команде двенадцать орудий дивизиона обрушили огонь на скопление вражеской пехоты.

— Афанасий, — сказал командир батальона, — возьми мою рацию на время и иди на свой пункт. Мне она сейчас не нужна, а ты давай побольше огоньку. На тебя вся надежда...

Несколько дней на плацдарме шли тяжелые бои. Пехоты почти не осталось. Шилин еще дважды поднимал подразделение в рукопашную. Наконец настал и для него критический момент: врагам удалось окружить его НП. Лейтенант то и дело подбадривал солдат, стрелял из автомата, вместе со всеми бросал во врагов гранаты. А потом и боеприпасы кончились. Даже немецкие — их тоже расстреляли. Недолго думая, лейтенант скомандовал на огневые:

— Беглый огонь по нашему пункту!

Больше он ничего не успел сказать — третья радиостанция вышла из строя.

— Ложись! — крикнул Шилин бойцам, увидев приближающихся гитлеровцев. И в этот момент в районе НП начали рваться снаряды. Засвистели осколки, послышались крики гитлеровцев. Когда огонь прекратился, Шилин распорядился собрать вражеское оружие, боеприпасы и документы...

Бои на острове были очень тяжелые. Гитлеровское командование, полагая, что русские начнут наступление именно с этого плацдарма, подтянуло сюда крупные силы пехоты, артиллерии и даже танки. А тем временем 60-я гвардейская сосредоточилась в другом месте и неожиданно начала форсирование Днепра. И здесь рядом с пехотой были Шилин и его боевые товарищи.

Вместе с батальоном майора Чайки артиллеристы Шилина окопались и приступили к подготовке данных для стрельбы.

— Шилин, — позвал лейтенанта командир батальона, — посмотри на эти штуки. Фрицы так драпанули, что оставили их и уйму снарядов...

— Позову Алексея Мороза — он у нас сапер. Пусть проверит: сюрпризы могут быть...

Действительно, орудия были заминированы. После того как мины были обезврежены, Шилин осмотрел стопятидесятипятимиллиметровые орудия и огорчился:

— Ни панорам, ни замков. Бесполезные они для нас...

Однако Сережка, сын батальона, подросток лет двенадцати, в одной из воронок поблизости нашел затвор. Приспособив в нем вместо ударника шомпол, Шилин открыл огонь по противнику и в короткое время выпустил более пятидесяти снарядов.

Известие о том, что Шилин вновь отличился, дошло до командира дивизии генерал-майора Монахова. Тот вызвал его к телефону и спросил:

— Это ты поддерживал пехоту из вражеской пушки?

— Я, товарищ генерал!

— От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР награждаю орденом Красного Знамени.

— Служу Советскому Союзу! — ответил лейтенант.

— Служи, сынок. Так будешь служить — еще одну Звезду Героя получишь.

— Извините, товарищ генерал, — переспросил комдива Шилин. — О звезде я не понял.

— Да ты что, с Луны свалился? — вдруг пробасил Монахов. — Ты что, не знаешь, что два дня назад стал Героем Советского Союза?

— Никак нет! Впервые слышу.

— Тогда поздравляю. Старшину Иргашева наградили орденом Славы III степени, поощрили и остальных бойцов вашего подразделения.

Подразделение у Шилина небольшое, но со всего Советского Союза: Борис Иргашев — узбек, Камил Салиев — таджик, Алексей Тарасенко — украинец, Иван Березин и Иван Шарипов — русские, Абдулла Гусиханов — лезгин...

...Пехота перешагнула Прут. Шилин опять в расположении стрелковой роты: она окопалась на окраине кукурузного поля. А метрах в трехстах сзади, в лесопосадке, — НП командира 4-й батареи лейтенанта Станюха. Там и НП дивизиона. Станюх пригласил Шилина:

— Хоть раз пообедаем вместе. Все бои да бои. С тех пор как пришел ко мне, Героем стал, два ордена получил, а говорили с тобой...

— Тоже два раза, — подсказал Шилин.

— Точно, два раза. Ну и житуха у нас...

Только офицеры взялись за ложки, как на передовой послышались гул танковых моторов и лязг гусениц. Шилин вскочил:

— Дообедаем как-нибудь. Побегу. Идут на мою подшефную.

Со своего НП он подал нужные команды на батарею. Вскоре снаряды начали разрываться среди вражеских танков. Вышли из строя один, второй, третий танки. Два ушли на исходную позицию. Рота, поддерживаемая Шилиным, устремилась вперед и захватила большое село Вишневое. Одним из первых в него вбежал Шилин. Он никогда не брал трофеев и подчиненным не разрешал делать этого. Но сейчас по просьбе командира дивизиона он искал здесь тягач. Около одной из хат нашел. Тягач был загружен тюками нового шелкового белья.

— Ребята, сюда! — крикнул бойцам. — Переодеть белье!

— Не буду вражью шкуру на себя напяливать! — заявил рядовой Игорь Лопатин.

— Чудак вы, Лопатин. Не надоело вшей кормить? Это бельишко шелковое, а то «животное» на шелку не держится. Живо заменить белье!

Тягач «впрягли» в гаубицу, и он до конца войны служил артиллеристам.

Гвардии лейтенант Шилин вместе со стрелками вошел в Кишинев. В его окрестностях дивизия пробыла с мая по август 1944 года, обороняя плацдарм на Днестре. В это время в армии состоялось совещание передовых воинов. Солдаты, сержанты и офицеры делились опытом борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Выступил и Шилин. Командующий армией генерал-лейтенант Берзарин Николай Эрастович вручил ему орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза и пригласил на обед. За столом долго и дотошно расспрашивал о том, как артиллеристы взаимодействуют с пехотой. Командарма интересовало и то, о чем говорят и думают бойцы.

— И думают, и говорят, и спорят, товарищ командарм, о войне, — ответил Шилин. — О чем же еще?

— Правильно! Сейчас все и должны думать о самом главном — как поскорее добить гитлеровцев.

Второй раз Шилину пришлось встретиться с Берзариным уже на Магнушевском плацдарме в 1944 году. Случилось это так. 60-ю гвардейскую перебросили на плацдарм в полосу 1-го Белорусского фронта. Шилин опять вместе с пехотой, но теперь уже в должности начальника разведки дивизиона. С места, где расположились артиллерийские наблюдатели, противника не было видно. Поискал другое место. Нашел два дерева, растущие рядом, решил оборудовать на них НП. Сидеть там без прикрытия нельзя — даже шальная пуля собьет. А с земли ничего не видно. Шилин попросил принести с огневой позиции железный трос и все недавно захваченные у противника палатки. Из них разведчики сшили мешки, насыпали в них песку и в следующую ночь подняли на деревья. Там их укрепили на досках. Таким образом получился НП, которому были не страшны ни пули, ни осколки снарядов и мин.

В течение пятнадцати дней, пока разведчики находились на плацдарме, они выявили большое количество огневых точек в обороне противника. А вскоре после оборудования пункта неподалеку появился генерал Берзарин. Переодетый в солдатское обмундирование, он проводил рекогносцировку. Заметил командующий и НП Шилина.

— Это что за люлька? — с улыбкой поинтересовался командарм,

— Не люлька, а наблюдательный пункт первого дивизиона 132-го гвардейского артиллерийского полка, — отчеканил Шилин.

— А, Герой! Здорово, дружище.

— Здравия желаю, товарищ командующий.

— Покажи-ка, что тут у тебя?

Берзарин поднялся на пункт, уселся на чехол от стереотрубы и долго наблюдал за противником. Потом потрогал мешки с песком, пощелкал пальцем по обитому железом потолку и спросил:

— Надежно?

— Все пули принимают мешки с песком. А мы наблюдаем за теми, кто по нас стреляет.

— Здорово придумал, молодец!

Командарм подозвал всех, кто был с ним на рекогносцировке, и сказал:

— Полюбуйтесь пунктом и прикажите, чтобы все ваши подчиненные думали, как этот артиллерист, и о выполнении задачи, и о жизни людей. Это наш долг.

Во время артиллерийской подготовки почти все огневые точки противника были подавлены, и 60-я гвардейская стрелковая уже в первый день боя сделала большой рывок вперед. Пехотинцы уверенно шли за огневым валом.

У второй полосы обороны нашу пехоту контратаковали до восьмисот гитлеровцев. Шилин тут же нанес цель на карту, а координаты ее передал в штаб. Минут через 5—6 дивизионный залп накрыл пехоту. Батареи стреляли до тех пор, пока работала связь. Едва они замолчали — фашисты двинулись в атаку. Завязалась рукопашная. Вместе с нашими пехотинцами с врагом сражались артиллеристы. Наши оказались сильнее. Враги стали отступать. Преследуя их, Шилин вырвался вперед, разведчики отстали. Он первым добежал до траншеи. Выскочивший из нее солдат обернулся и выпустил по Шилину автоматную очередь. Раненый в грудь, старший лейтенант успел прицелиться и в упор сразил фашиста. В этот момент открыл стрельбу пулемет противника, находившийся в дзоте. Пехота залегла. Шилин снял с пояса три гранаты «Ф-1», уложил их в носовой платок, выдернул у одной чеку, поднялся, открыл ногой дверь и бросил в нее связку. Раздался сильный взрыв. Только в этот момент к офицеру подбежали его подчиненные. Тут же был и телефонист с аппаратом.

— Связь есть! — доложил он.

Солдаты открыто стояли у дзота, гитлеровцы перебежками приближались к ним.

— Все в дзот! — крикнул Шилин. Затем передал в штаб координаты и скомандовал:

— Огонь! Быстрее огонь! Мы окружены.

И опять, как и в прошлый раз, несколько десятков пушечных и гаубичных снарядов разорвались рядом с дзотом. А вскоре советская пехота подошла на выручку. Шилина отправили в медсанбат.

25 марта старший лейтенант Шилин вышел из госпиталя, в ближайшем киоске купил «Правду». И на первой же странице увидел Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось о том, что Герой Советского Союза старший лейтенант Шилин А. П. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, дающее право на получение звания Героя Советского Союза, награжден второй медалью «Золотая Звезда».

...Окончилась Великая Отечественная война. Офицер Шилин командовал дивизионом, полком, окончил академию, работал во многих должностях и в различных местах, был заместителем председателя Центрального комитета Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту. Вместе с трижды Героем Советского Союза маршалом авиации Покрышкиным Александром Ивановичем он выполнял трудную, но ответственную задачу подготовки советской молодежи к защите Родины.

ВОЖАК КОММУНИСТОВ

Герой Советского Союза
полковник
М. Л. СЛОБОДЯН

Новый командир принял полк во время небольшого перерыва между боями и в тот же день решил проверить строевую подготовку офицеров, их умение действовать с личным оружием. Дежурный по части объявил построение. Капитан Слободян в этот момент находился в одном из эскадронов. Узнав о построении, он быстро почистил сапоги, протер до блеска шпоры, потуже подтянул ремень, поправил гимнастерку. Взяв карабин, направился на поляну, где уже начались занятия. Капитан строевым шагом подошел к командиру полка, остановился, снял с плеча карабин, поставил его к правой ноге и доложил.

— Вы видите? — обратился командир полка к офицерам. — Вы видите, каков внешний вид капитана? Пример для всего личного состава. Спасибо, капитан. Рад, что у меня такой подчиненный...

Подполковник Савва Петрович Журба знал Слободяна как боевого, смелого офицера. Но он был известен в полку не только этим. Высокодисциплинированный, аккуратный офицер, умеющий и рубить, и стрелять, и корректировать огонь, и красиво выполнять строевые приемы, он пользовался у личного состава полка большим авторитетом. Не случайно именно его назначили парторгом полка. Начав командовать полком, подполковник Журба в свободное от боев время учил офицеров общевойсковой тактике, стрельбе из личного оружия, требовал от каждого твердого знания боевых возможностей войск противника. Слободян горячо поддерживал командира, понимая, что без хорошей подготовки личного состава, особенно командиров, нельзя одолеть врага.

Журба и Слободян в бои с противником вступили в конце ноября 1941 года. Они хорошо знали друг друга. Майор Журба под Москвой уже был заместителем ко-

мандира кавалерийского полка, а сержант Слободян командовал пулеметным отделением.

Сержант отчетливо помнит первую встречу с врагом. Она состоялась неожиданно, на марше, когда полк рано утром двигался к фронту. Послышался нарастающий гул в небе. Все — и красноармейцы, и командиры подняли головы. Как гусиный клин приближался к кавалеристам ревущий косяк самолетов, постепенно выстраиваясь в круг. Затем «юнкерсы» один за другим начали пикировать на колонну. Воздух разорвался от воя сирен, грохота бомб.

— По головному, залпом, огонь! — крикнул сержант Слободян. Трасса его пулемета потянулась к пикировщику. Вслед за комсоргом начали стрелять все бойцы эскадрона. Самолеты поднялись повыше, но не улетали, вновь и вновь пикировали на рассредоточившихся кавалеристов, посылая вниз скрученные толстые огненно-серые смертоносные трассы. Пули впивались в мерзлый грунт, приковывали к земле людей и коней, прошивали тачанки и двуколки...

Двое суток продолжался марш к указанному полку рубежу обороны.

— Слободян, — сказал командир эскадрона. — Собери людей. Надо поставить задачу комсомольцам. Бойцы валятся с ног, а работы у нас непочатый край.

— Есть! — ответил Слободян и достал из кармана список. — Прошу вас об этих товарищах сказать теплое слово. Они хорошо держались во время бомбежки — не испугались, стреляли по пикировщикам...

— Добро, — согласился командир. — Обязательно скажу о них.

После командира перед комсомольцами выступил Слободян. Он предложил из всех видов оружия стрелять залпом по самолетам, по танкам с десантом, по пехоте. С ним все согласились.

Полк занял оборону. Красноармейцы приступили к оборудованию окопов и траншей. Мерзлая земля звенела от ударов ломов и киркомотыг. Кавалеристы знали, что глубокий окоп, траншея — надежное убежище от снарядов, мин и бомб, и трудились на совесть.

В этот момент появились вражеские танки. Еще издали они открыли огонь из пушек и пулеметов. За ними двигалась густая цепь фашистов.

Подчиненные Слободяна припали к «максимам», приготовились к стрельбе.

— Огонь! — скомандовал Слободян, когда гитлеровцы приблизились. Немецкая пехота сперва залегла, потом отступила. Несколько подбитых нашими артиллеристами танков задымило, остальные отошли на исходные позиции.

Воспользовавшись этим, кавалеристы перешли в конную атаку. Лошади шли рысью. Немецкие солдаты, оглядываясь, бежали к перелеску. Головной эскадрон вдруг остановился. Сабельники, намотав на руки поводья, дали несколько залпов из карабинов. Затем опять поскакали вперед. Гитлеровцы успели добежать до оврага и оттуда открыли недружный огонь. Эскадрон спешился, а два других в это время зашли с флангов и с шашками наголо атаковали врага. Их умело поддержало пулеметное отделение Слободяна.

— Спасибо, сержант, — сказал Слободяну командир полка майор Калинович. — Ты хорошо дрался. «Максимом» овладел как положено командиру. Но таких умельцев, как ты, в полку шестнадцать, а минометчиков — ни одного. Принимай расчет...

Слободян познакомился с новыми подчиненными и сказал:

— На учебу у нас времени нет. Занимаем огневую позицию. Роем окоп. Устанавливаем наш самовар-самопал. Школу минометчиков пройдем в бою.

Через час после получения материальной части красноармейцы начали осваивать ее в соответствии с инструкцией. Но когда сунули мину в ствол, она до конца не опустилась.

Недолго думая, Слободян приказал перевернуть миномет, взял мину и положил ее в ящик.

— Надо удалить смазку из ствола, — распорядился он.

Но смазка замерзла. Пришлось отнести ствол в лощинку и отогреть его на костре. Потом с помощью намотанной на банник пакли ствол прочистили и он был готов к стрельбе. В тот день расчет выпустил по врагу восемнадцать мин...

Несколько месяцев Митрофан Слободян командовал минометным расчетом и взводом. Как-то увидел его командир полка и спросил:

— Ну как, вояка, освоил минометное дело?

— Освоил. Сейчас даже смешно, что боялся переучиваться. Простое, но грозное оружие. Из пулемета я стрелял по гитлеровцам чуть ли не в упор. И они от-

вечали из всех видов оружия. А с минометом проще: поставил в воронку — и пошло. Попробуй, засеки! Мы всегда выбираем запасные позиции. За три месяца боев ни одного человека не потеряли. А немцев много угробили.

Командир полка внимательно выслушал его, а потом сообщил: — Вас берут на политработу.

— Что ж, командованию и политотделу виднее, — согласился Слободян. — Я — коммунист.

В феврале 1942 года Митрофану Лукьяновичу Слободяну присвоили звание младшего политрука и назначили в пулеметный эскадрон.

В эскадроне четыре взвода — восемьдесят пять человек и шестнадцать пулеметов, минометы, пушки... Познакомился с командирами взводов лейтенантами Михаилом Чудиным и Сергеем Юдиным, сержантами Александром Цапиевым и Андреем Белоусовым, провел совещание партийного и комсомольского актива.

Эскадроном командовал капитан Олег Осленко. Бывший юрист из Днепропетровска увидел в Слободяне хорошего военного специалиста, но неопытного политрука.

— Смелее беритесь за дело, — сказал при первом знакомстве. — Не боги горшки обжигают. Я уверен, что станете настоящим политработником. Теперь это вам по штату положено.

Пока полк находился во втором эшелоне, в эскадроне шла боевая и политическая подготовка. Капитан Осленко учил командиров и красноармейцев стрелять по мишеням, метать в танки гранаты и бутылки с горючей смесью. Слободян проводил политзанятия. На одно из них пришел комиссар полка майор Алексеев. Послушал Слободяна и в перерыве сказал:

— Вижу: хорошо взялись за дело. Тему раскрыли правильно, рассказ вели интересно. Больше увязывайте материал с жизнью эскадрона. Добивайтесь, чтобы и в других группах занятия шли на таком же уровне.

Командира и политрука эскадрона вызвали в штаб корпуса. Оказывается, приехал Михаил Иванович Калинин. Он рассказал о жизни страны, раскрыл задачи, которые стоят перед советскими воинами в боях с фашистскими захватчиками. Ему долго и горячо аплодировали. Слободян на всю жизнь запомнил его.

Вскоре дивизия прорвала передний край обороны гитлеровцев и начала рейд в их глубоком тылу. Эскадроном

командовал старший лейтенант Мастеров, заменивший назначенного в штаб Осленко.

В одном из боев Мастеров погиб, и во главе эскадрона стал Слободян. Шесть недель он выполнял обязанности командира и политрука.

Во время очередного перехода командир полка подполковник Калинович приказал лейтенанту Слободяну догнать ушедший вперед эскадрон и передать ему распоряжение об изменении маршрута. Лейтенант взял с собой четырех бойцов и поскакал.

Часа через три лейтенант нашел эскадрон, передал ему приказ и по своему же следу поехал обратно. Наступила ночь. При свете луны продолжали движение. Потом остановились на опушке леса, покормили коней, отдохнули.

Ранним утром продолжили движение. В предрассветном сумраке лейтенант увидел двигавшуюся по полю колонну вражеской пехоты. Гитлеровцы шли прямо через поле, беспечно, с оружием за спиной. До них было не более ста пятидесяти метров.

— Шашки к бою! — скомандовал Слободян. — Галопом, за мной!

Выхватив из ножен саблю, он поскакал в голову колонны. Остальные последовали за ним.

Увидев стремительно приближающихся кавалеристов, гитлеровцы растерялись. Одни из них стали поспешно снимать оружие, другие побежали. Слободян рубанул саблей офицера, но тот уклонился и схватился за кобуру. На какое-то мгновение опередил его лейтенант. Выстрелами из пистолета он срезал еще семерых. В течение трех минут бой был завершен. Двадцать шесть вражеских пехотинцев было убито, сорок, бросив оружие, сдались. Их привели к Калиновичу.

— Откуда ты их приволок? — удивился командир полка.

— Из лесу, вестимо, — шутливо ответил лейтенант, и спросил: — Разрешите вернуться на место боя и собрать оружие?

— Бери мою лошадь с санями и мигом. Сдай вражеское оружие, а сам возвращайся в эскадрон...

Полк шел на запад. Эскадрон Слободяна двигался рядом со штабом. Пулеметы закреплены на санях, готовые к бою. Вдруг из открывшейся впереди деревни раздались частые выстрелы,

— Слободян! — крикнул Калинович. — Прикрой с фронта. Мы обойдем деревню лесом.

Пулеметчики короткими очередями начали обстреливать деревню, а полк рысью пошел на фланг. Немцы заметили маневр конников и попытались задержать их.

— Из четырех пулеметов, огонь! — скомандовал Слободян. Пулеметы ударили по врагу. Конники ворвались в деревню. Куда-то исчез Калинович. Слободян с коноводом Ковалевым поехали искать его. В деревне слышались автоматные очереди. Слободян, пришпорив коня, помчался туда. Коновода ранило и его пришлось отправить в санитарную роту.

Один из бойцов предупредил Слободяна:

— Будьте осторожны: в деревне много немцев.

Проскакав еще немного, политрук понял, что командир полка находится в другом месте и двинулся вдоль оврага. С другой стороны его, из березняка, раздалась автоматная очередь. Слободян ответил. Гитлеровец умолк. Лейтенант пришпорил коня, перескочил через небольшой мостик. Новая автоматная очередь из оврага убила лошадь и ранила его в левую руку. При падении Слободян на минуту потерял сознание. А когда очнулся, то увидел идущих к нему трех гитлеровцев. Незаметно вытащил пистолет, поставил его на боевой взвод и притворился мертвым. По немцам ударила советская сорокапятка: артиллеристы видели, как упал Слободян. Вражеские солдаты бросились на снег и поползли. Когда они были метрах в десяти, лейтенант выстрелил. Это было так неожиданно, что два уцелевших вскочили с земли и бросились наутек. Слободян сразил и их, потом спустился в овраг и пошел к своим. Здесь встретил двух кавалеристов.

— Командир полка приказал нам вытащить вас из нейтральной зоны, — сказал один из них. — А вы дали им прикурить...

В медпункте перевязали руку. Слободян вернулся в эскадрон. Через неделю рука опухла, и без посторонней помощи Слободян не мог влезть на лошадь.

— Оставайтесь в медсанбате, — предложил командир полка. Слободян остался. Вместе с ним были и раненые пулеметчики эскадрона. Утром следующего дня Митрофан вышел из шалаша. К нему подошел старший лейтенант Хорошков.

— Не могу здесь оставаться, — с тоской сказал он. — Все ушли вперед, а я тут околачиваюсь.

Слободян испытующе посмотрел па него.

— Давайте догоним дивизию, — промолвил он решительно.

С ними ушли и легко раненные пулеметчики. Двигались ночью. Звезды ярко светились в морозном воздухе. Через некоторое время остановились. Где-то слышались удары топора.

— Никак, партизаны, — предположил кто-то.

И в этот момент властный голос скомандовал:

— Стой! Кто вы?

— Мы из медсанбата, кавалеристы.

Вскоре они оказались среди партизан. Их накормили и положили спать. Перед утром Слободяна разбудил Калинович.

— Ты что? — спросил он строго. — Из медсанбата убежал?

— Так точно, товарищ подполковник. И их увел, — показал лейтенант на спящих бойцов. — Долечимся в бою...

— В рубашке родился, Слободян, — со вздохом сказал Калинович. — Гитлеровцы напали на медсанбат и перебили всех раненых и медиков.

...В 1943 году, когда дивизия совершала рейд на Десну, Слободян стал старшим лейтенантом. Едва кавалеристы захватили небольшой плацдарм на Десне, эскадрон старшего лейтенанта Павла Башкатова ворвался на станцию Рековичи. Но тут на помощь вражескому гарнизону из соседнего села вышла рота немецких солдат. Они начали теснить наших конников. И тут заговорили пулеметы Слободяна. Гитлеровцы были рассеяны, Рековичи остались в наших руках. Командир дивизии генерал-майор Курсаков поблагодарил пулеметчиков.

В Полесье Слободян следовал вместе с эскадроном старшего лейтенанта Башкатова — храброго, инициативного офицера. И когда Башкатов погиб, командир пулеметчиков принял командование эскадроном.

Начальник политотдела дивизии полковник Алексеевский при встрече спросил у него:

— Ты кто сейчас?

— А я и сам твердо не знаю. Во всяком случае, я и начальник пулеметов и командир эскадрона.

— Должность твоя в полку упразднена. Командир дивизии решил назначить тебя начальником артиллерии полка.

— Слабо знаю артиллерию, — возразил Слободян. — И у меня всего семь классов. Не потяну...

— Вы коммунист! Более опытного специалиста, чем вы, в полку сейчас нет. Найдем подходящего человека, порекомендуем вас на другую должность.

Два месяца старший лейтенант Слободян был начартом полка. Когда прибыл на должность командира батареи капитан, окончивший артиллерийское училище и имевший опыт войны, Митрофан сказал ему:

— Буду рекомендовать вас начартом.

— А вы куда?

— Мне должность найдется.

Слободяна избрали парторгом полка.

Дивизия получила новую задачу. Полки шли форсированным маршем. На коротких привалах проводились политические информации, беседы, выпускались боевые листки. За время марша партийное бюро полка рассмотрело сорок шесть заявлений бойцов и командиров, содержащих просьбу о приеме в партию.

Это было уже на территории Германии.

Пятьдесят девятый гвардейский кавалерийский полк, в котором служил Слободян, занял позицию у населенного пункта Альт Прибкув. Подполковник Журба вызвал в штаб капитана Слободяна, куда-то позвонил и сообщил, что парторг прибыл.

— Слободян у телефона, — сказал парторг.

— Во-первых, Митрофан Лукьянович, поздравляю со званием капитана, — донесся голос командира дивизии Курсакова. — Во-вторых, до каких пор вы будете топтаться у этого Альт Прибкува?

— Не могу доложить.

— Плохо, парторг. Ты должен знать все, — упрекнул Курсаков, а затем добавил: — Сейчас пришлю танк. Садись в него и направляйся на передний край. Выясни, в чем задержка. К утру населенный пункт должен быть взят. Он мешает действиям дивизии. Понял, Слободян?

— Так точно.

— Действуй.

Передав трубку телефонисту, капитан обратился к подполковнику:

— Мне непонятно, Савва Петрович, почему при живом командире задачу получает парторг?

— Я сам попросил об этом комдива. Помогу вам во всем... Сейчас тот случай, когда успех боя решается последним резервом. Вы и есть этот резерв.

К штабу полка подошел танк, и вскоре Слободян вместе с начальником разведки старшим лейтенантом Иваном Петровичем Брытиковым был на передовой в эскадроне старшего лейтенанта Николая Умарина. Пока шел разговор с ним, на командный пункт прибыли командиры других эскадронов старшие лейтенанты Бублик и Золотухин.

Слободян внимательно выслушал офицеров, поставил им задачу на бой и попросил собрать коммунистов. Офицеры ушли готовиться к бою, а Слободян пригласил командиров противотанковой и минометной батарей, чтобы и им дать указания об огневой поддержке кавалеристов. Коммунисту сержанту Павлу Дрожапину он поставил конкретную задачу уничтожения пулемета у бугра и фаустника у отдельного дерева.

Затем парторг побеседовал с коммунистами эскадронов и батарей, отобрал нужное число добровольцев для танкового десанта. На все девять боевых машин были поставлены пулеметы и противотанковые ружья. Слободян залез в свой танк.

Наводчик пулемета выпустил по сараю, стоявшему за немецкими окопами, очередь зажигательными пулями и поджег его. Потом подал сигнал красной ракетой. Поставленные на прямую наводку орудия, полковые минометы открыли огонь. Танки рванулись с места, ведя огонь из пушек и пулеметов. Автоматчики, пулеметчики, петеэровцы, сидевшие на броне, тоже начали стрелять по первой траншее противника. За танками пошли в атаку спешенные кавалеристы.

Танк Слободяна достиг траншеи, быстро преодолел ее и вихрем ворвался в Альт Прибкув. Здесь танкистов встретила толпа советских женщин, находившихся в фашистской неволе. Они сообщили офицеру, где находится штаб, стоят пушки, минометы и танки противника.

Танк парторга устремился к орудиям, а кавалеристы забросали гранатами штаб. Через сорок минут Альт Прибкув был взят. Слободян доложил подполковнику Журбе о выполнении приказа.

— Сообщи об этом командиру дивизии сам, — сказал командир полка.

— Молодец, Слободян, — похвалил генерал. — Сколько потерял людей?

— Ни одного человека.

— Здорово! Спасибо командирское и коммунистическое. А знаешь, почему это дело было доверено вам?

Слободян пожал плечами.

— Потому, — продолжал генерал, — что вы стали универсальным. Любое дело вам по плечу. Да и помогали вам все с огоньком. Вы ведь возглавляете коммунистов, их признанный вожак...

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 15 мая 1946 года Митрофан Лукьянович Слободян за этот бой был удостоен звания Героя Советского Союза.

АВТОГРАФ ПОБЕДИТЕЛЯ

Герой Советского Союза
генерал-майор
В. С. ЗИКЕЕВ

— Товарищ генерал, сколько лет вы прослужили в армии? — спросил один из молодых лейтенантов начальника высшего артиллерийско-технического училища генерал-майора В. С. Зикеева.

Виктор Сергеевич внимательно посмотрел на высокого подтянутого юношу, на его товарищей, стоявших рядом с ним, и ответил:

— Ни много ни мало — сорок.

— Со-рок, — протянул офицер.

— Сорок лет служу в артиллерии. Полюбил ее, сжился с ней...

Генерал молча обвел взглядом слушателей и по их внимательным и серьезным лицам понял, что они через всю жизнь пронесут воспоминание о разговоре, который у них сейчас состоится. Надо лишь найти слова доходчивые, простые, весомые...

— Признаюсь, друзья, — продолжал генерал. — Я благодарен судьбе за свое трудное, но и радостное счастье. Хотя, вообще-то говоря, лет сорок тому назад я мечтал об авиации...

— А в чем же дело, товарищ генерал? Почему вы не авиатор, а артиллерист?

— Не прошел врачебную комиссию. Ходил сам не свой. Не знаю, кем бы я стал, если бы не отец. Он понял мое состояние, положил руку мне на плечо, заглянул в глаза и просто сказал: «Не беда, сынок, что не суждено тебе стать крылатым. Важно быть всю жизнь окрыленным».

Я запомнил эти прекрасные отцовские слова... Поступил в 1-е Ленинградское артиллерийское училище. За месяц до войны заветные кубари украсили петлицы моей новенькой гимнастерки. С тех пор, как говорят, нахожусь в строю...

Генерал-майор Зикеев Виктор Сергеевич — Герой Со-

ветского Союза, кавалер многих боевых орденов. Ему есть о чем рассказать, и его с удовольствием слушает молодежь. Вот и теперь попросили его вспомнить о военном прошлом. И он с удовольствием делает это:

— В первом же бою погиб командир нашей батареи. Я принял командование. Поначалу было страшновато. Не столько за себя, сколько за людей, за жизнь подчиненных. Их было около ста человек.

Мы тогда с боями отходили к Ораниенбауму. Однажды вражеские танки ворвались на наши позиции. Мы пустили в ход бутылки с горючей смесью, связки ручных гранат.

Швырнул я одну, вторую, третью... В последний миг вижу: мчится на меня бронированная громадина. Успел скрыться в траншее. Танк прогромыхал над головой, засыпал меня до пояса. Я разозлился, выскочил из траншеи да за ним. Тут же сообразил, что не то делаю. Хотел бросить гранату, а тут по ноге как стеганет. Я и упал. Гранату успел отбросить, иначе подорвался бы...

Досадно было оставлять батарею. Ничего я ведь еще не сделал. Хорошо, что ненадолго расстался с товарищами. Да и можно ли было залеживаться в госпиталях в то горячее время?

Рана еще не зажила, а я снова был на переднем крае. Вернулся в свой полк. Вместе со 191-й стрелковой дивизией стойко оборонял Ораниенбаум и Петергоф. Еще мальчишкой любовался я здесь достопримечательностями, памятниками русской культуры... И было горестно сознавать, что все это теперь разрушают фашистские варвары.

На душе стало полегче, когда в ночь на 9 декабря 1941 года советские войска штурмом овладели Тихвином и погнали фашистов к Волхову.

В те дни в моей жизни произошло весьма важное событие. Помнится, в землянку вошел комиссар дивизии Алексеев. Я доложил ему, как положено... В свое время он служил в Ленинградском училище комиссаром нашего 1-го дивизиона и хорошо знал меня как спортсмена и музыканта. Алексеев поздоровался с каждым из нас за руку и обратился ко мне:

— Ты, Виктор, один остался из семнадцати выпускников училища, прибывших летом прошлого года в дивизию. Кто убит, а кто ранен... Все дрались храбро. Ты тоже воюешь, как и полагается коммунисту. Построй-ка людей...

Перед строем батареи комиссар вручил мне партийный билет. Это произошло 23 февраля 1942 года.

Высокое звание коммуниста я старался оправдать боевыми делами. Хочется рассказать один из эпизодов того времени.

...Наша батарея заняла огневые позиции в районе Синявино. Сейчас здесь город, а в ту пору был небольшой поселок. Тут мы стояли долго, упорно сражаясь с врагом.

Нет ни одного ленинградца, который не слышал бы этого названия. С Синявино были связаны планы прорыва блокады. Здесь сосредоточились главные усилия войск, пытавшихся помочь осажденному городу со стороны Большой земли. К Синявино со своего крошечного пятачка, насквозь пропитанного кровью, рвались герои Невской Дубровки. Ленинградский поэт сказал потом:

> ...На этом месте мы посадим розы —
> Красней не будет в мире ни одной...

В непролазных торфяных болотах и на высотах, в тяжелейших условиях вели ожесточенные бои наши войска. Мы отбивали яростные атаки врага и сами не раз ходили в контратаки.

Здесь я был опять ранен — последним из семнадцати, попавших в 191-ю стрелковую. Осколок попал в левую руку. Он надолго приковал меня к госпитальной койке, но духом я не пал. Послушно соглашался на всяческие операции, придумывал физические упражнения для непослушных мышц руки. Тренировался настойчиво и целеустремленно.

В конце декабря сорок третьего года вызвали на комиссию. Ее председатель сказал:

— Капитан Зикеев, признаем тебя годным к строевой службе. Можешь ехать на фронт бить фашистов...

Шел третий год войны. К этому времени уже много славных побед было одержано Красной Армией. В начале 1943 года была прорвана блокада Ленинграда и разгромлены немецко-фашистские армии под Сталинградом. Летом выиграна решающая битва на Курском выступе. В конце года Красная Армия нанесла несколько ударов на юге, а в начале 1944 года — снова под Ленинградом.

«Северный вал», который гитлеровцы готовили более двух лет, рухнул под сокрушительными ударами войск 42-й и 2-й ударной армий. Противник был отброшен от Ленинграда почти на 300 километров.

Не скрою, что и сейчас, когда я слышу или читаю о событиях под Ленинградом, мои нервы порой сдают. И не только от того, что там воевал... Дело в том, что в тех местах — моя родина. В Ленинградской области есть город Тосно, в котором я родился. Можете представить себе, что я переживал, когда по радио слышал сообщения:

«...После падения Мги, Пушкина, Павловска немцы стали лихорадочно подбрасывать подкрепления в район Тосно. Там завязались ожесточенные бои. Подступы к Тосно обведены несколькими рядами проволочных заграждений, укреплены огневыми точками...»

«...Опоясано Тосно противотанковым рвом. Через каждые 50—60 метров располагаются немецкие пулеметные гнезда...»

Это там, где жили мои мать, сестры, где трудился отец — вначале железнодорожник, а затем председатель Тосненского поселкового Совета.

«...Когда начала трещать оборона, немцы ввели в бой штрафные подразделения. За два дня до этого враги стали жечь Тосно и взрывать толовыми шашками железнодорожное полотно...»

В середине марта наконец-то получаю назначение в действующую армию на должность адъютанта старшего дивизиона в 504-й легкий артиллерийский полк. Спрашиваю офицера-кадровика о месте нахождения штаба полка. Тот ткнул карандашом в карту:

— Здесь. Тут же и штаб первого дивизиона, куда вы назначаетесь.

Редко, но случается в жизни такое. Летом сорок первого года наша 191-я стрелковая дивизия вела тяжелые бои, отходя к Нарве, именно в этом районе. На месте, где сейчас разместился штаб полка, куда предписано мне прибыть, располагалась огневая позиция нашей батареи, стоявшей на прямой наводке, был и мой наблюдательный пункт. Там мы стояли насмерть.

Торопливо выпрыгиваю из автомашины. С волнением осматриваю свой наблюдательный пункт, оборудованный 3 года назад. Он, на удивление, неплохо сохранился — время пока что пощадило его.

Захожу в добротно оборудованную землянку. В глубине ее — занятый своими делами капитан, правее его — старший лейтенант. Представляюсь. Капитан встал, пожал мне руку, назвался Красковским, предложил сесть. Одет по-фронтовому: в защитной фуфайке, с пистолетом

на правом боку. Коренастый, низкого роста, с улыбкой на волевом лице.

— Ваш предшественник погиб месяц тому назад, — сказал он. — Мы давно ждем начальника штаба. Дивизион занимает боевой порядок в противотанковом районе.

Затем добавил:

— Учти, наш дивизион — первый и по номеру, и по заслугам, — так он сразу же перешел на «ты».

Зная, что я почти полтора года не был на фронте, Красковский подробно рассказал о командирах батарей, офицерах управления дивизиона, посвятил меня во все задачи, которые решает и, вероятно, будет решать дивизион, коротко ознакомил с техникой и вооружением. Затем вызвал командира хозотделения сержанта Зубова и приказал:

— Накорми начштаба, прибывшего из резерва, фронтовым пайком...

В другой раз Виктор Сергеевич Зикеев рассказал курсантам о боях на нарвском пятачке — плацдарме, где он сражался.

— К тому времени войска Ленинградского фронта после успешного зимнего наступления форсировали реку Нарву южнее города и захватили клочок берега, который вошел в историю под названием «нарвский плацдарм». Со второй половины февраля до июля месяца на этом плацдарме шли ожесточенные бои. Стороны несли большие потери.

В начале мая во время организации взаимодействия со стрелковыми подразделениями был тяжело ранен капитан Красковский. Я временно вступил в должность командира дивизиона.

В середине июня в штабную землянку вошел майор со Звездой Героя Советского Союза на груди и с ним женщина, лейтенант медицинской службы. Я встал из-за стола, за которым работал над картой, и представился:

— Исполняющий обязанности командира первого дивизиона капитан Зикеев.

— Здравствуй, Зикеев! Я — Кипоть Иван Сергеевич. Назначен командиром дивизиона. И вам здравствовать желаю, — майор повернулся к моим товарищам по штабу. В его речи слышался украинский акцент. — А это моя броневая защита, — добавил с улыбкой. — Бронислава Павловна, жена...

Ранним утром 25 июня тысяча стволов обрушила снаряды и мины на голову противника. Восемьдесят минут

длилась артподготовка. Авиация нанесла массированный удар. Под звуки Гимна Советского Союза дивизии прорыва, 131-я и наша 191-я Краснознаменная, начали форсировать Нарву севернее города.

504-й легкий артполк поддерживал группу прорыва. Примерно минут через сорок мы уже были на западном берегу. Повернули на юг и пошли на штурм Нарвы.

Почти сутки длилась яростная схватка с противником. Я все время находился на наблюдательном пункте вместе с командиром дивизиона. По очереди вели наблюдение. В разгар боя в полутора-двух километрах от НП заметил скопление вражеской пехоты. Доложил об этом майору.

Он вскинул к глазам бинокль, приказал:

— Подготовьте сосредоточение огня дивизиона по центру группы. Прошу швыдче!

Сопряженное наблюдение быстро сообщило координаты центра цели, и я доложил:

— Готово!

С минуту, а то и более Кипоть не отрывался от бинокля, попыхивая папиросой. Я решил поторопить его:

— Исходные данные подготовлены, товарищ майор! — говорю.

Он встрепенулся, отбросил окурок и скомандовал:

— Огонь!

Десятки снарядов обрушились на врага.

— Молодцы артиллеристы! — услышал я голос командира стрелкового батальона, который мы поддерживали.

— Это точно, — согласился Кипоть.

Радость наша, однако, оказалась преждевременной. Через некоторое время на первую батарею ринулись немецкие танки. «Комбатр Шапочкин — тертый калач, — подумалось мне. — Даст им отпор». И точно! Вижу: головная «пантера», как муха с оторванным крылом, закружилась беспомощно на месте. Вскоре и другая боевая машина окуталась дымом...

На войне часто бывали крутые моменты, когда команды по сути не нужны. Первостепенное значение приобретает пример, которому, не раздумывая, последуют подчиненные. Конечно, не простое дело смотреть смерти в глаза. Но что поделаешь... Капитан Шапочкин кинулся к орудию, подбил танк, но сам был тяжело ранен. Я бегом бросился на батарею. Окровавленный комбатр лежал у разбитого орудия. Перевязал его, оттащил в ук-

рытие. И тут опять началось... Шесть раз вступала батарея в бой с гитлеровцами и удержала занимаемую позицию. Лишь потом Шапочкина отправили в медсанбат.

На рассвете советские воины ворвались на западную окраину города.

В 1944 году советские войска нанесли врагу ряд сокрушительных ударов. К началу 1945 года почти вся территория Родины (за исключением части Прибалтики) была освобождена от гитлеровских захватчиков. На юге советские воины уже вывели из войны Румынию и Болгарию, прошли значительную часть Венгрии, начали освобождение Югославии и Чехословакии.

На варшавско-берлинском направлении советское Верховное Главнокомандование создало мощную группировку войск для продолжения наступления на запад.

Наш полк прибыл на сандомирский плацдарм в районе западнее местечка Осек и начал готовиться к боевым действиям. Вскоре мы получили новые, 100-миллиметровые пушки, предназначенные для борьбы с тяжелыми танками «тигр», «пантера», «королевский тигр». Штатная организация полка изменилась: в нем стало пять батарей. Моя должность была упразднена, но я решил пойти командиром батареи. Это было понижение, на которое я не обратил внимания.

Пушки оказались очень хорошими.

— Штучки для тяжелых гробов, — шутили огневики, знакомясь с результатами тренировочных стрельб.

В Висло-Одерской операции, начавшейся в середине января 1945 года, наш 504-й пушечный полк находился в противотанковом резерве 4-й танковой армии, которой отводилась роль тарана.

При форсировании войсками Одера в районе города Кебен полк участвовал в артиллерийской подготовке. Мы вели огонь с закрытых позиций, а когда пехота и танки устремились вперед, двинулись за ними. Во время марша подъехал командующий 4-й танковой армией генерал Лелюшенко.

— Немедленно на тот берег, — приказал он. — И держись любой ценой!

— Прямой наводкой поддерживай 17-ю механизированную бригаду подполковника Чурилова, — узнав о полученной мною задаче, сказал командир полка подполковник Шульженко. — Действуй поосмотрительнее...

Плацдарм, захваченный пехотой на левом берегу Одера, был небольшой. Стрелковые подразделения едва за-

цепились за окраину Кебена. Ночью я выбрал места для огневой позиции и наблюдательного пункта. Утром увидел, что батарея находится невдалеке от населенного пункта Альт-Раудтен. Орудие от орудия стояло с интервалом в двести метров, зрительной связи между расчетами не было. Зная, что впереди пехоты нет, я приказал в промежутках между пушками и на флангах батареи поставить два ручных и два станковых пулемета, подготовить трофейные фаустпатроны, которыми бойцы научились пользоваться.

Пока готовились к бою, парторг батареи старший сержант Титов провел партийное собрание. Коммунисты разошлись по расчетам, чтобы рассказать людям о значении предстоящего боя и их задачах.

Вскоре началось. На маленький плацдарм, простреливаемый насквозь всеми видами оружия, обрушился ливень металла, со всех сторон двинулись тяжелые танки. На батарею шло десять танков и несколько бронетранспортеров.

Я находился у орудия, расчетом которого командовал сержант Михайлов. Посмотрел, что делается впереди, и мне стало не по себе. «Тигры» были грозными машинами с мощной броней, сильным вооружением, а «королевские» — тем более. Такие танки остановить было непросто.

Первым открыло огонь орудие сержанта Жаворонкова. Выстрел оказался удачным. Видимо, подкалиберный снаряд сотки пропорол танку борт, и тот задымил. Первая победа подбодрила огневиков. Выстрелил расчет Михайлова. Его наводчик ефрейтор Ляхов был асом. Однако, хотя в «тигр» попало два снаряда, тот шел вперед как ни в чем не бывало. Но Михайлов не растерялся.

— Наводи в гусеницу! — скомандовал он Ляхову. После этого танк развернулся и подставил менее защищенный борт. Четвертым снарядом наводчик поджег машину.

Несколько танков противника ударили по орудию Михайлова. Болванка попала в станину и отбила сошниковую лапу, другая убила Ляхова. К панораме встал Михайлов. Первым выстрелом из раненого орудия поджег бронетранспортер, вторым — танк.

Я видел, как вражеский снаряд вывел из строя вторую пушку.

— Немцы подошли к четвертому орудию, — доложил мне ординарец Сафонов.

Собрав взвод управления, повёл на помощь огневикам. Атака получилась стремительной. Фашисты отступили, орудие было спасено.

В течение первого дня боя противник шесть раз пытался сбросить нас в Одер, но безуспешно. В седьмую атаку фашисты пошли ночью. Почти бесшумно подкрались к нашим позициям и с криком «ура!» бросились на батарею. Их встретил дружный огонь из пулеметов и автоматов. Атака захлебнулась.

Во время восьмой контратаки гитлеровцы опять хотели захватить четвертое орудие. Но допустить этого ни в коем случае было нельзя: пушка считалась еще засекреченной... Собираю разведчиков, связистов, механиков и, прихватив по пути несколько пехотинцев, бросаюсь к окруженному орудийному расчету Жаворонкова. Драться врукопашную не пришлось: гитлеровцы разбежались. Эта затея обошлась им дорого.

В течение суток батарея сожгла 6 тяжелых танков и 2 штурмовых орудия, 5 бронетранспортеров, несколько минометов и пулеметов. Плацдарм мы удержали. Ночью на него переправились значительные силы 10-го танкового корпуса. Наступление продолжалось.

На следующий день батарея получила другую задачу и ушла с плацдарма. А за тот бой подполковник Чурилов Леонид Дмитриевич, сержант Михайлов Евгений Иванович и я были удостоены звания Героя Советского Союза. Все солдаты, сержанты и офицеры батареи получили высокие правительственные награды...

Начальник училища умолк, что-то обдумывая, а потом опять заговорил, словно подводя итог сказанному:

— Бывают в жизни такие события, которые никогда не тускнеют в памяти. Я к таким событиям отношу бой на плацдарме за Одером. Это был тот желанный для каждого солдата случай, когда оказываешься на острие большой наступательной операции, играющей важную роль в достижении победы. От тебя требуется все мужество, вся выдержка и стойкость, данная природой. Это были последние дни войны...

Шла весна тысяча девятьсот сорок пятого. Теперь и войска союзников находились на территории Германии.

1-му Украинскому фронту до Берлина оставалось 145 км, а 1-му Белорусскому — 60 км.

С каким-то особым, приподнятым настроением готовились к последним боям с врагом. Все понимали, что битва за Берлин потребует от нас величайшего напряже-

ния, мужества и воинского мастерства. В то же время каждый хотел участвовать в штурме фашистской столицы и окончательном уничтожении гитлеризма. Каждый советский солдат видел в этом свой священный патриотический долг.

В те апрельские дни и ночи шла напряженная боевая работа в штабах всех инстанций. На картах малых и больших масштабов одни красные стрелы пересекали «штрассен» и «платце», другие рассекали немецкие группировки войск. Мы на артиллерийских снарядах наспех писали слова: «По Берлину!», «Гитлеру капут!», «Подарок Геббельсу», «Смерть фашизму!».

21 апреля бой кипел уже на южной окраине немецкой столицы. Дом за домом, квартал за кварталом брали наши войска в ожесточенных боях.

22 апреля. Этот день мы помнили по-особому. Он — день рождения великого Ленина, победоносное знамя которого осеняло нас в течение всей Великой Отечественной войны. И именно в этот день я решил выполнить просьбу моего отца, вступившего в партию по ленинскому призыву. Год тому назад, когда я следовал из госпиталя на фронт, он встретил меня на перроне Ленинградского вокзала. Буквально несколько минут постояли рядом. Я спросил о матери и сестрах, все еще находившихся в оккупации, о его здоровье после тяжелого ранения. А отец спросил, работает ли моя рука, вступил ли я в партию? И на прощание сказал: «Пальни там из своих пушек по Берлину! За мать родную и вообще за страдания наши...»

Значит, он твердо верил, что я дойду до Берлина.

И вот 22 апреля во весь голос я скомандовал:

— Пушкари, «боги войны», по Берлину — огонь!

К океану огня, обрушившемуся на врага, прибавился и залп нашей батареи. Грохот десятков тысяч орудий сливался в густой гул. Сквозь дым, пыль и гарь едва пробивалось солнце. Хотя наступил новый день, но было темно, как в сумерки, а ночью — светло, как ранним утром: над городом висело багровое от пожаров небо.

Бои шли ожесточенные. В день отражали 10—15 контратак гитлеровцев, цеплявшихся за каждый квартал, дом, лестницу, этаж и комнату.

Во второй половине 30 апреля меня вызвал командир полка Николай Семенович Шульженко и сказал, что вечером мне вручат орден Ленина и Золотую Звезду Героя. До самой темноты волнение не покидало меня.

Под вечер того же дня приехал генерал-майор Ментюков. К тому часу собрались все офицеры штаба полка. В их присутствии мне была вручена высшая награда Родины. От имени Военного совета армии Николай Федорович Ментюков горячо поздравил меня с высокой наградой. Не помню, что я ответил.

— Теперь, — сказал генерал, — поехали в четвертую батарею, у меня еще одна Золотая Звезда есть — твоему командиру орудия сержанту Евгению Ивановичу Михайлову...

2 мая Берлин пал! Под ударами доблестных войск Страны Советов третий рейх развалился. Как загнанные звери, метались фашистские разбойники накануне своей гибели в поисках спасения.

Не спаслись! Слишком велик был у них груз преступлений против человечества, и особенно против нашего народа...

После падения Берлина для многих война закончилась. А наша танковая армия поспешила к Праге.

После короткой артиллерийской подготовки утром 6 мая мы двинулись вперед. За два дня прошли более 100 км и 7 мая перешли границу Чехословакии. Здесь узнали, что 5 мая в Праге началось антигитлеровское восстание. Патриоты добились некоторых успехов, заняли центральную часть города и мосты через Влтаву. Но враг был еще очень силен. Фашисты грозили истребить жителей и разрушить Злату Прагу. Чешское радио на русском языке попросило помощи у русских братьев.

Танковая армия шла не останавливаясь. Утром 8 мая наш полк вместе с 63-й гвардейской танковой бригадой разгромил штаб генерала Шернера. В ночь на 9 мая мы ворвались в городок Мост, что в 50 километрах от Праги. Сломив здесь сопротивление гитлеровцев, устремились к чехословацкой столице и следом за 63-й гвардейской танковой бригадой вошли в Прагу. Встретили нас пражане восторженно.

9 мая Москва салютовала войскам нашего фронта, освободившим столицу Чехословакии. Этот день, который все прогрессивное человечество отмечает как праздник Победы над германским фашизмом, стал также национальным праздником чехословацкого народа — Днем освобождения, днем рождения новой Чехословакии...

После войны мне доводилось бывать в Праге. Неузнаваемой стала она. Но площадь Советских танкистов я всегда узнаю — на ней стоит танк № 23 63-й гвардей-

ской танковой бригады, первым ворвавшийся в город. Командир экипажа лейтенант Гончаренко погиб, освобождая Прагу...

Ушли в историю десятки послевоенных лет. Благодарное человечество с благоговением вспоминает бессмертный подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. Но есть на земле люди, которые с фанатичным упрямством втягивают планету в подготовку к новой войне. Это — американские империалисты и их подручные в Европе. Ради своих корыстных интересов они готовы ввергнуть мир в ядерную катастрофу. Но пусть помнят, что не первыми идут по этому пути. Их предшественники — на свалке истории. Такая же участь ждет всех поджигателей войны, врагов жизни на земле...

ДУБЫ У ДОРОГИ

Герой Советского Союза
старший лейтенант
А. А. КОСМОДЕМЬЯНСКИЙ

Находясь в Калининградской области, я увидел на одной из дорог огромный дуб. Тень от его могучей кроны ложилась на росистую вокруг траву. Рядом с деревом стоял небольшой обелиск с надписью: «Здесь 13 апреля 1945 года в боях с фашистскими захватчиками погиб Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Космодемьянский Александр Анатольевич». Невдалеке от обелиска виднелись дома поселка, носящего имя Героя.

О Героях Советского Союза Зое и Александре Космодемьянских широко известно. Многие хорошо знают о подвиге Зои, а вот о боях, в которых сражался Александр, сведения беднее. В Архиве Министерства обороны СССР имеется лишь представление Александра к званию Героя Советского Союза.

Чтобы узнать о нем более подробно, я познакомился с историей штурма Кенигсберга, изучил боевой путь 113-го Тильзитского Краснознаменного стрелкового корпуса и 378-го тяжелого самоходно-артиллерийского полка, в котором воевал Александр.

Некоторые сведения о нем сообщили командир корпуса генерал Николай Николаевич Олешев, начальник штаба полковник Почема Филипп Евсеевич, командир полка подполковник Легеза Федор Андреевич, его начальник штаба, ныне полковник в отставке, Басов Константин Сергеевич и другие.

В результате возник этот очерк.

В середине января 1945 года 113-й Тильзитский стрелковый корпус 39-й армии вышел на оборонительную линию противника, проходившую в 30 километрах от Кенигсберга по крутому и обрывистому левому берегу реки Даймс. Создавать ее немцы начали еще в первую мировую войну. В 1936 и 1944 годах она была усовершенствована и к началу 1945 года насчитывала 63 дота с пуле-

метами и минометами и даже 210-миллиметровыми орудиями.

При приближении советских войск дамбы, мосты и лед на реке Дайме были взорваны, вода затопила низкий правый берег.

...22 января самоходчики 378-го тяжелого самоходно-артиллерийского полка увидели первые доты линии Дайме и двинулись вслед за пехотой. Бой разгорелся вечером. Противник открыл огонь из всех видов оружия.

По ним прямой наводкой стреляли советские тяжелые орудия, в том числе самоходки 378-го полка.

По пояс в холодной воде пехотинцы переправились через реку, в темноте закрепились и вступили в огневой бой с гитлеровцами. К середине ночи на плацдарм вышли передовые части, а с ними и самоходное орудие Космодемьянского.

— Оборудуем огневую, товарищи. Ждать врага придется недолго, — сказал членам экипажа Александр.

Действительно, утром перед нашими воинами появились «тигры» с автоматчиками на броне.

Самоходка Космодемьянского стояла за бугром. Зорко следил за полем боя старший лейтенант. Он был уверен, что его 152-миллиметровое орудие остановит любой вражеский танк первым выстрелом.

Стиснув зубы, Александр смотрел в бинокль, а наводчик, действуя подъемным и поворотным механизмами, сопровождал головную машину. Когда до нее осталось не более четырехсот метров, старший лейтенант подал команду: «Огонь!»

Снаряд попал в башню рядом со стволом орудия. Ствол срезало, как ножом.

— Это за Зою, — спокойно сказал Александр. Орудие выстрелило еще три раза и подбило «фердинанд».

Метр за метром советские воины пробивали линию Дайме — железобетонную дверь Кенигсберга. 25 января войска корпуса продвинулись на 20 километров и заняли крупные населенные пункты Гольдбах, Штампелькен.

Под Кенигсбергом самоходчикам пришлось стрелять по пехоте, вдруг высыпавшей из города. Об этом периоде боев рассказывалось в газете «Правда» за 1 февраля 1945 года: «Сбитые и отброшенные... к Кенигсбергу, немецкие войска, наскоро приведенные в порядок, оказывают все большее сопротивление. Командующий обороной Кенигсберга бросил вчера в бой так называемые

«алярм-роты» — роты тревоги, крепостные батальоны, засевшие в фортах батальоны саперов и даже зенитчиков».

Отбив внезапную атаку, самоходчики продвигаются вперед. Старший лейтенант Космодемьянский держит перед собой карту и видит, что к Кенигсбергу подходит много дорог с севера, юга, востока и запада. Сейчас по ним грозной лавиной движутся к городу-крепости советские войска. Их не останавливают ни исключительно трудные бои, ни мороз и снег.

За пехотой и танками идет и самоходка Космодемьянского. В ее задачу входит охрана тридцатьчетверок от огня «тигров», «пантер». У этих вражеских машин мощная броня, и вести с ними огневой бой нашим танкам трудно.

Зорко наблюдают за полем сражения артиллеристы. Космодемьянский заметил залегшую под пулеметным огнем врага пехоту. Он быстро обегает взором передний край: пулемет стрелял из дзота на высотке.

— По дзоту, — командует Космодемьянский. — Прицел...

Не проходит и минуты, как тяжелый снаряд рвется с небольшим перелетом.

— Наводить в основание!

Третий снаряд проламывает стенку дерevоземляного сооружения. Доносится звук глухого разрыва. Сероватый дымок появляется из пролома. Довольный работой расчета, офицер смотрит вперед. Идущий перед ним танк задымил и остановился. «Засада!» — догадался старший лейтенант. У перекрестка дорог сверкнул выстрел. И тут же на второй тридцатьчетверке веером рассыпались искры. «Тигр» стреляет болванками», — понял командир самоходки.

— Отойти в овраг, — приказал он механику-водителю.

Вскоре самоходка была на фланге находящегося в засаде «тигра».

— Огонь! — командует Космодемьянский, когда до «тигра» остается шестьсот метров.

Гитлеровцы, надеясь на то, что их не заметят, прекращают стрельбу, но они уже засечены. Шестой советский снаряд попадает в башню танка.

— Если и не пробил, — говорит командир товарищам, — то экипаж все равно уничтожил. Пойдем — увидим.

Когда пехота продвинулась вперед, самоходка Космодемьянского подошла к перекрестку.

— Машину — в укрытие! — распорядился офицер. — Победам радуйся, а рот не разевай. Немцы вмиг воспользуются этим...

Осторожно подошли к танку и увидели в башне большую дыру. Заглянули внутрь — весь экипаж был мертв.

— Если бы не мы их, то они нас, ребята!.. — промолвил Космодемьянский.

Войска почти вплотную подошли к крепости. Едва самоходка зашла в укрытие, как сотни вражеских орудий открыли огонь по позициям нашей пехоты. Более двух часов стреляли они. А потом в атаку устремились фашистские танки с пехотой.

— Сколько же их! — воскликнул наводчик.

— Врагов не считают, а бьют, — ответил сержанту старший лейтенант. — Видимо, пытаются пробиться на Иудиттен — Метгетен и Фишхаузен — Пиллау... По головному, огонь!

Вокруг бушевал огонь, подобного которому Александр еще не видел. Его самоходка стреляла, круша железное стадо вражеских танков. Они отвечали, и снаряды рвались рядом. В то же время Космодемьянский периодически поглядывал в тыл, где находился штаб корпуса.

— Головой отвечаешь за него, — предупредил командир полка Александра.

В один из моментов гитлеровцы прорвались на том направлении.

— Выводи машину, — спокойно приказал механику старший лейтенант. — И на полной скорости — к дальнему лесу. Там штаб...

Самоходка устремилась к лесу. По ней стреляли гитлеровцы, но она благополучно пришла в назначенное место и встала на позицию, готовая открыть огонь по врагу.

Вскоре появилось три танка. Завязалась огневая дуэль. Хотя врагов было больше, Космодемьянскому понадобилось лишь десять снарядов, чтобы расправиться с ними.

Когда броневой таран перед Метгетеном был остановлен, Александр сошел с машины на землю, вытер пот с лица и увидел поблизости генерала. Приложил руку к головному убору.

— Спасибо, молодчага, — промолвил генерал-лейтенант Олешев. — Трудненько нам пришлось. Вы — Космодемьянский?

— Так точно, товарищ генерал!

— Представляю вас к ордену Отечественной войны I степени. Побудьте пока здесь. Я позвоню вашему командиру полка. Этот бой — только начало. Враги намерены прорваться к Кенигсбергу любой ценой. Они пытаются расширить коридор.

В течение двух суток 5-я танковая и 1-я пехотная дивизии немцев рвались к Кенигсбергу. Но безуспешно.

И вот наступил самый ответственный момент. К войскам обратился Военный совет фронта. В обращении говорилось: «Мы пришли сюда по дорогам наших предков. Сокрушим фашистскую крепость, разгромим гитлеровские полчища!»

— Значит, завтра? — переспросил заряжающий рядовой Нефедов.

— Думаю, да. Завтра все пойдут вперед, на штурм крепости.

До самого утра не спал расчет. Думали, что с рассветом все и начнется. Но солнце взошло, а ничего не было.

Уже около десяти дня в стороне командного пункта взлетела красная ракета. И тут же загремело по всему фронту. Тысячи орудий обрушили удар по крепости. Над городом поднялись огромные тучи пыли и дыма. В течение двух часов гремела несказанно мощная артподготовка.

А потом советские войска двинулись на город. Приступил к выполнению своей задачи и расчет Космодемьянского. Самоходка подошла к каналу Ланд Грабен в районе Транквитца. Старший лейтенант выскочил из машины и по-пластунски пополз к воде. Увидел: канал просто не преодолеешь, нужен мост. Неподалеку оказался штабель шестиметровых телеграфных столбов.

— Братцы, помогите, — обратился Александр к пехотинцам. — А потом мы вам поможем...

Командир роты распорядился:

— Взвод Егоркина, помочь «богам войны»!

Пехотинцы и артиллеристы быстро соорудили переправу через канал, и самоходка двинулась на другой берег. А спустя час за нею прошел по мостику весь полк.

Под вечер подполковник Легеза пригласил к себе.

— Два ордена тебе за прошлые бои, — сказал он и прикрепил к гимнастерке старшего лейтенанта ордена Отечественной войны I и II степени. — Кроме того, вы назначены командиром батареи...

Увидев, как смутился офицер, Легеза подошел к нему, дружески положил руку на плечо:

— Смелее, Саша!

Потом он уехал, а Космодемьянский сказал подчиненным:

— Пообедайте и погрузите боеприпасы, а я напишу письмо маме...

Самоходчики хорошо знали командира. Как свою сестру, вспоминали его сестру Зою. Сравнивали их и были уверены в том, что Александр, как и Зоя, пойдет на любой подвиг. Ни один из подчиненных Космодемьянскому солдат не видел его мать Любовь Тимофеевну, но всегда с удовольствием слушал ее трогательные, полные материнской любви к сыну письма. Она не жаловалась и ни словом не упоминала о своем горе. В ее письмах звучала уверенность в том, что ее сын и его подчиненные разобьют фашистов, вышвырнут их с советской земли, добьются победы.

Александр отвечал матери сыновней любовью. Он часто писал ей, сообщал подробности боев, просил не беспокоиться о нем, уверял, что краснеть за него не придется.

«Милая мамочка! — начал он очередное письмо. — У меня двойная, нет, тройная, а может быть, даже четверная радость. Сегодня командир полка приколол к моей гимнастерке сразу два ордена Отечественной войны: золотой и серебряный. Назначил командиром батареи. Как снег на голову эта новость. Признаюсь, хотел получить батарею, но боялся этой должности и сейчас боюсь. Справлюсь ли? Но не волнуйся, моя дорогая, раз приказали — значит буду командовать. Выдюжу. Надеюсь на людей. Двенадцать национальностей в батарее, а кажется, одна семья. Есть и пожилые, и совсем юные, моложе меня, грамотные и малограмотные. Но все, повторяю, все как один воюют хорошо. Значит, я с ними не пропаду. Буду бить гитлеровцев, как и положено гвардейцу. И четвертая радость: наш расчет выручил из беды командный пункт корпуса. Сам товарищ Олешев, которого мы зовем батей, поблагодарил меня и пожал руку».

Потом Александр написал о погоде, об окружающей его природе, о немцах, которых видел не раз, о пленных, о «тиграх», подробно рассказал о новых фашистских гранатометах (фаустпатронах). Завершил письмо юмореской:

«Под Кенигсбергом немецкий генерал вызвал к себе офицера-кадровика и говорит:

— Обер-лейтенант Граббе! К нам прибыло пополнение. Немедленно разбейте солдат поротно.

— Господин генерал! Осмелюсь доложить, что они уже разбиты.

— Поротно?

— Нет! Они разбиты скопом. Самоходчики какого-то русского офицера Легезы накрыли их одним залпом...»

К Космодемьянскому подошел наводчик:

— Вы бы покушали, товарищ старший лейтенант,— предложил он.

— Борщ? Горячий? Спасибо, обрадовал...

Самоходная батарея шла за танками. Боевые машины двигались на дистанции двести метров друг от друга. Так было безопаснее, потому что противник вел прицельный огонь. Наша артиллерия и танки били по амбразурам казематов, дотов и дзотов, а штурмовые группы пехоты забрасывали верхние этажи дотов связками гранат и бутылками с горючей смесью. Огнеметы выжигали гитлеровцев из железобетонных укрытий, уничтожали орудия, пулеметы, боеприпасы.

Передовые части 113-го стрелкового корпуса перешли канал Ланд Грабен и завязали бои за господский двор Метгетен, который стоял на пути между Кенигсбергом и портом Пиллау и обеспечивал связь кенигсбергской группировки с внешним миром.

Перегруппировав силы, гитлеровцы при поддержке большого количества артиллерии, поставленной на прямую наводку, в течение 7 апреля 14 раз бросались в контратаки и на отдельных участках теснили советскую пехоту.

В один из моментов боя Космодемьянский увидел четыре вражеских тягача со стопятимиллиметровыми орудиями, на полной скорости выходящих к переднему краю.

— Первому и четвертому,— подал команду офицер,— уничтожить выдвигающуюся батарею.

Только четыре снаряда потребовались самоходчикам, чтобы выполнить приказ своего командира.

Корпус вел исключительно тяжелый бой на два фронта. Он отражал атаки гитлеровцев, пытающихся прорваться из Кенигсберга и шедших на выручку им. Вражеские танки бросались в психические атаки, не обращая внимания на потери. То и дело в небе появлялись «юнкерсы» и «мессершмитты». Они бомбили и обстрели-

вали нашу пехоту и танки. Космодемьянский насчитал до сотни гитлеровских танков и штурмовых орудий. Любой ценой они пытались прорвать кольцо окружения города-крепости. Бой с танками врага вели наши артиллеристы, огнеметчики, зенитчики, пехотинцы, танкисты, самоходчики и саперы. Их огонь разил бронированные машины гитлеровцев — они застывали на поле боя, не в силах выполнить приказ Гитлера о деблокировании Кенигсберга.

Вскоре Космодемьянский получил приказ подполковника Легезы поддержать огнем пехоту, штурмующую форт «Королева Луиза».

Батарея сменила позицию и открыла огонь по форту. Затем вместе с пехотой самоходчики ворвались в него и здесь захватили 360 гитлеровских солдат и офицеров, девять исправных танков, склад с горючим и около двухсот автомашин.

После боя командир полка спросил у Космодемьянского, как ему удалось все это. Старший лейтенант ответил:

— Повезло, товарищ подполковник. Кто-то из моих ребят угодил в склад с боеприпасами. Те детонировали. Взрыв был такой силы, что и описать трудно. Он уничтожил многих хозяев форта. Наша пехота при этом залегла, а у нас — броня. Рванулись под шумок вперед и открыли огонь из орудий в упор. Вот и «проголосовал» нам полный немецкий батальон.

— Спасибо, комбатр. Вы оправдали мои надежды. А теперь накормите хорошенько людей и приготовьтесь ударить на Иудиттен.

— Что-то нас гоняют туда-сюда — на север, на юг, на восток, на запад...

— Так нужно. Мы же резерв командира корпуса. Все дырки нами затыкают. Так что не смущайтесь...

Подразделения 315-й стрелковой дивизии, которую поддерживал самоходный полк, опять устремились вперед. Бойцы бросали гранаты в окна подвалов, уничтожали живую силу и штурмовые орудия врага, разрушали его дзоты и блиндажи.

— Космодемьянский, — вызвал комбатра к микрофону Легеза. — Вперед, в Иудиттен. Огнем и гусеницами помоги пехоте...

На высокой скорости ворвалась батарея в населенный пункт. Самоходчики таранили два штурмовых орудия,

разбили несколько дзотов, истребили десятки немецких солдат.

— К зданиям близко не подходите, — предупредил своих товарищей Космодемьянский. — Там фаустники... Стреляйте в стены домов...

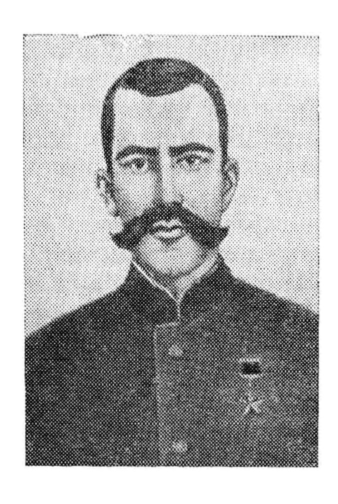
Продолжая поддерживать наступающие войска, батарея ворвалась в населенный пункт Вирбрудеркруг. За десять — пятнадцать минут боя самоходчики раздавили здесь еще четыре противотанковых орудия, уничтожили 40 и пленили 90 гитлеровцев...

Здесь же от осколка вражеского снаряда погиб девятнадцатилетний офицер Александр Космодемьянский.

После похорон командира батарейцы написали письмо матери Александра Любови Тимофеевне.

«Мы знаем, — говорилось в нем, — одна смерть — горе, две смерти — семейная трагедия. Она постигла Вас, дорогая Любовь Тимофеевна. Вместе с Вами скорбим и мы, подчиненные Вашего сына. Понимаем: слезами горю не поможешь, нашего боевого командира и друга не поднимешь. Клянемся Вам, наша батарейная мама, что мы отомстим за Ваших детей-героев: за Зою, за Сашу. Они походили на горьковского Данко. Но Данко был вымышленный герой. Ваши дети — истинные, настоящие герои. Мать, вырастившая таких героев, вдвойне героиня. Отныне мы все — Ваши дети. Потеряв двоих, Вы породнились с тысячами...»

СОВЕТСКИЙ ПОЧЕРК

Герой Советского Союза
сержант
Х. КАСЫМОВ

В Вахшский район Таджикистана я доехал автобусом. Здесь живет Герой Советского Союза Хайдар Касымов, которого Золотая Звезда нашла спустя много лет после войны [1]. Мне удалось найти его. Он бригадир хлопководов, труженик, пользующийся всеобщим уважением в округе. Когда я спросил, за какой подвиг он удостоен звания Героя, Касымов перевел разговор на другую тему:

— С дороги нужно перекусить и отдохнуть...

И лишь на другой день он рассказал мне о том, что было с ним.

Шел 1943 год. Отразив наступление немецко-фашистских войск на Курской дуге, 8-я стрелковая дивизия, в которой служил Касымов, двинулась на запад. В один из октябрьских вечеров она подошла к Днепру. Каждый из воинов по-своему переживал радость встречи с этой великой рекой. Касымов, сняв потемневшую от пыли и дыма каску, зачерпнул воды и припал к ней пересохшими губами. Напился, вытер черные усы и вслух сказал:

— Таджикистан от Днепра далеко, а вода вкусная, как у нас.

Долго Хайдар смотрел на противоположный берег, думая о том, что нелегко будет форсировать такую широкую водную преграду.

— Чи нравится наш Днипро, командир? — спросил, подойдя к Касымову, рядовой Никита Василенко.

— Еще бы! Нравится, товарищ Василенко. А Пяндж у нас на Памире, наверное, посильнее Днепра. Бурлит, кипит, клокочет, даже валуны тащит с гор.

— Ого!

---

[1] Звание Героя Советского Союза сержанту Хайдару Касымову присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 октября 1943 года.

— Правду говорю. Бурная горная река...

Подошли другие члены расчета и, притаившись в прибрежном лозняке, стали смотреть на стремительный ход реки, по которой скользили лучи заходящего солнца. Вечер был на редкость теплым. И только роща, одетая в золотой наряд, да аромат увядшей травы напоминали солдатам об осени. Было совсем тихо. Не верилось, что стройные тополя на пригорке и развесистая ива через некоторое время станут свидетелями жестокой битвы...

— Хватит, ребята, отдыхать, — сказал Касымов. — Отдыхать будем потом, когда врага разобьем и выгоним с родной земли. Подносите на это место ящики с минами. Я пойду к начальству...

Командир 229-го стрелкового полка подполковник Шишков в тот вечер принял решение на форсирование реки. Он приказал первой роте — лучшей в полку, не ожидая подхода главных сил, ночью переправиться на другой берег Днепра.

— Кого хотите взять в помощь, товарищ Валиулин?— спросил подполковник у командира роты.

— Как всегда, — улыбнулся ротный, — сержанта Касымова с минометным расчетом, сержанта Вишневского с сорокапяткой, пулеметчиков Гугенашвили и Амбарьяна.

— Берите да действуйте смелее, решительнее...

Недолги были приготовления. Как только вечерние сумерки окутали землю, от левого берега отошло несколько рыбачьих лодок. Бесшумно скользили они по тихой глади реки. В первом эшелоне переправляющихся были разведчики, пулеметчики и минометный расчет сержанта Хайдара Касымова. Сзади шла вся рота, на небольшом плоту везли пушку. Вот уже виден берег, а со стороны противника не слышно ни одного выстрела.

Гитлеровцы, занимавшие оборону на правом берегу Днепра, не ожидали подобной дерзости от советских бойцов. Они, видимо, считали, что минимум 5—7 суток потребуется советским войскам для подготовки к штурму Днепровского вала. Вражеские наблюдатели заметили десантников лишь тогда, когда те причаливали к берегу. Вмиг ночь осветилась разноцветными ракетами, заговорили огневые точки врага, ударили орудия прямой наводки, глухо начали стрелять минометы.

Огонь был сильный, но беспорядочный. Понеся небольшие потери, рота уцепилась за берег. Завязался бой. Десантников поддержали артиллерия и гвардейские минометы. Задрожала заднепровская земля от разрывов

больших и малых снарядов. Это помогло пехотинцам быстро преодолеть пристрелянное пространство и захватить небольшой участок обороны противника. Вскоре, однако, гитлеровцы предприняли яростную контратаку. Никто из бойцов десанта не ждал особой команды. Все они действовали умело, быстро, без суеты. Расчет сержанта Касымова тотчас установил миномет в захваченной траншее и открыл огонь по контратакующей пехоте.

Как нарочно, в самый критический момент ствол миномета раскалился, единственная на плацдарме сорокапятка умолкла, а ротные пулеметы прекратили огонь.

— Взять автоматы! — скомандовал сержант. — Бейте в упор, а я остужу трубу.

Когда фашисты приблизились к огневой позиции минометчиков, трое из расчета открыли огонь из автоматов. Касымов, обмотав ствол мокрыми тряпками, выливал на него флягу за флягой с водой. Минут через пятнадцать миномет опять был готов к бою, и Касымов открыл губительный огонь по гитлеровцам.

Грозным оружием оказался единственный миномет на плацдарме: в умелых руках он наносил большой урон неприятелю.

— Молодец, Хайдар! — пробегая мимо, крикнул капитан Валиулин.

Трудно сказать, сколько атак отбили советские воины, захватившие плацдарм, но они обеспечили переправу на правый берег Днепра всего полка. На следующее утро, с первыми лучами солнца, он перешел в наступление и к вечеру еще более расширил плацдарм.

Расчет Касымова по-прежнему находился в первых рядах наступающих. Минометчики перенесли ствол, плиту, мины вперед, устроились в глубокой воронке и сразу же открыли огонь по противнику. Вдруг невдалеке разорвался тяжелый снаряд. Он рявкнул с такой силой, что минометчики схватились за уши. Осколки и комья земли застучали вокруг.

Касымов понял, что этот снаряд — пристрелочный. Фашисты, видимо, засекли их миномет. Сержант взглянул вправо, влево, обдумывая, куда лучше переместиться. Второй разрыв оказался совсем рядом.

— Отбой! — скомандовал сержант. Через полминуты он уже тащил по глубокой траншее ствол, а Василенко и Юркин — опорную плиту миномета. Петров нес сразу два ящика боеприпасов. Не успели они произвести вы-

стрел с нового места, как град снарядов обрушился на бывшую огневую.

— Насолили мы им, ребята, — улыбнулся в усы Касымов. — На один миномет столько боеприпасов истратили.

— Товарищ сержант! — предложил рядовой Юркин.— Давайте выпустим мин десять и опять уйдем на новое место.

— Согласен.

Миномет кочевал по плацдарму из воронки в воронку, из траншеи в траншею. Гонялись за ним вражеские артиллеристы, а минометчики вовремя уходили, стреляли с нового места, были неуловимы.

На четвертые сутки танки и мотопехота гитлеровцев, поддерживаемые большим количеством авиации, артиллерии и минометов, предприняли сильный контрудар. Они хотели сбросить советские войска в реку и восстановить положение. Фашистам удалось разрезать плацдарм надвое, взять обе части его в клещи, отрезать их от Днепра. Создалось трудное положение. Защитники плацдарма несли большие потери. В расчете Касымова осталось два человека, но миномет не прекращал огня. Наводчик Петров подносил мины, а сержант уверенно посылал их в цель.

При очередном огневом налете погиб мужественный Юрий Петров. Близким разрывом снаряда у Касымова порвало гимнастерку, куда-то отбросило пилотку, осколок разрезал кожу на лбу. Но сержант, казалось, ничего этого не замечал. Он видел лишь темно-серые фигуры врагов и стрелял по ним.

Израсходовав все мины, Касымов пополз за новым ящиком. В этот момент прямым попаданием снаряда разбило миномет. Фашисты подошли совсем близко.

— Не пройдете, гады! — крикнул сержант, берясь за гранаты и автомат. Он лег на бруствер траншеи и выпустил по врагу длинную очередь. И тут осколок близко разорвавшегося снаряда ударил его в голову. Он потерял сознание, а когда пришел в себя, то увидел гитлеровца с автоматом в руках.

— Лежайт, шволош, стреляйт буду! — заорал тот, увидев, что Касымов пошевелился.

Сержант понял, что находится в вагоне и его куда-то везут. От понимания того, что он попал в плен, ему стало так нехорошо, что сознание опять покинуло его.

Трудно сказать, сколько времени прошло, пока сознание вернулось к Касымову. Так же отбивали такт колеса вагонов, скрипели нары и у дверей сидел все тот же верзила с автоматом в руках.

Он смутно помнит, как их где-то вывели из вагонов и погнали по булыжной мостовой. Барак, забитый ранеными и больными. Крики и выстрелы охранников. Потом другой лагерь, третий... И наконец он оказался во Франции. Здесь военнопленные работали в каменном карьере.

Прошло несколько месяцев. Многое пришлось испытать Касымову за это время: и унижения, и зуботычины, и одиночную камеру за отказ записаться в «туркестанский легион», состоявший из уголовников и изменников Родины.

Постепенно он сблизился с военнопленными французами, также находившимися в этом лагере. Они говорили, что Красная Армия продолжает бить фашистов, что она приближается к границам фашистской Германии и близок час освобождения.

Наконец он наступил. Хайдар возвратился на Родину.

— В плену было непросто бороться с врагом, — продолжал Касымов свой рассказ. — Кое-кто пытается показать военнопленных в роли героев. Конечно, были люди, которые пошли на смерть, но головы перед врагом не склонили. Но были и шкурники, дрожавшие за свою жизнь. Я считаю, что тот, кто попал в плен, не будучи раненым, — не воин. Он нарушил военную присягу...

— А ваши земляки знают об этих злоключениях? — спросил я у Хайдара.

— Конечно, но они видят, что я попал в плен не по своей воле, а будучи в беспамятстве. Они понимают, что к чему.

Касымов показал письма боевых друзей.

«Дорогой тов. Хайдар Касымов! — говорилось в одном из них. — Мы, твои боевые друзья и однополчане, Герой Советского Союза гвардии полковник Шишков Даниил Кузьмич и представитель политотдела 8-й стрелковой дивизии, бывший в 229-м полку замкомандира по политчасти, майор запаса Балабаев Николай Михайлович, прочитали в газете «Красная звезда» о том, что ты жив и что тебе вручена Золотая Звезда Героя. Мы очень рады тому, что ты получил высокую правительственную награду. От души поздравляем тебя с высокой наградой. От всего сердца желаем много-много счастья, здоровья, успехов и удач в жизни твоей семье.

Очень рады тому, что ты так же, как воевал на фронте, отлично трудишься в колхозе. Желаем тебе еще больше производственных успехов. Когда приедешь в Москву, обязательно приезжай к нам в гости, будем очень рады. Будь здоров. Искренний привет и лучшие пожелания успехов и удач в жизни».

Когда Хайдар после войны вернулся в родной кишлак, к его дому сбежались все жители. Это была радость для многих людей: Касымова считали пропавшим без вести.

Всего несколько дней отдыхал Хайдар, затем сел на трактор. Через год он руководил бригадой.

Хайдар находился в поле от зари до зари. Не все ладилось вначале. Тракторы были старые. Трактористы молодые, почти дети. Мальчишек Касымов учил, машины помогал ремонтировать. Сам брался за все. Подменял уставших на тракторе, оказывал помощь ремонтникам, по душам говорил с юными. Он сейчас был тем же командиром расчета, но значительно более многочисленного. Хайдар понимал, что ему, фронтовику, народ доверил людей, землю, технику. Хлопок — это ткани, национальная гордость таджиков, богатство, сила. Его нужно много, очень много. Понимание этого Касымов внушал людям.

С первых же дней Хайдар установил в бригаде твердый порядок. Перед началом работы проводил политбеседу. Затем каждому человеку определял дневное задание. После работы подводил итог. Хорошо помогала жена: читала стихи Мирзо Турсун-заде, отрывки из книг Ниязи, увлекала колхозников задушевным словом. Вместе с ней колхозники слушали радио.

В бригаду приходят председатель колхоза, агроном. Они не поучают бригадира, а слушают, отвечают на его вопросы. Касымов считается опытным человеком. Он и сейчас учится и работает, экспериментирует. Своими задумками делится с руководством колхоза. Хорошо знает людей и хозяйство, опирается на передовые агротехнические методы, старается облегчить труд хлопкоробов. Касымов переписывается с учеными, читает книги, вместе с женой обучает колхозных ребятишек русскому языку.

Героя Советского Союза Хайдара Касымова земляки любят за труд, внимательность, настойчивость в работе, умение понять каждого. В этом его сила как бригадира.

— Каждый человек имеет свой почерк, — сказал на прощание Хайдар. — У пулеметчика свой, у минометчика тоже свой, у бригадира комплексной — свой. Но каждый

почерк должен быть прежде всего советским. Если драться, то до победного конца. Если трудиться, то чтобы радоваться самому и приносить радость другим. Если управлять производством, то так, чтобы сам был ориентиром, по которому равняются; факелом, вместе с которым загораются на трудовые подвиги; другом, без которого жить не могут; отцом, которому верят, которого любят, которого почитают. В этом — главное...

УЧИТЕЛЬ

Герой Советского Союза
полковник
В. М. КОЗЛОВ

На кафедру вышел мужчина лет шестидесяти с Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди. Это был участник войны Виктор Михайлович Козлов. Он положил конспект, посмотрел в зал, где сидели студенты политехнического института, не спеша пригладил левой рукой черные с проседью волосы.

— Гражданская оборона — это комплекс государственных мероприятий... — начал он лекцию и посмотрел в зал.

Некоторые из студентов уже углубились в какие-то книги. «Не ценят данный предмет», — подумал преподаватель. Улыбнувшись, он промолвил:

— Один из вас не слушает меня, очевидно полагая, что придет время и он самостоятельно разберется во всем. Я согласен с ним, но не совсем. Примерно так рассуждали и некоторые мои сверстники перед Великой Отечественной войной. «Зачем рыть окопы в учебных целях? — говорили они. — Будет война — научимся». И научились. Но как же велика была цена этой учебы! Вы скоро станете командирами производства, и вам самим придется организовывать гражданскую оборону на заводах и фабриках...

Теперь студенты слушали Козлова затаив дыхание. Он говорил убежденно, взволнованно, словно лично отвечал за способность гражданской обороны противостоять удару врага. По тому, как глубоко и квалифицированно раскрывал тему Козлов, никак нельзя было предположить, что лишь недавно он снял форму офицера и стал преподавателем Таллинского политехнического института. Но до этого он прошел большой и трудный путь армейского офицера.

Свой путь Козлов начал в Монголии, куда попал после окончания Оренбургского зенитно-артиллерийского училища. Только недавно здесь, в районе Халхин-Гола,

гремели бои. А теперь подразделение зенитчиков училось действовать в условиях пустыни. Это было нелегкое дело: совершать марши среди песков, без воды, под палящим солнцем. Однообразная, унылая местность, проникающая во все поры кожи песчаная пыль, беспощадные лучи раскаленного солнца — все это отрицательно влияло на настроение бойцов. В этих условиях важную роль играли пример командира, его отношение к трудностям.

Лейтенант Виктор Козлов еще с детства приучился к преодолению трудностей. Он рано потерял отца и уже в восемь лет выпужден был сам добывать кусок хлеба. Чтобы облегчить положение матери, у которой кроме него было еще четверо детей, он на целые недели уходил в лес, питался там ягодами и травами...

За поведением взводного внимательно наблюдали не только бойцы, но и командиры. Однажды вызвал его комбатр и сказал:

— Вам, товарищ лейтенант, предстоит длительный переход через пустыню. — Заметив недоумевающий взгляд Козлова, добавил: — Необходимо разведать маршрут движения батареи в песках. Пойдете вдвоем с сержантом Юхновым. Это самый закаленный человек в батарее. Сто километров туда, сто обратно... Выдержите?

— Надо, — значит, выдержу, — уверенным тоном ответил Козлов.

— Надо, Виктор. Это важная задача, которую необходимо выполнить любой ценой. Постарайся не подкачать...

Семь дней понадобилось Козлову и Юхнову на то, чтобы преодолеть путь в двести километров безжизненной пустыни. Шли под жгучими лучами солнца. Пот градом струился по лицу, шее, спине, сапоги глубоко увязали в раскаленном песке. Во рту пересыхало. С каждой минутой идти становилось труднее, и к концу дня обычно они еле волочили ноги. Вернулись в часть разбитые и усталые. Перед строем им была объявлена благодарность. Бойцы поверили в лейтенанта. Но он сам еще многого не знал и не умел. Понимая, что по нему равняются, лез из кожи, чтобы не ошибиться. Там-то он по-настоящему подружился со спортом, стал закаляться, тренировать волю, до автоматизма отрабатывал необходимые физические упражнения. Это помогло в работе тогда, когда служил в Монголии, и потом, во время войны.

— Слушайте, Виктор, — предложил ему ректор. — Знаю, вы читаете интересные лекции. А давайте-ка про-

ведем вечер молодежи, где выступите с воспоминаниями. Я с удовольствием слушаю вас, а они, будущие лейтенанты запаса, тем более.

— Согласен выступить, — сказал Козлов.

Накануне тридцать пятой годовщины освобождения Таллина в институте состоялась встреча студентов с участниками освобождения столицы Советской Эстонии. В числе гостей был и преподаватель курса гражданской обороны Виктор Михайлович Козлов. Ему довелось освобождать Таллин, Тарту, Валгу, а в Латвии — Валмиеру, Цесис, Ригу.

Козлов пришел на вечер в парадной военной форме с орденами и медалями. Сегодня он старался рассказать студентам о самом главном, что пронес через всю войну, — о любви к Родине.

— В июне 1941 года взвод, которым я командовал, находился у озера Буир-Нур в Монголии. А в октябре мы стояли уже под Москвой в районе станции Кубинка, на Минском шоссе. Я начал воспоминания с этого момента потому, что бои под Москвой были для меня самыми тяжелыми. Пришлось стрелять по самолетам и драться с танками. Хочется рассказать вам о самом памятном.

Минское шоссе... По нему гитлеровцы пытались прорваться к Москве. Здесь и поставили нас, зенитчиков, с задачей стоять насмерть, но не пропустить врага. Сотни фашистских самолетов появились у Москвы. А по шоссе ползли танки.

Помню один из последних дней октября. «Юнкерсы-87» прилетели утром. «По пикирующему—головному,— подал я в тот день первую команду. — Бронебойным, огонь!» Стволы наших 37-миллиметровых орудий повернулись в сторону воздушного противника. Огонь зенитный открыли по головному, а на нас устремился другой «Ю-87». Я видел его, но ничего сделать не мог, так как знал правило: начнешь стрелять по двум — не собьешь ни одного. Поэтому взвод продолжал вести огонь по первому. Мы не сумели подбить его во время пикирования. Но когда он стал выходить из пике, несколько снарядов попали в него. Он вспыхнул и рухнул на землю. Это был первый сбитый самолет врага. Но если бы нам на помощь не пришли пехотинцы, нам было бы очень тяжело. Увидев, что мы ведем бой с одним бомбардировщиком, командир стрелкового батальона приказал ротам открыть залповый огонь по другим. Пехота тоже подбила «юнкерс». Он рухнул невдалеке от нашей батареи. Гит-

леровцы не улетали. Один за другим с воющими сиренами пикировали на нас бомбардировщики. Они поливали землю огнем из пулеметов, сбрасывали бомбы. По ним стреляли не только зенитчики, но и все другие — пехотинцы, артиллеристы-полевики... Стволы наших орудий раскалились так, что к ним нельзя было притронуться. Взвод сбил тогда два, а батарея пять самолетов. В тот день гитлеровцы не прилетали. Мы пообедали, обслужили материальную часть. Выделив наблюдателей, я пошел к командиру батареи, чтобы доложить о результатах боя. Едва заметив меня, он крикнул:

— Козлов, немедленно на батарею! По шоссе прорвались танки.

Возвратился на позицию, подал команду:

— Танки с фронта, бронебойным...

Но танков пока не было. Приказал отрыть окопы для орудий. На это ушло часа четыре. Замаскировали бруствер, натянули маскосети и только теперь услышали: по дороге приближаются танки. Сколько их? Какие? Как по ним стрелять? В училище этому почти не придавали значения. А теперь враг рядом. Сел за наводчика первого орудия, считая, что лучше подготовлен. Но вышло так, что первый танк подбил сержант Медведев, командир второго орудия. Первым снарядом он поразил гитлеровскую машину. Я же растерялся. Все снаряды прошли мимо танка, по которому стреляло орудие. Уже решил было уступить место наводчику, но времени не оставалось. Догадался сделать небольшой доворот влево, навел ниже башни и нажал на спуск: два бронебойных снаряда впились в нижнюю часть башни. А по третьему танку огонь вели всем взводом. Подбили его, но на чей счет записать, так и не решили. Записали на счет взвода.

Из боя мы вышли победителями. Радовались первому успеху. Вечером, в кабине машины, написал письмо матери.

«Милая мама, — сообщал я. — Поздравь с первой удачей. Наш взвод сбил два самолета и подбил три танка. Признаюсь, мне трудно было — боялся растеряться. Но все обошлось. Красноармейцы показали себя настоящими воинами. Не ругай меня, что часто уходил из дома. Я не хотел, чтобы ты и младшие умерли с голода. Добывал еду себе и им. Я закалился тогда, а сейчас все это пригодилось. Как хочется хоть на минуту сбегать на Волгу, хоть один раз обнять и поцеловать тебя. Пишу, зная о том, что если ты останешься жива, то прочтешь письмо

только после освобождения: ведь нашу милую деревушку Налеткино с ее садами и огородами топчет враг. Доживу — сам передам письмо. Погибну — его передаст девушка из Оренбурга, с которой я познакомился в училище. Крепко целую. Твой Виктор».

Через два дня еще письмо. «Вчера наши зенитчики сбили еще три вражеских самолета: «Юнкерс-88», «Фокке-Вульф-187», «Мессершмитт-109».

В разгар контрнаступления советских войск под Москвой был ранен и только через несколько недель вновь попал на фронт, теперь на Калининский.

— Куда вас назначить, ума не приложу, — развел руками офицер отдела кадров фронта. — Места офицеров-зенитчиков пока все заняты. Придется побыть в резерве.

— Нет-нет, — запротестовал я. — Калининская область — моя родина, поймите. Как могу быть без дела? Пошлите в пехоту, кавалерию...

— Хорошо, — согласился кадровик. — Получайте назначение командиром сабельного взвода в 11-й кавалерийский корпус.

— Лихого джигита из меня не выйдет, конечно, — пошутил я, — но рубить врагов научусь. Шашка тоже оружие...

Прежде чем применить ее в бою, лейтенант рубил лозу, учился этому у товарищей. И даже преуспел. Когда взвод, которым он командовал, был послан в разведку и встретился с гитлеровской пехотой, Козлов повел конников в атаку. Уничтожив несколько гитлеровцев и захватив пленных, кавалеристы без потерь возвратились в свое расположение.

Лейтенант ходил за «языком» и по-пешему. Получив приказание командира полка, он собрал разведчиков и рассказал о поставленной им задаче. Потом отобрал несколько человек. Кавалеристы осторожно пробрались через передний край противника, проникли в занятую им деревню. Осмотрелись. Увидели женщину, спросили у нее, где располагаются фашисты.

— Майор немецкий вон в той хате. Схватите его, проклятого.

— А охрана у него есть?

— Часовой, но он до девчат охоч.

— Днем его не снимешь,— вслух сказал лейтенант.

— Зайдите, миленькие, в школу. Я сторожу в ней. Что-нибудь сообразим.

В школе женщина вытащила из шкафчика два платья, платки, чулки.

— Быстро наряжайтесь. Увлечете немца в сени и прикончите.

Один боец и лейтенант быстро переоделись и не спеша двинулись по деревенской улице. Около дома, где квартировал гитлеровский офицер, их заметил часовой. «Ком цу мир, девученьки», — осклабился он в улыбке. Потом взял Козлова за руку и потащил в сени. С ним было покончено в одну минуту.

Немецкий майор оказался начальником штаба пехотного полка...

Недолго лейтенант Козлов пробыл в кавалерии. Уже в 1942 году наша промышленность резко увеличила выпуск самолетов, танков, орудий... Козлова отозвали из сабельного взвода, назначили командиром зенитной артиллерийской батареи в танковый корпус, который уже с весны 1943 года стал готовиться к боям на Курской дуге. Более двух месяцев он находился в резерве командующего Степным фронтом. Танкисты изучали характер местности, готовили к бою технику, познавали уязвимые места «тигра», «пантеры», «фердинанда». Козлов тренировал людей в стрельбе по воздушным и наземным целям.

5 июля 1943 года гитлеровские войска на Курской дуге перешли в наступление. Завязалось невиданное по ожесточенности сражение. В нем участвовала и зенитная батарея лейтенанта Козлова. В первые же часы боев она сбила бомбардировщик «Ю-88». Гитлеровцы обнаружили ее. Над огневой позицией появился вражеский самолет-разведчик, который на фронте называли «костылем». Он сделал над батареей дымовой круг и улетел. А минут через пятнадцать три девятки «Ю-87» начали бомбежку зенитчиков. Козлову невольно вспомнилась кавалерия. Там можно было в такой ситуации спрятаться в овраге или лесу, положить взвод на землю, уйти из угрожаемого района. Пехотинцам в таких случаях тоже проще: они прячутся в траншеях. Затаиваются танки и артиллерия. Для зенитчиков же в этот момент работа только начинается. Они не прячутся от воздушного врага, который пикирует на них, бросает бомбы, стреляет из пушек и пулеметов. Они должны противостоять всему этому, принять вызов и вступить в жесточайшую схватку с врагом. Лицом к лицу с огнем и раскаленным металлом, находясь у орудий во весь рост, артиллеристы-зенитчики

обязаны прикрыть и пехотинцев, залегших на поляне, и танкистов, укрывшихся в овраге, и минометчиков, забравшихся в глубокую воронку. На зенитчиков возложена главная задача: отогнать врага, не дать ему возможности вести прицельное бомбометание.

Гремят ошалело приземистые зенитки. Сжав зубы, работают наводчики, направляя стволы орудий в сторону пикировщиков. Как и других членов расчетов, их конечно же берет страх. Но они мужественно борются с ним, пересиливают себя и, глядя, как с неба летят бомбы или трассирующие снаряды, посылают во врага очередь за очередью! Кто кого! Чьи нервы крепче!

Молнией блеснул падающий на батарею бомбардировщик. Не выходя из пике, горящий самолет врезался в землю недалеко от огневой позиции. Осколком снаряда авиационной пушки убит наводчик. Товарищи сняли его с сидения, положили на землю рядом и продолжили бой. Сбит еще один самолет. За какую-то четверть часа зенитчики Козлова уничтожили три самолета.

Пикировщики улетели. Вытерев пот со лба, Козлов посмотрел на огневиков, не отходивших от пушек, улыбнулся, но вместо похвалы скомандовал:

— Подготовить боеприпасы!

Командир батареи был уверен, что вот-вот опять появятся вражеские самолеты и пойдут танки. И тех, и других у гитлеровцев много. Они будут действовать на узком участке фронта, чтобы сокрушить, разбомбить, раздавить все на своем пути. Офицер вспомнил вчерашние слова командира корпуса:

— Фашисты здесь пойдут напролом.

Действительно, похоже, что они хотят пробить нашу оборону любой ценой. Через час появилась новая волна двухмоторных «юнкерсов» в сопровождении десятков истребителей. В воздухе началась карусель. А по земле уже идут вражеские танки. Их гул перемежается с ревом самолетов. Козлов готовит батарею к стрельбе по воздушным целям, а сам нет-нет да и посматривает на большую поляну впереди: именно оттуда может появиться враг. Вдруг он увидел тридцатьчетверки, выходящие с другой стороны. Ползут не спеша, как бы присматриваясь. На всем пространстве поля боя грохочут выстрелы дальнобойных орудий, нарастает гул моторов в воздухе и на земле.

И вот началась дуэль с танками. Вспыхнули первые

подбитые машины, а лязг гусениц, натужный рев двигателей, частые звонкие выстрелы продолжаются.

К середине дня батарейцы Козлова подбили «мессершмитт», который бросился к спускающимся на парашютах советским летчикам. Оставляя длинный шлейф дыма, он упал в расположении противника.

В полдень зенитчики сбили «фокке-вульф», и Козлов, как мальчишка, закричал от радости:

— Разведчика срубили, ребята! Молодцы!

Воздушный бой затих, а танковый продолжался с нарастающей силой. Теперь Козлов все чаще поглядывал на юго-запад, где также могли появиться фашистские танки.

Ближе к вечеру на огневой появился офицер штаба корпуса и сообщил, что комкор приказал зенитчикам сменить огневую позицию, выдвинуться вперед и быть в готовности к отражению танков.

— Вся артиллерия брошена вперед, — добавил офицер. — Надо нанести мощнейший удар по противнику. Понял?

Позицию батарея заняла на скате небольшой высоты. Привели орудия к бою и вскоре открыли стрельбу по приближающемуся противнику. Было непривычно вести огонь по медленно движущимся целям, но зенитчики даже радовались этому.

— По танкам, бронебойным... огонь! — командовал Козлов.

Вместе с ними по врагу били сорокапятки, полковушки, 76-миллиметровые и танковые пушки. Отдельные выстрелы слились в мощный, вибрирующий гул. Зенитки в отличие от полевых орудий стреляли очередями. Снаряды попадали в пехоту и в танки, пробивали броню, перебивали гусеницы или выводили из строя танковую пушку. Танкисты тоже били по батарее. Один снаряд попал в зенитное орудие и ранил весь расчет...

Поздним вечером бой стих. Командир корпуса вызвал на командный пункт офицеров и сказал:

— Много танков и другой боевой техники, солдат оставил противник на поле боя. Запомните, что начавшееся сегодня сражение войдет в историю. Выиграют его не «тигры», «фердинанды» или «пантеры», а мы, советские люди... Потом сами пойдем в наступление. На раскачку времени не будет. Ударим так, чтобы на Днепре аукнулось...

Правду сказал генерал. Через некоторое время наши войска были на Днепре. Завязались исключительно горячие бои на захваченных пехотой плацдармах.

Батарея Козлова тоже переправилась на правый берег реки и сбила здесь два вражеских самолета.

Двое суток не смолкали завывание вражеских моторов, гром рвущихся бомб и орудийных выстрелов. Зенитная батарея старшего лейтенанта Козлова за время боев на Днепре в общей сложности сбила семь фашистских стервятников.

В представлении Козлова к званию Героя Советского Союза говорится: «За время четырехмесячных наступательных боевых действий на Белгородском, Харьковском и Киевском направлениях батарея старшего лейтенанта Козлова Виктора Михайловича уничтожила 13 самолетов. 14 октября 1943 года в бою под Богдановкой группа вражеских самолетов пыталась подавить батарею во время переправы на остров Днепра в районе южнее Ржищева, но воины батареи во главе со старшим лейтенантом Козловым проявили героизм, отразили все налеты авиации противника» [1].

Бои за Прибалтику для майора Козлова начались, когда он уже был Героем Советского Союза. 10-й танковый Днепровский корпус резерва Верховного Главнокомандования освобождал Тарту, Валгу, Валмиеру, Цесис, Ригу. Козлов к этому времени стал заместителем командира 693-го зенитного артиллерийского полка. Полк прикрывал танки. На одном из перекрестков дорог противник закопал в землю «тигры», которые сумели подбить несколько советских машин. Козлов подъехал к вышедшим из строя тридцатьчетверкам. Тут же стояла пожилая женщина. Она показала рукой на церковь, сказала:

— Там наблюдатели.

Козлов посмотрел на это высокое красивое здание и понял, что именно оттуда противник управляет своими танками, орудиями и минометами. Он решил уничтожить вражеского наблюдателя. Когда прибыла головная батарея, Козлов подозвал комбатра:

— Надо уничтожить гитлеровца, засевшего в куполе, — сказал он.

Несколькими выстрелами противник был обезврежен.

— Спасибо, мамаша! — пожал женщине руку Козлов.

---

[1] Архив МО, ф. 33, оп. 793756, д. 22, л. 62.

— Товарищ командир! — запыхавшийся от бега мальчуган не мог сразу отдышаться. — Там наши машины пошли к минному полю.

—А ты откуда знаешь, что там минное поле? — усомнился майор.

— Я видел, как фашисты ставили там мины, — ответил паренек. — Вот такие коробки.

Козлов включил рацию и передал в эфир:

— «Чайка», «Чайка»! Я — «Дятел». Немедленно остановите колонну и ждите меня.

Убедившись, что командир батареи понял приказ, Козлов сел в «виллис», подозвал паренька и спросил:

— Тебя как зовут?

— Пауль.

Козлов вытащил из планшетки два бланка с отпечатанным на них текстом благодарности, вписал туда имена и фамилии женщины и паренька.

— Спасибо вам, — сказал он. — Берегите эти бумаги, они могут пригодиться...

Перед началом боев за освобождение Латвии в корпусе было зачитано обращение граждан города Валмиеры.

«Дорогие воины! — говорилось в нем. — Вы стоите перед нашей столицей, перед красавицей Ригой. Спасите тысячи своих братьев и сестер, тысячи стариков и детей, ждущих вас в Риге как своих освободителей».

После митинга Козлов прочитал обращение жителей еще раз, сел на поваленное у дороги дерево и написал письмо матери:

«Я знаю, родная, что на твоих плечах лежат не только дом и семья в шесть человек, но и сельхозартель «Октябрь». Тебе трудно, очень трудно. Но крепись, мама. Скоро выгоним врага со всей нашей земли. Посылаю вырезки из газет, где говорится и обо мне. Сохрани их как память».

Первый тяжелый бой в Латвии зенитчики приняли под Валмиерой. Там 693-й зенитный артиллерийский полк, командиром которого только что стал подполковник Козлов, сбил несколько вражеских самолетов, пытавшихся разбомбить город. Впоследствии с учетом этого городской исполнительный комитет присвоил Козлову Виктору Михайловичу звание почетного гражданина города. За освобождение Цесиса подполковник Козлов получил благодарность Верховного Главнокомандующего.

Танки двинулись на Ригу. Вместе с ними шел зенитный полк, всегда готовый к отражению атак воздушного

противника. Радостное настроение царило в полку. Зенитчики понимали, что им выпала честь освободить от врага столицу Латвии, спасти ее жителей.

На Псковском шоссе, под самой Ригой, над боевыми порядками советских войск появилось 15 вражеских самолетов. Козлов приказал батареям съехать с дороги, привести орудия в боевое положение. И, когда «юнкерсы» стали разворачиваться для бомбометания, зенитчики открыли огонь. Один из бомбовозов с черным дымовым шлейфом врезался в землю. Два его пилота спускались на парашютах. Подполковник приказал захватить их в плен. Через час они стояли перед Козловым. Он взглянул на их растерянные лица и распорядился отправить в штаб корпуса.

693-й зенитный артиллерийский полк под командованием подполковника Козлова получил наименование Рижский. После освобождения Риги сражался в Курляндии, воевал в Восточной Пруссии, освобождал Польшу и Чехословакию. Последний вражеский самолет зенитчики Козлова сбили невдалеке от Праги...

ХОЗЯИН ТЯЖЕЛЫХ ГАУБИЦ

Герой Советского Союза
генерал-лейтенант
Б. П. КИРПИКОВ

Светало. Две батареи 152-миллиметровых гаубиц стояли на краю кладбища в готовности открыть огонь по крепостной стене города Пириц. Командир дивизиона майор Кирпиков Б. П. знал, что трехметровая толщина стены защищает крупный фашистский гарнизон, который стоит на пути советских войск.

Ночью артиллеристы на руках выкатили гаубицы на заранее подготовленные огневые позиции и замаскировали их. Сейчас стволы мощных орудий были направлены в одну точку крепостной стены, находящейся от них всего в ста пятидесяти метрах. Никогда ранее майору Кирпикову не приходилось так близко подтягивать тяжелые гаубицы к объекту разрушения. А сейчас противник рядом. Кажется, протяни руку — и достанешь холодные кирпичи стены.

Задача у артиллеристов была непростая: сделать один или несколько проломов в крепостной стене, чтобы туда могли устремиться танки и пехота. Сложность ее состояла не только в том, что предстояло разрушить весьма прочное сооружение, но и в большой опасности для расчетов. Гитлеровцы могли поразить их даже автоматным огнем... Кирпиков учел это и сделал все, чтобы и задача была выполнена, и люди остались целы.

За сутки до выхода орудий на прямую наводку офицер поставил гаубицы двух других батарей на расстоянии 300 метров друг от друга с задачей подавить все выявленные огневые точки и наблюдательные пункты врага, могущие из-за крепостной стены вести прицельный огонь по орудиям разрушения.

Вечером, перед тем как артиллеристы приступили к выдвижению гаубиц на кладбище, пехота усилила огонь по вражеским оборонительным сооружениям. Стреляли пулеметы, батальонные и ротные минометы, полко-

вые пушки. Это нужно было для маскировки возможных шумов в районе огневых позиций тяжелого дивизиона. Ведь переместить вручную мощные гаубицы — дело чрезвычайно трудное, требующее много времени. К тому же поставить орудия следовало незаметно для противника. Наблюдательный пункт командира дивизиона находился на часовне, где были размещены телефонные аппараты, радиостанции, стереотруба.

Когда наступило согласованное ранее время, Кирпиков скомандовал батареям обеспечения открыть огонь. В один голос заговорили орудия, подавляя выявленные ранее огневые точки и наблюдательные пункты противника. Гаубицы стреляли метко, потому что каждый их выстрел был прицельным. Они тоже вели огонь прямой наводкой.

Начальник штаба дивизиона капитан Карих доложил Кирпикову:

— Товарищ ноль-первый! Дорожка песком посыпана.

Это значило, что огневые точки врага подавлены и можно начинать стрельбу на разрушение.

Утреннюю тишину нарушили выстрелы тяжелых гаубиц. Сорокакилограммовые бетонобойные снаряды с грохом рвались на небольшом квадрате крепостной стены. Разрывы снарядов напоминали размеренные удары гигантской кувалды по каменной наковальне. Одновременно вели огонь и орудия прикрытия — их снаряды рвались в городе.

Рядом с батареями находились автоматчики, пулеметчики, петеэровцы. Они лежали, курили, изредка переговаривались, ожидая команды «Вперед!».

Кирпиков, не вмешиваясь в работу командиров батарей, взводов и орудий, следил за стрельбой. Он подошел к огневой позиции сержанта Крынкина. Красиво, четко и слаженно работал расчет орудия. Шесть выстрелов в минуту для 152-мм гаубицы было очень хорошо.

Стена не поддавалась. А это означало, что в любой момент гитлеровцы могли открыть ответный огонь, забросать батареи снарядами и минами и сорвать выполнение задачи. Это могло привести к срыву наступления на город.

— Товарищ майор, вас к телефону, — донесся до него голос телефониста.

— Ноль-первый слушает, — ответил Кирпиков.

— Как там у тебя, Борис Петрович? — услышал он

голос командира 86-й гаубичной артиллерийской бригады полковника Сазонова.

— Бьем, — сообщил майор.

— И как?

— Пока только выбоины делаем.

— Вы старайтесь в одно место всеми орудиями бить,— посоветовал Сазонов.

— Именно так и стреляем.

— Жду результатов, — сказал Сазонов и положил трубку.

Кирпиков понял, что комбриг недоволен. Действительно, скоро будет уже по полсотне снарядов израсходовано, а толку нет. Лучше бы он сказал что-нибудь, чем вот так... Даже неудобно перед командиром, который слывет грамотным, культурным, исключительно выдержанным артиллеристом.

Только Кирпиков отдал трубку телефонисту, как у орудий раздалось «ура!». Брешь в стене была пробита, и в нее кинулись пехотинцы.

Майор опять взял трубку и вызвал комбрига.

— Проломили, товарищ полковник! — радостно доложил он. — Пехота уже пошла.

— Хорошо. Надо идти туда и тебе вместе со всеми командирами батарей, — распорядился Сазонов. — Да и штабу здесь делать нечего. Пока в городе паника, громите фашистов.

Через двадцать минут Кирпиков уже вел огонь с закрытых позиций, а две гаубицы из тех, которые проломили стену, медленно двигались за пехотой в качестве штурмовых орудий.

Майор подошел к одной из них и увидел героя дня наводчика Иванова.

— Сколько выпустил снарядов?

— После пятидесятого дырка появилась, товарищ майор. Отвалившийся кусок стены так шлепнулся, что гаубица подпрыгнула, думали — землетрясение.

— Смотри в оба, Иванов. Сейчас придется бить по подвалам — там засели гитлеровцы.

— Теперь выкурим, не беспокойтесь. Уж матушка-пехота ворвалась, ручьем весенним покатилась в город и до врагов-фашистов добралась, а рядом с ней артиллерийский молот.

— Что-что? Повтори, — не понял Кирпиков.

— И мы идем, вернее, катим пушки, — продолжал Иванов. — Несем снаряды и злость свою несем, с пехотой

рядом, рядом, рядом: уверен, город к вечеру возьмем. А там опять дороги и дороги, к Берлину нас они ведут, ведут, ведут... Опять как дважды, может, даже трижды — ключи берлинские берлинцы нам сдадут.

— Иванов! Да вы поэт-раешник! — воскликнул Кирпиков. Глаза его засветились огнем. А Иванов продолжал:

— И мы возьмем, передадим их внукам, чтоб помнили и нас, и те бои, что мы вели почти четыре года, бои за Родину и за дома свои...

— Орудие к бою! — скомандовал сержант Крынкин, и солдаты, а вместе с ними и ефрейтор Иванов, только что читавший стихи, бросились к гаубице, в течение трех минут привели ее к бою и начали бить по подвалу, который показал молоденький солдат-пехотинец.

К исходу дня город Пириц был взят. Войска устремились на запад. А майор Кирпиков, возглавляя колонну дивизиона, вспоминал прежние бои, прожитые годы, неприхотливые стихи Иванова. Помнится, тот и под Понырями декламировал:

— Ведут бои за Поныри советские богатыри. За землю, за любимый дом, чтоб враг не спал, не жил бы в нем...

Поддерживая тогда 13-ю армию, 86-я тяжелая гаубичная артиллерийская бригада прорыва заняла боевой порядок на рубеже станции Поныри — село Никольское. Личный состав дивизиона, недавно прибывший с Дальнего Востока, еще не был обстрелян. Бойцы усиленно окапывались, маскировались, выверяли орудия, сортировали боеприпасы. Все знали, что десятки вражеских дивизий с «тиграми», «пантерами», «фердинандами», с тысячами самолетов, орудий, минометов сосредоточились в районе Курской дуги, чтобы попытаться взять реванш за поражение под Сталинградом. Об этом не раз размышляли старший лейтенант Кирпиков, начальник штаба дивизиона, только что получивший партийный билет.

После окончания Подольского артиллерийского училища Кирпикова направили служить в 181-й артиллерийский полк, расквартированный на востоке. Командовал полком майор Хетагуров Георгий Иванович. Это его жена Валентина бросила клич с призывом к девушкам ехать на Восток.

Хетагуров заметил молодого лейтенанта, у которого хорошо шли дела во взводе. За усердие в работе, высокие показатели в боевой и политической подготовке Кирпикову было присвоено звание старшего лейтенанта.

В конце 1942 года его назначили на должность начальника штаба дивизиона, а потом — заместителя начальника штаба полка.

При назначении на должность начштаба майор Хетагуров пригласил Кирпикова к себе, долго беседовал с ним.

— Мы сейчас стоим на границе, — говорил он. — Это тоже фронт. Готовьте себя к бою. Не ждите, что кто-то принесет вам на блюдечке знания, опыт, сноровку. Командир все познает сам. Главная наука для каждого из нас — жизнь. Вникайте в все, изучайте. Добивайтесь от подчиненных максимального напряжения, учите их в окопах, на ветру и морозе. Ругаться, ворчать будут, жаловаться. А вы продолжайте: учите подразделения окапываться, пищу готовить в траншее, спать под открытым небом, подниматься среди ночи и совершать многокилометровые марши — все это пригодится в настоящем бою.

Под Понырями капитан Кирпиков вспомнил эти слова Хетагурова. Он взялся за лопату, потом за топор, чтобы перекрыть траншею, приспособленную под штаб дивизиона.

В 2 часа 20 минут 5 июля 1943 года тяжелые гаубицы дивизиона заговорили не на полигоне, а в бою, участвуя в артиллерийской контрподготовке по врагу. Впоследствии, когда гитлеровцы прорвали нашу оборону в районе Малоархангельска и стали продвигаться к станции Поныри, командир батареи старший лейтенант Бойко Виталий Кириллович вместе со взводом управления совершил коллективный подвиг. Находясь на НП у села Никольское, Бойко попал в окружение. Он продолжал корректировать огонь своей батареи, а потом и дивизиона, ибо основные силы противника двигались на него.

До роты гитлеровцев окружили пункт, пытаясь захватить артиллеристов живыми. Это врагам не удавалось: разведчики и связисты отстреливались из карабинов. Но силы были очень неравными: семь против восьмидесяти. Бойко подготовил огонь по своему пункту, передал данные на все батареи и, когда фашисты подошли к артиллеристам на сорок — пятьдесят метров, открыл сосредоточенный огонь дивизионом. Атака гитлеровцев была отбита, а артиллеристы не понесли никакого урона. Потом бойцы шутили, что у осколков наших снарядов есть глаза и они, дескать, поражают только врагов.

Начальник штаба дивизиона капитан Кирпиков помогал командиру управлять боем, готовил данные, вносил в них поправки, обеспечивающие большую точность огня,

изучал людей. Героическое поведение на НП старшего лейтенанта запечатлелось в его памяти, и он вспоминал о нем в самые трудные минуты жизни, как о примере для подражания.

За участие в боях на Курской дуге капитан Б. П. Кирпиков был награжден орденом Красной Звезды.

Выдержав вражеский удар и разгромив гитлеровцев на Курской дуге, Центральный фронт перешел в наступление и в скором времени вышел к Днепру.

— А где же журавли? — шутливо поинтересовался у Кирпикова новый начальник штаба дивизиона старший лейтенант Карих. — Те, что в песне летят над Днепром?

— Журавли? — усмехнулся командир дивизиона. — Готовьте данные для всех батарей. Пехота скоро начнет переправу севернее Лоева. Сорокакилограммовые «журавли» полетят на головы гитлеровцев. А когда стрелки двинутся на тот берег, я пойду вместе с батарейными взводами управления.

Тяжелый гаубичный дивизион во время артиллерийской подготовки вел огонь по батареям противника. Кирпиков внимательно следил за выполнением таблицы огня, держал связь с пехотой. Он видел, как люди подтаскивали к берегу лодки, баркасы, бревна, спускали их на воду, поспешно грузились и усиленно работали веслами. Артподготовка еще продолжалась, а переправочные средства штурмовых групп и артиллерийских наблюдателей уже подходили к правому берегу. Люди выскакивали из лодок и бежали вперед, карабкались на высокий берег, цепляясь за маленький кусочек земли, который потом должен стать плацдармом. Каждый знал свою задачу и выполнял ее умело, самоотверженно. Вышли на берег и выбрали НП и артиллеристы Кирпикова. Командир дивизиона подготовил данные для ведения огня перед передним краем пехоты.

— Танки! — крикнул кто-то из разведчиков. Действительно, в направлении НП двигались пять танков и цепь пехоты.

— НЗО «А»! — скомандовал капитан.

Дивизион открыл огонь. Тяжелые снаряды рвались около гитлеровцев. Танки остановились, а пехота залегла... Так повторилось несколько раз. Один вражеский танк загорелся. Появившиеся в этот момент полковые орудия подбили еще два.

Несколько дней вел дивизион огонь, поддерживая пехоту, расширявшую плацдарм. А потом войска пошли

вперед. Преодолевая заболоченные участки, готовя переправы через полесские реки и ручьи, разминируя дороги, артиллеристы медленно продвигались вперед...

Прошли месяцы. В составе 1-го Белорусского фронта дивизион участвовал в освобождении Польши, форсировал Вислу, обеспечивал огнем действия танков и пехоты в Висло-Одерской операции.

К началу 1945 года Кирпиков стал опытным фронтовиком. Его грудь украсили кроме Красной Звезды ордена Красного Знамени и Суворова III степени. Майор не раз вспоминал добрым словом своего первого командира полка Хетагурова, учившего его премудростям армейской жизни.

С 16 апреля 1945 года 86-я гаубичная артиллерийская бригада полковника Сазонова переключилась на поддержку стрелковых частей, наступавших на Берлин. Комбриг вызвал Кирпикова и сказал:

— Дни фашизма сочтены. Нужно, чтобы их стало еще меньше. Ваш дивизион поспособствует этому. К 6.00 надо выйти на окружную автостраду северо-западнее Бломберга, оседлать ее и никого не пускать к Берлину.

— Утром начнет наступление 79-й стрелковый корпус, — сказал Кирпиков.

— Вот и хорошо. Обеспечьте ему дорогу, а врага не пропускайте. Ясна задача?

— Так точно! — ответил майор.

До автострады было недалеко — 10—12 километров. Даже на тягачах это расстояние можно преодолеть за час. Но сделать это они должны одни, без пехоты. Впереди — ни одного советского солдата. С подобной ситуацией подчиненные Кирпикова встретились впервые. Были бы на месте гаубиц полковые или дивизионные пушки — другое дело. А тут неповоротливые и тяжеленные махины. Что ими можно сделать в случае нападения вражеской пехоты или танков?

Пока ехал от комбрига, майор думал о том, как лучше выполнить задачу. Прибыв в дивизион, собрал офицеров.

— Орудия расчехлить! — приказал он. — Автоматы и карабины зарядить. Всем получить и снарядить гранаты. Первыми идут к автостраде взводы управления во главе с капитаном Костиным. Они ведут разведку пути, выбирают огневые позиции, прикрывают матчасть. Я возглавляю колонны 1-й и 2-й батарей. Затем следуют 3-я и 4-я батареи. Замыкает колонну дивизиона взвод боевого питания. Старший — начальник штаба капитан Карих...

Медленно двинулся дивизион к автостраде. Тракторы шли, не зажигая фар. Орудийные расчеты двигались справа и слева в готовности к немедленному отражению нападения противника. Над дорогой висел густой, как молоко, туман. Видимости почти не было. Гаубицы пересекали проселочные дороги, лощины, перелески. Кое-где по ним стреляли. Но артиллеристы не обращали на это внимания и продолжали двигаться к шоссе.

В 6.30 21 апреля две батареи дивизиона вышли на автостраду и начали разворачиваться на огневых позициях, выбранных капитаном Костиным. Но не успели гаубицы встать на назначенные им места, как с ближайшей опушки леса раздалась автоматно-пулеметная стрельба, а на шоссе послышался гул танковых двигателей.

Кирпиков с ординарцем лежал у шоссе. Танкисты заметили гаубицы и тоже открыли огонь. Начали стрелять и автоматчики, сидевшие на броне. Светящиеся пули роями летели над орудиями, попадали в стальные щиты, стволы, станины, рикошетировали, с визгом устремляясь в серое утреннее небо.

Майор ползком добрался к орудию сержанта Крынкина.

— Немедленно огонь по головному! — приказал он.

— Мы уже приготовились, товарищ майор, — ответил сержант. — Иванов, как?

— Готово.

— Огонь!

Брызнуло ярким пламенем орудие Крынкина. Тяжелый снаряд угодил в башню головного танка. Тот остановился. Пехоту с него как ветром сдуло.

— Молодец, поэт! — похвалил наводчика Кирпиков и пополз ко второму орудию. Весь огонь противника сосредоточился на гаубице Крынкина. Воспользовавшись этим, все орудия дивизиона изготовились к стрельбе...

Гаубицы в упор били по танкам, штурмовым орудиям, бронетранспортерам. Били и по пехоте осколочно-фугасной гранатой. А управленцы под командованием капитана Костина стреляли из карабинов, метали гранаты в пехоту, пытавшуюся захватить орудия. Кирпиков успел развернуть все четыре батареи, организовать круговую оборону. Огонь из карабинов, автоматов, пулеметов и пистолетов вели все — не только огневики и разведчики, но и связисты, бойцы боевого питания, повара преграждали путь гитлеровцам, пытавшимся прорваться в Берлин.

Два часа продолжалась схватка. Почти половину людей и орудий потерял дивизион, но врага не пропустил. На шоссе остались четыре подбитых танка и множество другой боевой техники.

«...При подходе к автостраде, — говорится в наградном листе Б. П. Кирпикова, — колонна дивизиона была разрезана танками противника, но только благодаря отваге личного состава и умелому управлению подразделениями майора Кирпикова дивизион отразил атаку танков... Артиллеристы подбили 4 танка и уничтожили всю пехоту противника, находившуюся на них».

Когда бой был окончен, на автостраду вышли советские тридцатьчетверки, направлявшиеся к Берлину.

А майор Кирпиков был ранен у орудия Крынкина, откуда руководил боем. Пуля попала в правое бедро, где и осталась до сих пор, периодически напоминая генерал-лейтенанту о том последнем бое, в котором он принимал участие.

В тот момент к нему подбежал сержант.

— Что с вами, товарищ майор? — спросил он встревоженно.

— Да вот, подбили меня, — ответил командир дивизиона. — Позовите начштаба.

Когда подошел капитан Карих, майор сказал ему:

— Костя! Принимай дивизион. Но я никуда не уйду, покуда не выпустим по Берлину первые снаряды. Так и доложи комбригу.

— Кому из комбатров поручим это?

— Алексею Костину. Дрался он, как лев. Кстати, попроси замполита немедленно написать представление его к Герою, а весь личный состав дивизиона — к орденам и медалям. Сам подпишу.

Узнав о ранении Кирпикова, полковник Сазонов сказал начальнику штаба дивизиона:

— Первым, как и решил майор, пусть откроет огонь по Берлину батарея Костина. Цель — железнодорожный вокзал Берлин-Силезский. После этого Кирпиков должен отправиться в медсанбат.

Еще сутки Кирпиков находился в дивизионе. При нем артиллеристы произвели первый залп по логову фашизма, начали бои за Берлин. Спустя много лет в книге «На службе штабной» начальник штаба артиллерии фронта Г. С. Надысев напишет: «86-я тяжелогаубичная бригада 5-й артиллерийской дивизии прорыва в период Берлинской операции действовала в полосе 79-го стрелкового

корпуса. Подавляя и уничтожая живую силу и огневые средства, разрушая инженерные сооружения гитлеровцев, бригада под командованием полковника Н. П. Сазонова обеспечила успешное наступление частей корпуса с одерского плацдарма. Эта же бригада обеспечила и стремительное наступление 207-й стрелковой дивизии, которая первой вышла к столице фашистской Германии и завязала уличные бои. Во время уличных боев с 20 апреля по 1 мая батареи бригады действовали в штурмовых группах, разрушали здания, уничтожали огневые точки и гарнизоны в домах и вместе с пехотой очищали квартал за кварталом. Орудия 1-го дивизиона бригады были развернуты в 200—300 метрах от рейхстага; ведя огонь прямой наводкой, они обеспечили успех пехоты на этом важном участке» [1].

А Кирпиков писал тогда из госпиталя:

«Дорогие мама и папа! Не пугайтесь. Я ранен. Дело идет к поправке. Жаль только, что старшему вашему сыну не пришлось добивать фашистов в Берлине. Это успешно делают его боевые товарищи. Час возмездия наступил. До скорой встречи в Серове».

Борис Петрович Кирпиков приехал к родным в город Серов Свердловской области после выздоровления. На его груди красовались многие ордена и медали, в том числе орден Ленина и Золотая Звезда Героя Советского Союза. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 31 мая 1945 года это высокое звание присвоено полковнику Сазонову Николаю Петровичу, майору Кирпикову Борису Петровичу и капитану Костину Алексею Сергеевичу.

---

[1] Надысев Г. С. На службе штабной. М., 1976, с. 264—265.

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН

Герой Советского Союза
генерал-майор
С. Е. КУЗЬМИН

Несколько лет тому назад Герой Советского Союза генерал-майор артиллерии С. Е. Кузьмин получил письмо из чехословацкого города Кралупы. Председатель Национального комитета города Иосиф Галан писал, что очень сожалеет о том, что Сергея Евдокимовича, почетного гражданина Кралупы, не было в составе последней делегации. В письме еще раз подчеркнута выдающаяся роль советских воинов в освобождении Чехословакии от фашистских поработителей, говорится о нерушимой дружбе и сотрудничестве братских народов в строительстве социализма и коммунизма.

Сергей Евдокимович Кузьмин действительно участвовал в боях за освобождение Чехословакии. В составе 5-й гвардейской армии отличилась при этом и 155-я армейская пушечная артиллерийская бригада, которой он командовал.

Бригада вместе с подвижным отрядом армии стремительно двигалась на помощь восставшему населению Праги, уничтожая на своем пути артиллерийским огнем очаги сопротивления противника. На подступах к городу Кралупы во взаимодействии с 58-й гвардейской стрелковой дивизией и с помощью местных партизан она разгромила части прикрытия противника, освободила жителей этого города от фашистского ига и захватила мосты через реку Влтава. По этим мостам наши войска двинулись к Праге. После освобождения столицы Чехословакии бригада вернулась на некоторое время в город Кралупы.

За успешные боевые действия в Пражской наступательной операции 155-я армейская пушечная артиллерийская бригада была награждена орденом Ленина и отмечена в приказах Верховного Главнокомандующего. С. Е. Кузьмин и большое число других воинов бригады были награждены советскими и чехословацкими орденами и

медалями. В знак признательности своим освободителям местные органы власти и население Кралупы назвали одну из улиц города именем Кузьмина, избрали его почетным гражданином города, а также воздвигли там памятник артиллеристам.

...Сергей Евдокимович Кузьмин родился в 1910 году в селе Кубассы Чистопольского района Татарской АССР. Его судьба типична для многих людей, рожденных в начале XX века, а биография — частица биографии Родины.

Самостоятельную жизнь он начал рано, в 11-летнем возрасте. В голодном 1921 году лишился родителей и близких, стал беспризорником. Пять лет скитался по стране в поисках средств существования и трудился на разных работах. Таких, как он, беспризорных и обездоленных сирот, бродило тогда по дорогам страны многие десятки тысяч. В период восстановления народного хозяйства и индустриализации СССР Сергей Кузьмин работал в городе Сумы на заводе «Сельмаш», в начале тридцатых годов был шахтером Донбасса и фрезеровщиком Сталинградского тракторного завода. В то время формировалось и закалялось новое поколение строителей и защитников социализма. В 1932 году комсомолец Кузьмин был мобилизован в Красную Армию.

Юноша сменил штатский костюм на военную форму. Первого мая 1936 года успешно окончил Сумское артиллерийское училище и получил звание лейтенанта. Назначили его в одну из частей Дальневосточного военного округа, в составе которой он участвовал в пограничных стычках с японскими агрессорами. В июне 1941 года окончил артиллерийскую академию в Москве и в звании старшего лейтенанта был направлен на Западный фронт.

Первый бой противотанковая батарея Кузьмина провела на Березине. 76-миллиметровые пушки стояли на танкоопасном направлении, преграждая гитлеровцам путь на Москву. И вот появилось десятка три танков. Вначале старший лейтенант растерялся, но потом взял себя в руки и указал каждому орудию порядок ведения огня. Когда танки приблизились на дальность прямого выстрела, скомандовал: «Огонь!»

Старший лейтенант был уверен, что наводчики не промахнутся. И действительно, когда рассеялся дым от выстрелов, Кузьмин увидел четыре горящие машины врага. Но другие продолжали идти, и по ним ударили батарейцы. Загорелось еще четыре. Радость первой победы

вскружила головы артиллеристам — они даже не заметили, как батарею атаковал бомбардировщик «Ю-87». Пять человек были убиты, несколько ранены. Батарея замолчала. Воспользовавшись этим, вражеские танки и пехота устремились вперед.

— К орудиям! — скомандовал Кузьмин и первым сел к прицелу. Дальше все шло, как во сне. Пушки стреляли без команд. То и дело нажимал на спусковой рычаг и старший лейтенант: он лично подбил два средних танка.

Перед батареей застыли десять сожженных машин. Атака врага захлебнулась. Артиллеристы получили команду на смену огневых позиций.

— Боев будет много, друзья, — сказал потом Кузьмин. — Нам всем надо быть бдительными и ни на минуту не забывать об охранении и разведке...

Московская битва закончилась полной победой советских войск, и на фронте наступило временное затишье. Кузьмин попросился в другое, более «горячее» место фронта. Но ему отказали.

Лишь в августе 1942 года, когда гитлеровцы вышли к Сталинграду, Кузьмину, как бывшему рабочему Сталинградского тракторного завода, разрешили перевестись на Волгу. Он был назначен на должность старшего помощника начальника разведки артиллерии 66-й армии в Саратов. Вскоре боевой опыт, полученный им в боях 1941 года, пригодился. 5 сентября 1942 года в 9 часов утра после артиллерийской подготовки, в которой участвовала и реактивная артиллерия, войска армии стремительно атаковали вражеские позиции на рубеже Волга, Томилин, Кузьмичи, высота 144,2 (севернее Сталинграда). Здесь завязались ожесточенные бои с войсками 6-й армии Паулюса. Господствующую над местностью высоту 144,2 в районе Ерзовки атаковали подразделения и части 299-й стрелковой дивизии, которой командовал подполковник Г. В. Бакланов.

Выполняя распоряжение командарма-66 генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского об организации разведки противника и местности, разведывательная группа капитана Кузьмина действовала в первом эшелоне дивизии. Пехотинцы ворвались в траншею врага. Фашисты начали беспорядочно отходить. Вскоре гитлеровское командование бросило против наступающих танки и авиацию.

Артиллеристы открыли огонь по вражеским танкам. Вдруг кто-то из разведчиков крикнул:

— Товарищ капитан, справа прорвались немецкие танки! Орудийный расчет погиб...

Кузьмин тут же скомандовал:

— Разведчики, к орудию! По танку бронебойным, прицел... Зарядить!

Сам встал к панораме, навел орудие и выстрелил. Снаряд пролетел выше цели. Капитан прицелился в основание башни и нажал на спусковой рычаг. Танк загорелся и вскоре взорвался, а другие машины повернули обратно.

Соседние орудия и батареи тоже били по вражеским танкам. Стрелял и Кузьмин. Одна из фашистских машин повернулась к орудию бортом, и капитан увидел на башне черный фашистский крест. Ярость овладела Кузьминым. Он навел пушку и первым снарядом подбил врага. Танкисты попытались спастись через люк, но разведчики уничтожили их автоматным огнем. У капитана Кузьмина возникла мысль взять «языка». Он сказал об этом подчиненным. Все горячо поддержали его.

В разгар боя разведчик Василий Волчков обнаружил наблюдательный пункт противника на одной из высот.

— Товарищ капитан, — обратился он к Кузьмину. — Взгляните вон туда.

Кузьмин взял бинокль и увидел на высоте вражеского офицера, который внимательно смотрел в их сторону.

— На ловца и зверь бежит, — заметил капитан. — Будем брать, Волчков?

Тот с готовностью согласился.

Когда на высоте начали рваться снаряды, Кузьмин бросился вперед, то падая, то снова поднимаясь. За ним бежали три разведчика. Они открыли огонь по убегающим фашистам, а Кузьмин и его ординарец Волчков вскочили в траншею, скрутили руки рослому офицеру. У него оказалась штабная карта, на которой были нанесены боевые порядки 3-й моторизованной и 16-й танковой дивизий 14-го танкового корпуса 6-й немецкой армии.

Пленный сообщил, что он — офицер штаба этого корпуса, и подтвердил достоверность данных на его карте. Гитлеровец сказал, что командование корпуса и армии знало о сосредоточении свежей армии русских севернее Сталинграда... Переход ее в наступление ожидался 5-го или 6-го сентября и поэтому не был неожиданным. Немецкие войска спешно создавали прочную оборону. Их поддерживала авиация.

Командарм Р. Я. Малиновский, получив эти сведения, приказал нанести артиллерийские и авиационные

удары по объектам, обозначенным на карте офицера. Капитана Кузьмина и разведчиков, участвовавших в захвате пленного, пригласил к себе и объявил им благодарность...

Под прикрытием авиации и при огневой поддержке артиллерии части и подразделения 299, 120, 231, 64-й стрелковых дивизий, 246-й, 69-й танковых бригад продолжали наступление. Ожесточенные бои проходили с переменным успехом. Противник нес большие потери. Пленные из 3-й моторизованной дивизии сообщили, что их дивизия за трое суток боев потеряла не менее половины личного состава...

19 ноября 1942 года советские войска под Сталинградом начали решительное контрнаступление. Начальник разведки артиллерии армии капитан Кузьмин находился на передовом наблюдательном пункте и регулярно докладывал обстановку командующему артиллерией армии и иногда по его разрешению корректировал огонь армейской и приданной артиллерии в интересах армии.

В районе деревни Кузьмичи небольшая группа пехоты противника при поддержке двух танков ворвалась на НП, где в этот момент находился Кузьмин. Связь с огневыми позициями дивизионов и штабом артиллерии оказалась прерванной.

— Гранатами! — скомандовал Кузьмин. Штук пятнадцать гранат «Ф-1» полетели в противника. Часть гитлеровцев была уничтожена, а оставшиеся залегли. Воспользовавшись замешательством врагов, Кузьмин изловчился и бросил связку гранат под гусеницу танка. Тот остановился. Артиллеристы вышли из боя победителями.

В ходе уничтожения окруженной под Сталинградом группировки гитлеровцев войска 66-й армии приступили к очищению от врага Тракторного и завода «Баррикады». Здесь находилось более 20 тысяч вражеских солдат и офицеров во главе с генерал-полковником Штреккером. Для борьбы с ними новый командарм-66 генерал А. С. Жадов приказал создать штурмовые группы и отряды.

С разрешения командующего артиллерией полковника Полуэктова капитан Кузьмин возглавил одну из штурмовых групп 343-й стрелковой дивизии. Она состояла из стрелкового взвода с тремя противотанковыми орудиями. Кузьмин первым ворвался на родной Тракторный. Огнем орудий и автоматов группа выбивала гитлеровцев из цехов. Кузьмин вернулся в штаб артиллерии лишь после того, как весь завод был очищен от гитлеровцев.

2 февраля 1943 года капитан Кузьмин выступил на одном из митингов, организованном в честь освобождения Сталинграда. Здесь он встретил оставшихся в живых рабочих, с которыми трудился до войны. Завод был разрушен. На местах, где стояли станки, в том числе и фрезерный Кузьмина, теперь виднелись лишь искореженные металлические балки.

В этот день Кузьмин и его подчиненные в одном из подвалов завода взяли в плен десять немецких офицеров. С поднятыми руками гитлеровцы вышли на улицу. На них накинулись женщины.

— Не трогайте, — сказал им Кузьмин. — Наказание преступников — дело суда.

— Они ж, ироды, сожгли наш город. Можно ли им простить?

— Я тоже сталинградец, — ответил офицер. — Все вижу и переживаю. Но пленные есть пленные...

После Сталинградской битвы Кузьмин стал майором. Его приняли в ряды Коммунистической партии.

Во второй половине июля 1943 года, перед тем как развернулось наступление к Днепру, на командный пункт 5-й гвардейской армии прибыл Маршал Советского Союза Г. К. Жуков — представитель Ставки Верховного Главнокомандования. До встречи с генерал-полковником Жадовым он вызвал к себе офицеров-разведчиков армии. Майор Кузьмин обстоятельно доложил о группировке противника и его артиллерии, подтвердил разведданные аэрофотоснимками, высказал соображения о соотношении сил и средств, боеспособности артиллерии сторон. Маршал, внимательно выслушав его, заметил:

— Это именно те разведданные, которые сейчас нам нужны. — И, обратившись к Жадову, добавил: — На фронте вашей армии, Алексей Семенович, будем готовить и наносить главный удар.

Вторично на этот же наблюдательный пункт маршал Жуков прибыл 2 августа. От 5-й ударной армии во многом зависел успех предстоящей операции. Увидев Кузьмина, он поинтересовался:

— Как дела, разведчик?

— Нормально, товарищ маршал.

— Будут еще лучше, — улыбнулся Г. К. Жуков. — Нужно только и здесь разбить фашистов.

Вскоре наши войска на широком фронте вышли на Днепр.

...Была середина марта 1944 года. Стояла весенняя

распутица. Дороги, перепаханные танками и тягачами, стали почти непроходимыми. 8-я немецкая армия группы Манштейна упорно сопротивлялась, отступая под ударами войск 2-го Украинского фронта, в том числе 5-й гвардейской армии, ведущей бои на кировоградском направлении. Особенно жаркие бои развернулись на подступах к городу Новоукраинка.

Майора Кузьмина вызвал генерал-майор Полуэктов.

— Организуйте разведку вражеских тылов, — сказал он. — Работаем почти вслепую. Общевойсковики несут большие потери.

Через шесть часов после этого, ночью, две разведгруппы артиллеристов пересекли линию фронта и к утру оказались в районе дивизионных тылов. Собрав необходимые сведения, в том числе о местоположении огневых позиций, они возвратились. В это же время 12-летний подросток — сын разведподразделения Коля Печененко — по приказанию Кузьмина проник на огневые позиции артиллерии противника, насыпал в 12 стволов песку и благополучно вернулся в свое расположение. Утром, когда гитлеровцы открыли огонь, эти 12 орудий вышли из строя.

В течение 16 и 17 марта артиллерия армии уничтожала вражеские орудия и минометы, тыловые подразделения и резервы. А в это время 32-й и 33-й гвардейские стрелковые корпуса совершали обходный маневр и создавали угрозу окружения четырем фашистским дивизиям. В передовых частях 32-го стрелкового корпуса следовал и Кузьмин.

17 марта Новоукраинка была взята, а 18-го воины 2-го Украинского фронта услышали по радио приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, в котором отмечались войска, отличившиеся при проведении данной операции. В ознаменование одержанной победы 18 марта Москва салютовала из 124 орудий.

В марте 1974 года городские власти и трудящиеся города Новоукраинка избрали Кузьмина Сергея Евдокимовича почетным гражданином города...

Он воевал и в Молдавии. В районе города Григориополя его впервые тяжело ранило. После излечения он вернулся на фронт, проходивший уже по территории Польши.

Во Львовско-Сандомирской операции подполковник Кузьмин по заданию командования организовал противотанковую оборону и управление огнем артиллерии на ле-

вом фланге армии. Как и в битвах на Волге, под Курском, на Днепре, в Молдавии, он умело действовал в районе города Сандомира за Вислой. Только за один день 15 августа 1944 года артиллеристы армии уничтожили 60 фашистских танков, а 20 штук гитлеровцы вынуждены были оставить. Танки шли на высоту 225,7, где находился НП Кузьмина. Офицер спокойно подавал команды артиллерийским частям: «Волга», «Днепр», «Днестр», «Висла» (позывные полков и бригад. — *П. К.*), зарядить!» А после докладов о готовности командовал: «Огонь!» Масса огня обрушивалась на район, где находились враги.

С 16 по 19 августа подполковник Кузьмин, находясь в 13-й гвардейской стрелковой дивизии, участвовал в отражении контратак большого количества танков противника...

12 января 1945 года началась Висло-Одерская операция 1-го Украинского, а 14-го — 1-го Белорусского фронтов. Операция развивалась успешно и в высоких темпах. Уже 17 января войска 5-й гвардейской армии вошли в Ченстохов, а 1-й Польской армии — в Варшаву. И здесь в первых рядах артиллеристов находился офицер разведки артиллерии армии подполковник Кузьмин.

На пути 5-й гвардейской армии оказался город Бриг — вражеский форпост на Одере. По указанию командующего артиллерией армии генерала Полуэктова Кузьмин под вражеским огнем в короткий срок переправил за реку большое количество артиллерии, в том числе 100-миллиметровые противотанковые пушки. Вскоре гитлеровцы начали контратаки с целью вернуть утраченные позиции. На поле боя вышли «королевские тигры». И тут-то знаменитые сотки показали себя: каждое их попадание выводило танк из строя.

На рассвете 6 февраля артиллерия армии открыла массированный огонь по укреплениям вокруг Брига, данные для стрельбы по которым подготовили разведчики Кузьмина. Пехота и танки 33-го гвардейского стрелкового корпуса под прикрытием этого огня пошли на штурм и овладели городом. Генерал Г. В. Полуэктов в наградном листе на Кузьмина записал: «Только личным примером героизма, храбрости, мужества и жесткой требовательности подполковника Кузьмина ответственное боевое задание было выполнено с успехом».

Под Бригом Сергей Евдокимович был тяжело ранен. Узнав об этом, генерал-полковник А. С. Жадов приказал

доставить офицера в армейский госпиталь, а затем пригласил туда известного хирурга Сергея Сергеевича Юдина, работавшего в то время в госпиталях фронта.

Больше месяца шла борьба за жизнь Кузьмина. Из его груди хирург удалил 36 осколков, с ювелирной точностью соединил и сшил порванные кровеносные сосуды, несколько раз делал прямое и автономное переливание крови, боролся с гангреной. И Кузьмин встал на ноги, вернулся на фронт и принял под свое командование артиллерийскую бригаду. Буквально на второй день фашистские танки атаковали плацдарм наших войск на левом берегу Нейсе. Кузмин всю бригаду поставил на прямую наводку. В двухчасовом бою победили советские артиллеристы.

Ведя бои за Бреслау, Мускау и Шпромберг, а затем наступая южнее Торгау, западнее Риза, 155-я артиллерийская бригада прокладывала советской пехоте дорогу к Берлину.

После овладения Берлином бригада в составе ударной группировки 1-го Украинского фронта действовала на дрезденско-пражском направлении.

Наступательная операция здесь была проведена в период с 6 по 9 мая 1945 года. Началась она мощными огневыми налетами советской артиллерии по наиболее важным узлам сопротивления противника. Огонь был столь действенным, что на некоторых участках пехота, ворвавшись на вражеские позиции, обнаруживала лишь трупы гитлеровцев, разбитую технику и вооружение.

Подполковник Кузьмин управлял бригадой с передового наблюдательного пункта. В один из моментов боя начальник штаба бригады Закаличный доложил ему:

— Штаб армии просит уничтожить артиллерию в районе...

— Сколько ее там?

— Два дивизиона.

— Раздели бригаду на две части. По моей команде дать по десять снарядов на ствол.

— А пристрелка?

— Возможно скорее...

Кузьмину не раз за время войны приходилось пристреливать орудия, перерассчитывать данные для стрельбы. Он — чернорабочий войны, который прошел много командных и штабных должностей, прежде чем был назначен командиром бригады. Поэтому, став комбригом, часто брал на себя управление дивизионами и даже ба-

тареями, когда этого требовала обстановка. Вот и сейчас, пока штаб готовил данные, передавал их в подразделения, Кузьмин пристреливал артиллерийские позиции гитлеровцев батареей капитана Ф. Герасимова, чтобы затем внести поправки в установки для батарей. Система ПОР (пристрелочные орудия различных калибров) давно использовалась в бригаде. Этот метод пристрелки хорош тем, что позволял сохранить в тайне истинное число батарей, тратить в несколько раз меньше снарядов и времени. Пристреляв только одно орудие определенного калибра, можно получить исходные установки для стрельбы батарей и дивизионов того же калибра с учетом поправок на метеорологические и баллистические условия.

После того как все дивизионы доложили о готовности, Кузьмин произнес лишь одно слово: «Огонь!»

Сотни снарядов обрушились на артиллерию гитлеровцев, не успевшую сделать ни одного выстрела. Когда умолкло последнее орудие, танки и пехота пошли вперед, прорвали оборону противника и потом овладели крупными городами Саксонии — Дрезденом, Ротебургом, Кенигсбергом, Каменцом, Воинбахом, с ходу форсировали Эльбу, преодолели Рудные горы и вступили на территорию Чехословакии.

В приказе Верховного Главнокомандующего № 366 от 8 мая 1945 года отмечалось: «В боях за овладение городом Дрезден отличились войска генерал-полковника Жадова, генерал-полковника Гордова, танкисты генерал-полковников Рыбалко, Новикова, артиллеристы Полуэктова, Санько, подполковника Кузьмина...»

По дорогам дружественной страны 5-я гвардейская армия наступала со скоростью до 100 километров в сутки. Один за другим гвардейцы освободили города Литомержице, Мельник, Кралупы, Кладно и сотни других населенных пунктов.

Жители чехословацких городов и сел с восторгом встречали советских воинов-освободителей.

Недалеко от города Кралупы передовой отряд армии освободил из лагеря смерти более 300 узников. Население вышло навстречу своим освободителям с букетами цветов, в национальных костюмах, с чешскими и советскими флажками. Но советские воины не могли задерживаться — их ждала восставшая Прага.

9 мая 1945 года она была полностью освобождена. Одними из первых вместе с пехотой и танкистами в сто-

лицу Чехословакии вошли артиллеристы 155-й армейской артиллерийской бригады.

На одной из площадей к подполковнику Кузьмину подошла группа артиллеристов. Многих из них он знал еще по боям 1943 и 1944 годов. Это были офицеры Парфенов, Конзатый, Королев, Воредченко, Барданов, сержанты Лущип, Машков, Дмитриенко, Иванов, рядовые Орлов, Мельников, а также воспитанники — тринадцатилетние разведчики Коля Печененко и Володя Узбеков. Возглавлял эту группу командир дивизиона А. Ковалев.

— Разрешите познакомиться с жителями города? — спросил он у Кузьмина. — Для нас это очень важно...

Комбриг кивнул в знак согласия.

Он тоже шагнул в толпу, подошел к женщине с трехлетней девочкой, поднял ребенка высоко над собой, сказал:

— Мы тебе, родная, принесли свободу. Расти и помни нас, советских.

Слезинки невольно покатились по щекам подполковника. Женщина достала носовой платок и бережно вытерла их. Взволнованно заговорила:

— У меня нет братьев. Вы, советские солдаты, сейчас мои братья. У этой девочки немцы убили отца. Вы теперь ее отцы. У меня повесили мать. Ваша страна отныне моя мать...

Женщина припала к груди Кузьмина и, как ребенок, расплакалась. Он успокаивающе гладил каштановые волосы молодой женщины и утешал ее:

— Да, мы ваши братья, ваши отцы, ваши друзья. Россия и Чехословакия отныне будут навеки вместе. Горя вашего и нашего не выплачешь. Мертвых не вернешь. Будем теперь вместе бороться за то, чтобы это никогда не повторилось...

Подполковника увидел командующий артиллерией армии генерал Полуэктов.

— Узнаю тебя, Сережа, — сказал он. — Правильно поступаешь. Эти люди — наши братья. Будем же братьями всегда.

В послевоенные годы генерал-майор С. Е. Кузьмин несколько раз бывал в Чехословакии. За заслуги перед народом и государством Чехословакии в мае 1945 года он был награжден орденом «Заслуги перед народом», а в 1969 году — орденом Красной Звезды.

Когда друзья Сергея Евдокимовича спрашивают, каких наград у него больше — советских или иностранных, он отвечает по-артиллерийски:

— Соотношение два к одному в пользу советских.

Действительно, Сергей Евдокимович награжден двадцатью советскими и десятью иностранными орденами и медалями. Он имеет награды Чехословакии, Польши и Румынии.

Самой большой наградой, конечно, являются орден Ленина и Золотая Звезда Героя Советского Союза. Сергей Евдокимович стал Героем в боях на кюстринском плацдарме.

После окончания Академии Генерального штаба полковник Кузьмин работал в Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского, затем в Главном управлении кадров Советской Армии. В 1955—1957 годах командовал артиллерией Группы советских войск в Венгрии.

Ныне он живет в Москве. Его неуемная энергия сейчас отдается военно-патриотической работе, воспитанию новых поколений защитников Советской Родины.

ВСЯ ЖИЗНЬ — ПОИСК

Герой Советского Союза
генерал-полковник
И. Ф. САНЬКО

— Товарищ полковник! Начальник 3-го Ленинградского артиллерийского училища повышенного типа прибыл для получения нового назначения,— доложил полковник Санько работнику управления кадров артиллерии Советской Армии.

— Садитесь, Иван Федосеевич, — предложил полковник Гамов. — Знаю, хорошо знаю вашу службу. Только в военных учебных заведениях вы пробыли 12 лет: приобрели нужные педагогические качества, подготовили сотни командиров-артиллеристов. Давно проситесь на фронт. Теперь ваше желание удовлетворено. Но кем вас послать? Полком-то вы еще не командовали?

— Если нужно, я готов командовать на фронте батареей, — ответил Санько.

— Об этом речи не идет. Начальство хочет дать вам первоначально полк. Так что получите предписание в 575-й артиллерийский 108-й стрелковой дивизии. Желаю успехов. Думаю, долго там не засидитесь.

— Лишь бы драться с фашистами. Поймите меня правильно, Павел Васильевич. Кадровый офицер не может, не имеет права всю войну просидеть в тылу, даже если он очень там нужен. Разум говорит, что надо готовить кадры для фронта, а сердце — идти в бой, показать себя на войне...

Вечером 22 февраля 1942 года полковник Санько прибыл в штаб 5-й армии. Начальник артиллерии армии в это время находился в войсках. Санько занял койку в одной из комнат гостиницы и, уставший с дороги, уснул крепким сном. Утром встал, побрился, пошел умываться.

— Как отдохнули? — улыбнувшись, спросил его встретившийся в коридоре полковник.

— В День Красной Армии выспался вдоволь, — ответил Санько. — А вы тоже назначены к Парамонову?

— Как вам сказать, Иван Федосеевич, — не торопясь, проговорил незнакомец. — Я и есть тот самый Парамонов, который вам нужен. Одевайтесь. В честь праздника позавтракаем, потолкуем.

Немного смущенный Санько быстро оделся и направился в столовую, куда пригласил его Парамонов. За завтраком начарт рассказал о 575-м полке.

— Куцый полчок, скажем откровенно, Иван Федосеевич. Это, скорее, дивизион нормальный. По штату 575-й полк имеет два дивизиона трехбатарейного состава. И всего 12 122-миллиметровых орудий.

— И в каждой батарее по взводу, то есть по 2 орудия! — иронически заметил Санько.

— Я понимаю ваше разочарование. В училище у вас было 16 дивизионов, почти две с половиной тысячи курсантов. И вдруг такой полк! Но не расстраивайтесь. Сейчас так нужно. Потом вы все поймете.

— А я дивизию и не просил.

— Мне думается, начнут формировать артиллерийские дивизии — дадут и вам.

— С полком бы справиться, — улыбнулся Санько. — Ведь еще не воевал.

— Не боги горшки обжигают.

Сутки знакомился Санько с полком и его людьми, а затем собрал руководящий состав.

— Не жалеете вы солдат, товарищи командиры, — начал он. — Орудийных окопов и укрытий на огневых позициях нет. Снежные валики сделаны для отвода глаз, поэтому и ежедневные потери. Врагов уничтожаем мало, а своих людей теряем.

— На кашке сидим, товарищ полковник, — заметил командир дивизиона капитан Пугачев.

— С растительным маслицем, — добавил лейтенант Новиков. — Мы и сами с ног валимся. Хорошо, что соседские лошадки выручают. Нет-нет да и полакомимся кониной.

— Не болтайте ерунды, товарищи! — сказал начальник штаба полка майор Дараган. — К чему пустые слова? Полковник не привез с собой продовольственный склад. Тяжело? Да. Но огневые позиции нужно оборудовать как положено. И сегодня же ночью. — Дараган тут же зачитал первый приказ, подписанный Санько.

Рано утром Санько пошел на огневые, чтобы проверить, как выполняется его приказ. Вдруг противник начал артиллерийский обстрел. Командир полка спрыгнул

в окоп и увидел в нем четырех бойцов, с испугом следивших за разрывами снарядов.

— Почему не легли? — спросил у них Санько, когда обстрел прекратился.

— Привыкли, товарищ полковник, — ответил пожилой боец с усами.

— Могло убить или ранить...

— На войне всякое бывает...

— Беречься надо. Нечего на рожон лезть, — строго сказал полковник.

Четыре месяца командовал он полком. Больших боев не было, но батареи и дивизионы полка ежедневно вели огонь по врагу и наносили ему определенный урон. Санько лично контролировал пристрелку и управление огнем. Частенько приходил на наблюдательный пункт к лейтенанту Новикову, который оказался находчивым и смелым офицером, хорошо знающим свое дело.

В мае Санько назначили начальником артиллерии дивизии. Начал он со знакомства с передним краем обороны. Западнее деревни Иванники небольшая роща вдавалась во вражескую оборону. Проход к ней был настолько узок, что насквозь простреливался даже автоматным огнем, поэтому пройти туда можно было только ночью и ползком. Санько пробрался в выступ, ознакомился с обстановкой, посетил наблюдательный пункт одного из артиллерийских дивизионов.

— Как дела? — спросил начарт у лейтенанта.

— Похвалиться нечем, товарищ полковник, как в мышеловке сидим.

— Не расстраивайтесь. Мы что-нибудь сделаем, чтобы улучшить ваше положение. Во всяком случае, огнем вас обеспечим...

Вернувшись из рощи, Санько направился к командиру дивизии генерал-майору Пронину.

— Надо что-то срочно предпринять, товарищ генерал. Может быть катастрофа.

— Ну уж и катастрофа, — недовольно пробормотал комдив. — Панику разводить не следует.

— Не в панике дело. Надо бы высотку захватить, вот эту, — Санько указал на карте. — Тогда оборонять рощу будет легче, да и при наступлении...

— Демагогия это, полковник. Вас прислали начартом, а не советчиком. Занимайтесь артиллерией и обеспечьте окаймление рощи огнем так, чтобы и комар не проскочил. Ясно?

Ушел Санько обескураженным и обиженным. Вместе с начальником штаба артиллерии дивизии майором Шлейниковым он запланировал дополнительные участки заградительного и сосредоточенного огня, разработал таблицу световых сигналов на случай выхода из строя радио и проводной связи, выделил специальные подразделения для прикрытия горловины. Больше ничего сделать было нельзя, хотя оба понимали, что этого мало.

Дня через три после этого в блиндаж к Санько вбежал майор Шлейников:

— Беда, товарищ полковник. Немцы без артиллерийской подготовки атаковали перешеек и отрезали рощу.

— А мы проспали?

— Нет! Нет! Наши ведут огонь.

— Связь с лейтенантом есть?

— Прервана. Но он молодец, управляет огнем с помощью сигнальных ракет.

— А-а... — огорченно махнул рукой Санько. — Этого недостаточно.

Несмотря на то что артиллеристы израсходовали уйму снарядов, положение восстановить не удалось. Роща осталась у противника.

Этот эпизод оставил глубокий след в душе Санько. Он не раз вспоминал о нем, анализируя причины происшедшего. И всегда приходил к выводу, что вина за это в первую очередь ложилась не на артиллеристов, а на тех, кто не внял доводам о необходимости улучшения позиции наших стрелковых подразделений на этом участке.

Через некоторое время полковник Санько возвратился в распоряжение командующего артиллерией фронта. Здесь он выполнял отдельные поручения и задания командующего и начальника штаба артиллерии Западного фронта. Он внимательно присматривался к работе полковника Барсукова Георгия Дмитриевича — начальника штаба, генерал-лейтенанта Камеры Ивана Павловича — командующего, других командиров-артиллеристов. И это потом ему пригодилось.

В конце октября 1942 года полковника Санько назначили командиром 3-й артиллерийской дивизии прорыва Резерва Верховного Главнокомандования.

Иван Федосеевич опять оказался в отделе кадров артиллерии Советской Армии. Встретил его полковник Гамов.

— Ну, как постажировались в войсках? — спросил он у Сапько.

— Хорошую школу прошел, — ответил полковник. — Стал тем, о ком говорят: за него двух небитых дают... А это, как известно, дается непросто...

— Не переживайте. Мы знаем вас как хорошего артиллерийского начальника. Ваш опыт в школе сержантов, в Сумском артиллерийском, в училище Верховного Совета и особенно в 3-м Ленинградском пригодится на новой должности. Товарищи Камера и Барсуков характеризуют вас положительно. Дивизии еще нет — придется начинать с нуля. Поезжайте на место и приступайте к делу. Работать придется много. Людей и техники в дивизии в несколько раз больше, чем в полку.

Артиллерийская дивизия прорыва РВГК предназначалась для выполнения особо важных тактических и оперативно-тактических, оборонительных и наступательных задач. Ей отводилась роль всесокрушающего молота при прорыве долговременной обороны противника. А в обороне дивизия как огневой щит преградит путь танкам и пехоте противника.

Штаб дивизии приступил к работе. Одни работники получали личный состав, технику, вооружение, боеприпасы, горючее, продовольствие, обмундирование, другие прямо на фронте объединяли 14 артиллерийских полков в бригады. За короткий срок командование и штаб дивизии проделали большую работу по организации и сколачиванию частей. Полковник Сапько вскоре с облегчением доложил начальству:

— 3-я артиллерийская дивизия прорыва РВГК готова к выполнению боевых задач!

Соединение имело в своем составе 1-ю гаубичную артиллерийскую бригаду под командованием полковника Добринского А. Г., 5-ю тяжелую пушечную артиллерийскую бригаду — полковника Брюханова А. Г., 7-ю минометную бригаду — полковника Жихарева Д. Н., 15-ю легкую артиллерийскую бригаду — полковника Половинкина Д. Н., 116-ю тяжелую и 117-ю гаубичную большой мощности артиллерийские бригады — полковников Борисова Б. К. и Никитина С. Я.

Впервые в Великой Отечественной войне 11-й армии генерала Баграмяна И. Х. было придано такое мощное соединение, как артиллерийская дивизия прорыва Резерва Верховного Главнокомандования.

— Перед войсками армии на жиздринском направлении, — сказал Санько генерал Баграмян, — находится многополосная, глубокоэшелонированная, хорошо подготовленная в инженерном отношении оборона противника. Всех деталей ее, конечно, мы не знаем. Выяснить их — ваша задача, товарищ Санько. Работа сложная и трудная, но на то вы и артиллеристы, чтобы разобраться во всех тонкостях.

Ушел Санько от командарма окрыленный и радостный. Иван Христофорович дал командиру дивизии полную самостоятельность в действиях. А это обязывало Санько к тому, чтобы ни один дот или дзот, батарея или опорный пункт не остались неразведанными. Нужно будет определить координаты всех целей, подлежащих подавлению и уничтожению. От правильности координат целей и надежности их подавления во многом зависела судьба выполнения боевой задачи.

За несколько дней до начала наступления Санько был вызван в штаб артиллерии Западного фронта. Генерал Камера внимательно выслушал комдива, затем поставил ему конкретную боевую задачу.

— Опыта применения таких крупных артиллерийских соединений, какой является ваша дивизия, насчитывающая свыше 350 орудий, пока нет. Изучайте, трудитесь, товарищ Санько, экспериментируйте, обобщайте опыт. Только побольше смелости, дерзости, инициативы...

Санько решил не распылять бригады и полки. Тяжелую пушечную артиллерийскую бригаду он предложил назначить в артиллерийскую группу дальнего действия, а остальные, кроме бригады большой мощности, — в артиллерийские группы поддержки стрелковых дивизий первого эшелона армии.

Основные задачи всем бригадам спланировала армия, оставив некоторый огневой резерв для командиров стрелковых дивизий.

Утром 22 февраля 1943 года началась артиллерийская подготовка. Санько слышал грозный голос своей дивизии и с небольшого холма, на котором находился его пункт, наблюдал за ее действиями, за своевременностью выполнения огневых задач бригадами. Артиллерийская подготовка шла своим чередом, по заранее определенному графику, подчиняясь общему плану наступления.

Оборона противника в ее главной полосе была основательно разрушена, но гитлеровцы оказали ожесточенное сопротивление наступающим. Каждая траншея, высота,

населенный пункт брались нашими пехотинцами с бою. Санько то сосредоточивал, то рассредоточивал огонь, переносил его с одного участка на другой. Уже с первых дней командования дивизией он анализировал действия соединения и частей, размышлял о последующих боях.

23 февраля, в день славного 25-летия Красной Армии, к нему на наблюдательный пункт заглянул генерал Баграмян. В этот момент налетела авиация противника, на НП посыпались бомбы, но командарм не прятался.

— Товарищ генерал, в траншею! — крикнул Санько.

Баграмян посмотрел на самолеты и явно неохотно спустился в укрытие. В это время бомбы разорвались рядом с НП. Несколько человек, сопровождавших командарма, были ранены осколками.

— Поздравляю вас с праздником и первым серьезным боем, — промолвил Баграмян после того как вражеские самолеты улетели. — С задачей вы справились хорошо. А нужно... Нужно — отлично. Помните слова приказа № 95 Верховного Главнокомандующего: «Усилить удары по вражеским войскам».

Командарм внимательно изучил действия артиллерийской дивизии и похвалил ее личный состав. Когда он уехал, Санько, обрадованный его похвалой, думал о том, как сделать дивизию еще более боеспособной, могущей выполнить любые задания командования.

Несколько дней спустя начальник политотдела дивизии принес политдонесение в штаб фронта. В нем рассказывалось о героических действиях воинов дивизии. Старший лейтенант Ткачев, например, вместе с разведчиками проник в расположение противника с задачей уточнить местонахождение ряда целей. Разведгруппа была обнаружена врагом. Завязался бой. Дерзкие действия разведчиков привели к тому, что у гитлеровцев возникла паника. Неся большие потери и опасаясь окружения, сначала рота, а затем и весь пехотный батальон врага, бросая вооружение, оставили свой участок обороны. Советская пехота без потерь овладела высотой.

...Батарея капитана Щеткина поддерживала стрелковую роту. Ночью артиллеристы поставили пушки рядом с пехотой. Оборудовали окопы, замаскировались. На рассвете пехотный батальон гитлеровцев при поддержке 10 танков начал атаку. Стрелковая рота встретила его огнем из автоматов и пулеметов, но силы были явно неравные. Однако, когда немцы подошли на 150—200 мет-

ров к огневой позиции, четыре 76-миллиметровые пушки ударили картечью по пехоте и бронебойными снарядами по танкам. Выстрелы были точными. Атака фашистов захлебнулась.

В боях на жиздринском направлении дивизия стала обстрелянной и успешно действовала в дальнейшем. Севернее Орла она приумножила свою боевую славу. Плотность артиллерии на главном направлении наступления была доведена до 170 стволов на километр фронта, продолжительность артиллерийской подготовки планировалась 2 часа 45 минут. Боевые порядки оборудовались заранее и занимались скрытно от врага в ночь перед наступлением. Пристрелку реперов производили одним орудием на полк, достигая тем самым сохранения в тайне группировки артиллерии и ее расположения.

11 июля пехота провела разведку боем. Противник ввел в действие все свои огневые средства. Артиллеристы с наблюдательных пунктов засекли их. Гитлеровское информационное бюро на следующий день хвастливо сообщило об успешном отражении ночной атаки русских. Но через несколько часов, в 3 часа 20 минут 12 июля, выстрелы тысяч орудий и минометов возвестили о начале артиллерийского наступления. Почти три часа длился период подавления и разрушения. Затем за огневым валом в полный рост пошла пехота, имея в своих боевых порядках танки и орудия сопровождения. Большинство опорных пунктов, дзотов, блиндажей, наблюдательных пунктов, траншей, узлов связи оказались разрушенными и уничтоженными огнем артиллерии. За полтора часа 8-й гвардейский стрелковый корпус, поддерживаемый 3-й артиллерийской дивизией, преодолел всю глубину первой позиции главной полосы обороны врага и освободил крупные населенные пункты Починок и Перестряж. Пытаясь задержать наступление наших войск, гитлеровское командование ввело в бой крупные резервы. Немцам удалось опять захватить несколько населенных пунктов.

Узнав об этом, Санько быстро сосредоточил на атакованном участке гаубичную, тяжелую пушечную и тяжелую гаубичную бригады. Огонь более двухсот орудий обрушился на врага. Почти пять тысяч снарядов общим весом более ста пятидесяти тонн легло на небольшую площадь, где находились гитлеровцы. Санько видел, как разрывы снарядов кромсают гусеницы танков, срывают башни, перевертывают бронетранспортеры, разят пехоту. Гитлеровцы, бросая оружие, в панике отступили.

Ночью дивизия переместилась вперед и утром 13 июля громила врага на его второй оборонительной полосе.

На участок прорыва 11-й гвардейской армии противник бросил большое количество авиации. Никогда раньше Санько не видел так много вражеских самолетов. Над полем боя стоял гул сотен бомбардировщиков и истребителей. Командир стрелкового корпуса ввел в бой 108-ю стрелковую дивизию. Екнуло сердце у полковника Санько: он считал ее родной, ибо боевое крещение принял в ней. Командовал ею теперь полковник Терехов. Санько приехал к нему на командно-наблюдательный пункт и сказал:

—Родной дивизии помогу всей мощью.

— Спасибо, Иван Федосеевич. Я много наслышан о вас от офицеров штаба... Буду рад вашей поддержке.

С помощью 3-й артиллерийской 108-я стрелковая дивизия перерезала дорогу Болхов — Карачев, вырвалась далеко вперед. Тылы отстали. Горючее и боеприпасы были на исходе. Этим воспользовались гитлеровцы. Они контратаковали с трех сторон и создали угрозу окружения дивизии.

Санько услышал по телефону тревожный голос Терехова:

— Иван Федосеевич, выручай...

Вслед за звонком комдива пришла телеграмма Военного совета 11-й гвардейской армии: «Судьба 108-й стрелковой возлагается на командира 3-й артиллерийской дивизии».

Радиотелеграф, телефон и офицеры связи срочно передали командирам бригад приказ полковника Санько с указанием участков и рубежей огня. Спустя некоторое время загремели сотни орудий, создавая огневой щит вокруг 108-й стрелковой дивизии. Ни один вражеский солдат, ни один танк не смогли проникнуть за этот щит. Дивизия продолжала выполнять поставленную ей задачу.

В прорыв вошла 4-я танковая армия, которой командовал генерал В. М. Баданов. Разгорелось встречное танковое сражение. И опять артиллеристы активно помогали пехоте и танкам громить врага.

В один из горячих моментов в армию прибыл Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Он собрал командиров, уточнил вопросы организации взаимодействия танков, пехоты, артиллерии и авиации, приказал:

— Завтра продвинуться вперед не менее, чем на 25 километров!

Танкисты выполнили этот приказ, освободили город Знаменский. А 5 августа 1943 года войска Брянского фронта вступили в Орел. 15 августа был освобожден Карачев.

За отличные действия в Орловской наступательной операции бригады 3-й артиллерийской дивизии прорыва были награждены орденами боевого Красного Знамени и Красной Звезды, а на Знамени дивизии засиял орден Ленина. Этим орденом был награжден и командир дивизии полковник Иван Федосеевич Санько.

Завершив бои на этом участке фронта, артиллерийская дивизия поступила в распоряжение командующего 1-й гвардейской армией. И снова бои. Санько теперь уже был обстрелянный офицер, а личный состав дивизии получил богатый боевой опыт. Невдалеке от города Житомира, за участие в освобождении которого 3-й артиллерийской дивизии было присвоено почетное название Житомирская, противник бросил против армии большое количество танков. Командарм вызвал Санько и приказал:

— Поднять по тревоге 15-ю легкоартиллерийскую бригаду и занять противотанковый рубеж, не допустить прорыва танков противника.

Задача оказалась трудной: время прибытия на указанный рубеж было ограничено. Санько тут же поставил задачу комбригу и сам с офицером штаба выехал в назначенный бригаде район, где лично выбрал огневые позиции для всех частей и подразделений. Еще на марше поставил боевые задачи, указал сигналы взаимодействия. На этом Санько сэкономил часа полтора времени. Нужно было спешить. Противник торопился сюда, имея в своей группировке около ста двадцати танков и штурмовых орудий и до двух полков пехоты.

Бригада совершала марш на максимальной скорости. К месту развертывания орудия прибыли в темноте, упредив танки врага, находившиеся в нескольких километрах. «Успеем встретить противника», — мелькнуло в голове Санько. Действительно, едва бригада оседлала шоссе и развернулась в боевой порядок, появились вражеские танки. Не сэкономь Санько времени при постановке задач и выборе огневых позиций, бригада могла опоздать на рубеж развертывания и попасть в трудное положение.

Удар 24-го танкового корпуса противника был очень сильным, но его встретили 100-миллиметровые орудия 15-й артиллерийской бригады. Санько понимал, что од-

ной бригаде будет очень трудно справиться с более чем сотней танков, и потому вводил в бой другие части дивизии по мере их подхода к месту боя. Вскоре на помощь артиллеристам командарм выдвинул стрелковую дивизию полковника Богданова.

Всю ночь гремела танко-артиллерийская дуэль. Как ни пытались гитлеровцы перехитрить артиллеристов, меняя направления ударов, успеха они не добились. К утру натиск противника ослаб. На следующий день вражеские атаки опять усилились. Появилась авиация. Но наши артиллеристы наращивали удары по танкам. В стычках с гитлеровскими бронированными машинами отличилась батарея старшего лейтенанта Заикина. Она уничтожила пять вражеских танков в тот момент, когда те прорвались в тыл и атаковали штаб бригады. Два танка подбил из своего орудия сержант Кулеш. Наводчику ефрейтору Никитину для их уничтожения потребовалось два снаряда.

Не добившись успеха здесь, гитлеровцы перенесли усилия на участок, где стояла бригада полковника Борисова Б. К.

— Перед нами появилось тридцать танков врага, — доложил командир бригады комдиву. — Пехота медленно отходит.

— Позиций не оставлять, врага встретить огнем прямой наводки, — приказал Санько.

Фашистские танки приближались с большой скоростью, надеясь на легкую расправу с советскими гаубичниками. Расстояние быстро сокращалось. Наводчики энергично работали прицельными механизмами, ожидая команды.

— Огонь! — голос полковника Борисова заглушил дружный залп бригады. Остановились семь танков и десять бронеавтомобилей. У двух танков слетели орудийные башни. Враг попятился. Гаубичники продолжали вести редкий, но точный огонь, уничтожая танки противника. Рядом развернулся дивизион реактивной артиллерии — он ударил по танкам прямой наводкой. Поле потонуло в море огня.

Ни одного человека, ни одного орудия не потеряла бригада в этом бою с врагом. Атака гитлеровцев была успешно отражена.

Об успехе бригады в борьбе с танками стало известно командующему артиллерией Красной Армии маршалу артиллерии Н. Н. Воронову. Через командующего артил-

лерией 1-го Украинского фронта он похвалил бригаду за мужественные действия, но предупредил Санько о недопустимости подобного использования тяжелых гаубиц впредь.

— Я поставил гаубицы против танков врага, — ответил Санько командующему артиллерией фронта, — не по неграмотности, а в силу крайней необходимости. Более того, и дивизион реактивной артиллерии действовал против танков. И опыт удался: враг не выдержал мощного огневого удара и отступил...

В этом сражении с фашистскими танками проявился огромный опыт генерала Санько, накопленный за многие годы службы в артиллерии.

В завершающие дни Великой Отечественной войны 3-я дивизия РВГК была придана стрелковому корпусу, которым командовал генерал-майор А. И. Родимцев. Бой шел за город Дрезден. Противнику был предъявлен ультиматум через парламентеров, но враг отказался капитулировать и оказывал ожесточенное сопротивление. Тогда командир корпуса генерал А. И. Родимцев и командир артиллерийской дивизии генерал И. Ф. Санько сосредоточили массированный удар по укреплениям противника и приступили к штурму города. Дрезден был взят.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР генерал-майору Санько И. Ф. за личное мужество, проявленное в боях с врагом, было присвоено звание Героя Советского Союза.

В послевоенные годы, работая на разных должностях в артиллерии, а затем командующего артиллерией военных округов, групп войск, начальника управления боевой подготовки Ракетных войск и артиллерии Сухопутных войск, генерал-полковник Санько И. Ф. наглядно показал достойный образец подлинно творческого отношения к своим служебным обязанностям, самоотверженного труда на благо великой Советской Родины.

И. Ф. Санько прослужил в Вооруженных Силах более 50 лет. Уволившись из армии по состоянию здоровья, он продолжает активно участвовать в военно-патриотическом воспитании советской молодежи, в подготовке ее к защите социалистического Отечества.

СОДЕРЖАНИЕ

Петр Николаевич Кудинов

ВЛАСТЕЛИНЫ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ОГНЯ

Редактор *А. И. Зарубин*
Художник *Ю. И. Артюхов*
Художественный редактор *В. В. Васильев*
Технический редактор *А. А. Перескокова*
Корректор *Е. А. Борискина*

ИБ 2647

Сдано в набор 27.09.85. Подписано в печать 20.11.85.
Г-92089. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарн. обыкнов. новая.
Печать высокая. Печ. л. 6 1/2. Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 11,19.
Уч.-изд. л. 11,43. Тираж 25 000 экз. Изд. № 1/470. Зак. 937.
Цена 55 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата.
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.